

634(26 КЧ)
П78

КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКИЙ ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ЭКОНОМИКИ

464+29 А

**ПРОБЛЕМЫ
АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ**

(Материальная и духовная культура)

✓
Черкесск, 1982

КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКИЙ ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ЭКОНОМИКИ

**ПРОБЛЕМЫ
АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ**

(Материальная и духовная культура)

Черкесск, 1982

Редакционная коллегия:

Е. П. АЛЕКСЕЕВА (ответ. ред.), Х. Х. БИДЖИЕВ, И. М. ШАМАНОВ.

В сборник помещены статьи, посвященные характеристике археологических памятников Карачаево-Черкесии, а также вопросам материальной и духовной культуры карачаевцев, черкесов, абазин, ногайцев (одежда, народная медицина, верования и др.).

СО Д Е Р Ж А Н И Е

От редактора	3
Алексеева Е. П. Памятники позднекобанского времени на территории Карачаево-Черкесии	5
Биджиев Х. Х. Некоторые итоги исследования средневековых памятников Карачаево-Черкесии	59
Биджиев Х. Х. Крепостные сооружения Хумаринского городища	84
Биджиев Х. Х., Соголайнен Н. П. Керамика Хумаринского городища VIII—X вв. н. э.	113
Зверева Ю. И. К вопросу об изучении материальной культуры абазин	134
Шаманов И. М. Древнетюрское верховное божество Тенгри (Тейри) в Карачае и Болкарии	155
Калмыков И. Х. Почитание огня (мафле) и домашнего очага (жъэгу) у адыгов	171
Кунжиева Л. З. Из народной медицины абазин	180
Керейтов Р. Х. Терминология родства у ногайцев	191
Керейтов Р. Х. О книге С. Ш. Гаджиевой «Очерки семьи и брака у ногайцев» (XIX — начало XX в.) М., 1979	213
Список сокращений	223

464129

ПРОБЛЕМЫ

АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ

(Материальная и духовная культура)

Редактор Алексеева Е. П.

Художник Марков Ф. И.

Технический редактор Мирошникова Л. Т.

Корректор Прыткова Н. С.

Подписано в печать 3.11.82

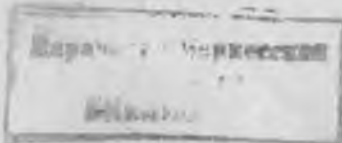
ВУ 27371 формат 60×84¹/₁₆

Бумага типографская номер 3. Гарнитура литературная. Печать высокая. Физ. п. л. 14. Тираж 500. Зак. 5558. Цена 1 руб.

Карачаево-Черкесский

ордена «Знак Почета» научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики,
г. Черкесск, Дом Советов

Карачаево-Черкесская укрупненная типография,
г. Черкесск, ул. Первомайская, 47

ОТ РЕДАКТОРА

В предлагаемом сборнике помещены статьи археологов и этнографов, посвященные анализу археологических памятников и разработке вопросов материальной культуры (одежда) и духовной культуры (народная медицина, верования и др.) народов Карачаево-Черкесии.

В статье Е. П. Алексеевой «Памятники позднекубанского времени на территории Карачаево-Черкесии» характеризуются поселения и могильники VII—IV вв. н. э. — периода больших сдвигов в этнокультурной жизни населения Северного Кавказа. Намечается верхнекубанский вариант позднекубанской культуры.

Статья Х. Х. Биджиева «Крепостные сооружения Хумары» является итогом четырехлетних раскопок на Хумаринском городище. В ней описываются стены и башни этого уникального памятника.

Во второй статье Х. Х. Биджиева «Некоторые итоги исследования средневековых памятников Карачаево-Черкесии» автор впервые вводит в научный оборот открытые им раннесредневековые поселения и могильники Карачаевского района (Тебердинское ущелье), а также Усть-Джегутинского и Малокарачаевского районов.

Статья Ю. И. Зверевой «К вопросу об изучении материальной культуры абазин» посвящена малоизученному вопросу о традиционной одежде абазин. Подробно описывая её, автор кратко характеризует и современную абазинскую одежду.

О почитании огня, очага и очажных принадлежностей адыгами в далеком и недавнем прошлом пишет И. Х. Калмыков («Почитание огня» (мафIе) и домашнего очага (жьэгу)).

В основу статьи Л. З. Кунижевой «Из народной медицины абазин» положены полевые материалы, собранные автором в 1970 — 1971 гг. в абазинских селениях. Л. З. Кунижева пишет о лечении болезней народными средствами — травами, плодами и ягодами.

В статье И. М. Шаманова «Древнетюрское верховное божество Тенгри (Тейри) в Карачае и в Балкарии» исследуется вопрос о верховном божестве Тенгри, олицетворяющем и бога и небо. Автор приходит к выводу, что данные о почитании древнетюрского верховного божества среди карачаевцев и балкарцев подтверждают древнетюрскую основу этих народов. Карачаевцы и балкарцы унаследовали мифологию в древнетюрской этнокультурной среде. Материалы и выводы, приведенные в статье И. М. Шаманова, представляют новые данные для решения проблемы карачаево-балкарского этногенеза.

В статье Р. Х. Керейтова «Термины родства у ногайцев» реконструированы существовавшие у ногайцев в прошлом термины родства, зафиксировано их бытование в настоящее время. К статье приложены таблицы терминов. Р. Х. Керейтову принадлежит также рецензия на книгу С. Ш. Гаджиевой «Очерки семьи и брака у ногайцев».

Статья Х. Х. Биджиева, Н. П. Саволайнен «Керамика Хумаринского городища VIII—X вв. н. э.» посвящена типологии и анализу посуды Хумаринского городища хазарского времени.

Перечисленные статьи сборника предназначены не только для специалистов, но и для всех тех, кто интересуется историей и культурой народов Карачаево-Черкесии.

Е. П. АЛЕКСЕЕВА

ПАМЯТНИКИ ПОЗДНЕКОБАНСКОГО ВРЕМЕНИ НА ТЕРРИТОРИИ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ

Введение

Кобанская культура давно привлекала и привлекает к себе внимание исследователей. Ею занимались А. А. Иссеп, Е. И. Крушов, В. Б. Виноградов, Т. М. Мишаева, И. М. Чеченов, В. И. Козенкова, Б. В. Техов, А. В. Найденко, Ю. Н. Воропов, В. Б. Ковалевская, Н. Л. Членова и другие археологи-кавказоведы.

Большой интерес представляет позднекобанский или скифский период, датирующийся второй половиной VII—VI вв. до н. э.¹ Это время больших сдвигов в этнокультурной жизни населения Северного Кавказа.²

Памятников раннекобанской культуры на территории Карачаево-Черкесии известно мало, из комплексных памятников — только Инжиччукуинский,³ Терезинский могильники⁴ и 7 погребений Исправненского могильника⁵.

Что касается памятников позднекобанской культуры, то их исследовано и описано довольно много, поэтому уже имеется возможность для обобщения и интерпретации этих материалов. Задачей настоящего исследования является характеристика памятников позднекобанского времени Карачаево-Черкесии, определение их места среди других одновременных памятников Северного Кавказа, определение их датировки.

В качестве источника нами использованы некоторые архивные материалы (отчеты П. Н. Шишкина и А. В. Найденко)⁶, а также неопубликованный отчет В. И. Марковина о раскопках курганов около Кумыша.⁷

Памятниками позднекобанского-скифского периода Северного Кавказа занимались многие археологи.⁸

Однако, позднекобанские материалы Карачаево-Черкесии фигурируют лишь в нескольких исследованиях.

Так, Е. И. Крупнов в своем капитальном труде упоминает Тамгацкиские поселения и могильник и скифский курган у хутора Дружба, относя их к западной (кабардино-пятигорской) группе памятников кобанской культуры⁹.

А. Л. Нечитайло опубликовала некоторые предметы инвентаря домбайских могильников, которые датируются VII--VI вв. до н. э. и относятся ею к прикобанской культуре¹⁰.

А. В. Найденко проанализировал памятник кобанского и позднекобанского времени, раскопанный им у станицы Исправной. Он пришел к выводу, что этот могильник оставлен племенами, носителями кобанской культуры на ее последней стадии. Автор выявил некоторые элементы влияния прикобанской культуры¹¹.

Краткая характеристика памятников позднекобанского времени Карачаево-Черкесии дана в нашей книге, изданной в Москве в 1971 г.¹²

В этой книге комплексы скифского времени Карачаево-Черкесии отнесены к памятникам позднекобанского периода Северного Кавказа. Отмечено, что в культуре Карачаево-Черкесии этого времени преобладали черты позднекобанской культуры¹³.

Таким образом, мы видим, что если в изучении позднекобанской культуры Северного Кавказа в целом сделано уже немало, то исследование памятников позднекобанского времени Карачаево-Черкесии еще только начинается.

Настоящая статья является первой попыткой обобщения материалов позднекобанского времени Карачаево-Черкесии¹⁴.

Карачаево-Черкесия находится в юго-западной части Ставропольского края. В нее входят Мало-Карачаевский район, находящийся в бассейнах рек Подкумок и Эшкакон, остальная часть области лежит в верховьях Кубани и Зеленчуков. В настоящей работе речь пойдет, главным образом, о территории верховьев Кубани и Зеленчуков, которую обычно называют Верхним Прикубаньем.

Основным источником, послужившим для написания данной работы, являются материалы, добытые самим автором, который вел раскопки позднекобанских памятников с 1954

года. Памятники предскифского и позднекобанского времени на территории Карачаево-Черкесии раскапывали и другие археологи: В. П. Любин, А. В. Найденко, Х. Х. Биджиев, В. И. Марковин, В. И. Козенкова, В. Б. Ковалевская. Однако информации об этих раскопках представляют собой краткие статьи, опубликованные, главным образом, в сборниках «Археологические открытия»¹⁵.

Интересные материалы проработаны автором в Карачаево-Черкесском областном музее краеведения (КЧОМК), находящемся в городе Черкесске. Материалы эти представляют собой, как правило, случайные, хотя порой и комплексные находки.

Автором в разное время изучались коллекции северокавказских музеев (гг. Ставрополя, Кисловодска, Нальчика, Орджоникидзе, Грозного). Особое внимание было уделено материалам Пятигорского музея, которые нами изучались в 1952, 1962 и 1978 годах.

ХАРАКТЕРИСТИКА ПАМЯТНИКОВ ПОЗДНЕКОБАНСКОГО ВРЕМЕНИ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ

В настоящей главе мы даем описание памятников позднекобанского времени Карачаево-Черкесии. Памятники перечислены по возможности в хронологическом порядке.

Памятники в местности Уллубаганалы на Эшкаконе

В зоне Эшкаконского водохранилища в 1977 г. работал Мало-Карачаевский отряд Ставропольской экспедиции ИА АН СССР. Руководитель отряда — В. Б. Ковалевская. Начаты раскопки на поселении и могильнике VI в. до н. э. в устье правого притока Эшкакона-Уллубаганалы. Площадь поселения — 25000 кв. м. Мощность культурного слоя — 0,50–0,70 м. Ранний материал относится к VIII—VI вв. до н. э. (лощенная керамика с геометрическим прочерченным орнаментом, пряслица, оселки, зернотерки). Зафиксированы каменные стены жилых сооружений, вымостки из плит внутри помещений, открытые каменные очаги, вымостки из мелкого камня во дворах и хозяйственных постройках. В грунтовом могильнике VI в. до н. э. раскопаны четыре погребения (одно с конем). Могилы представляли собой неглубокие ямы. В конструкции сооружений и заполнении использован камень. Погребения одиночные, костяки лежали на боку, чаще — на левом. Обнаружены железные кинжалы, серповидные ножи, акинаки, бронзовые двуперые наконечники стрел с шипом скифского типа, костяной пулевидный наконечник стрелы, костяные застёжки колчана, сердоликовые бусы, фибула, круглые бляшки с треугольными прорезями. В каждом погребении встречена большая глиняная корчага, небольшой горшочек и чаша из меди (в двух случаях с каннелюрами).¹⁶

В 1978 г. В. Б. Ковалевской и В. И. Козепковой исследованы памятники Уллубаганалы II. Раскопан грунтовый могильник VII—VI вв. до н. э. (21 погребение) и частично одновременное могильнику поселение. Погребенные лежали скорчено головой на юг или на восток, по одному в захоронении, в камешных ящиках или в грунтовых ямах, обложенных булыжником.

На поселении начала I тыс. до н. э. открыты остатки помещений более позднего времени. Они располагались, в основном, на северной, западной и южной части мыса. Зафиксированы каменные развалы домов. Жилища углублены в землю, небольших размеров, имеют земляной пол. Каменные вымостки занимают меньшую площадь чем в древних слоях поселения. Найденны фрагменты обоженной глиняной обмазки стен, глиняные пряслица, железные удила, ножи, шилья, бронзовый втульчатый наконечник стрелы скифского типа VI в. до н. э., костяная мотыжка, много фрагментов керамики VIII—VI вв. до н. э.¹

Хумаринское древнее селище

В 40 км. южнее города Черкесска, на правом берегу р. Кубань на скале над аулом Хумара находится средневековое Хумаринское городище. В 1963 и 1964 годах во время работ на городище экспедицией КЧНИИ, возглавляемых Е. П. Алексеевой, на площади, примыкающей к городищу с северо-восточной стороны, а также на северо-восточной окраине самого городища (под средневековыми слоями) обнаружены остатки древнего поселения. Поселение было открытое, без укреплений. Культурный слой располагался на холмах. Материалы интересующего нас времени были обнаружены в раскопе 3.

В 150 м. к северу от холма с цитаделью находится не большое овальное возвышение, ориентированное с ВЮВ на ЗСЗ. Диаметры этого возвышения — 120 и 100 м. Раскоп, ориентированный с В на З, занимал плато этого холма. Раскопки велись до материка, на глубину 0,50 м. В западной и центральной части раскопа открыты остатки небрежно сложенной каменной кладки. Камни лежали на материке, но значительная часть их находилась на слое глины, высотой от 15 до 20, а иногда и до 35 см. С северо-востока на юго-запад проходила длинная кладка. Другие участки кладки представляли собой остатки фундаментов прямоугольных и полукруглых в плане помещений. Высота кладок различная от 25 до 45 см., средняя 35 см. Камень — рваный, иногда очень плохо оточенные бруски. В культурном слое обнаружены куску угля, печина, зола, кости животных и очень много фрагментов лепной сероглиняной посуды. Поверхности черепков — серые, красные, желтые, светлорыжие, черные, очень часто с дощением. Керамика богато орнаментирована. Датируется памятник VII—VI вв. до н. э.¹⁸

Тамгацкинский могильник

В 1954 г. экспедицией ЧНИИ (КЧНИИ) под руководством автора этих строк проводились работы в местности Тамгацкик — в 3 км. к югу от аула Жако и в 3 км. к востоку от правого берега р. Малый Зеленчук. Работы велись на Южном холме, около озера.¹⁹

Южный холм представляет собой овальную в плане возвышенность, ориентированную с Ю на С. С западной стороны холма находится край третьей террасы р. Малого Зеленчука, с восточной дорога на ферму и озеро. Раскопками 1954 года выяснено, что на Южном холме располагался могильник, который находится в культурном слое несколько более раннего поселения (VIII — VI вв). Могильник датировался VI в.²⁰ На Южном холме было раскопано семь могил. Форма могил различная — ямы, овальные и прямоугольные в плане, каменные ящики; могилы неправильной формы в виде трапеции и неправильного прямоугольника. Ориентация — на СЗ, В СВ. Человеческие кости лежали в беспорядке. В некоторых случаях черепа находились в юго-восточной части могилы. Наряду с человеческими костями, встречены кости коня, в основном — зубы. Иногда в мисках помещались раковины каури. Может быть, это были ценности, а может быть — части ожерелья. Так, в Перкальском могильнике в миске лежали бусы,²¹ а в Ясеново-Полянском могильнике обнаружено ожерелье из раковин каури²².

Кызыл-Калинский могильник

В 2 км. к югу от аула Кызыл-Кала у подножья горного отрога, на котором высится башня Гошаях-Кала, экспедицией КЧНИИ под руководством Е. П. Алексеевой в 1960 г. исследован могильник. Края могил на поверхности были выложены камнями. Из девяти могил две были овальные, остальные — прямоугольные. На дне могил в беспорядке лежали человеческие кости (взрослых и детей), зубы коня, железные удила, обломки глиняных сосудов, раковины каури, железные и бронзовые наконечники стрел, железные ножи, бронзовые украшения. Могильник датируется VI в. до н. э.²³

Курган в окрестностях сел Кумыш

В 1976 г. отрядом Горнокавказской экспедиции под руководством В. И. Марковина в окрестностях сел. Кумыш был раскопан курган (курган № 1)²⁴. Диаметр его около 6,5 м, высота 0,35—0,40 м. Насыпь кургана состояла из камней. Основная масса камней, находящихся над могилой, обнаружена в восточной части кургана. Могила была грунтовой с наброской из камней. Могильная яма ориентирована с севера на юг. Длина ее 1,50—1,40 м, ширина 1,10—1 м. У дна могилы обнаружены кальцинированные кости человека, обломки костей животных, каннелированная, чернолощенная керамика, железный нож, галька кварца со следами работы. Как справедливо полагает В. И. Марковин, в могиле был погребен кремированный прах.

Железный нож, найденный в могиле, имеет слегка выгнутую спинку. От него сохранился только обломок (5,5 × 1,6 × 0,2 см). Керамика из захоронения — отдельные обломки посуды, в основном — части стенок. Отогнутое венчик с диаметром устья в 15 см. Обломки чернолощенной керамики, как правило, покрыты горизонтальными каннелюрами.

В захоронении встречена также угольная галька белого кварца (6,5 × 5,5 × 2,5 см) со следами работы на приотстренных краях, затупленных и подшлифованных от употребления.

Как пишет В. И. Марковин, «описанный курган ориентировочно может быть датирован VI—V вв. до н. э. по аналогии с некоторыми материалами раскопок М. М. Трапша в Абхазии, которые он связывает с абхазо-адыгским этносом. Характерной чертой является для изученных им захоронений — обряд кремации»²⁵. (см. табл. 1, рис. 8—13). На таблице представлены рисунки В. И. Марковина.

Курган у сел. Карабашево

В местности Карабашево, на правом берегу р. Маруха, 3 км. к юго-востоку от селения Маруха экспедицией ЛОИА и Ставропольского музея краеведения (руководитель В. П. Любин) в 1956 г. исследован курган высотой 1 м, диаметром 5—6 м²⁶. В насыпи встречены валуны, вымостка из валунов была также под насыпью на материке. Гробница находилась в центре, стены ее были выложены плитня-

ком, дно булыжником. На дне гробницы лежали перегоревшие кости, значительное количество золы, глиняные сосуды, три железных кинжала, бронзовые навершия кинжальных ножей и много мелких бронзовых предметов. Обломки глиняных сосудов и металлических предметов типа найденных в гробнице, а также уголь и зола обнаружены в насыпи кургана, в частности — на булыжниковой вымостке.

Перед нами — погребение с трупосожжением, очевидно — мужское коллективное или одиночное — не выяснено. Глиняные сосуды — лепные, — миски — на высоком поддоне, и кружки с ручкой, с широким горлом и биконическим туловом. Железные предметы — наконечник копьа втульчатый лавролистный и серповидной рукояткой, акинак с бабочковидным перекрестием, удила кольчатые и трехкольчатые псалии; нож серповидный. Четыре втульчатых наконечника стрел — два железных трехгранных, два бронзовых двуперых. Как мы видим, предметы вооружения в основном, носят скифский облик, а керамика весьма своеобразная, местного типа. Бронзовые украшения также местного позднекобанского типа: цилиндрические пронизки с каплевидной подвеской (как из Тамгацикского могильника), пронизи с подвесками в виде колокольчиков, боченковидные бусы — ажурные и с продольным веревочным орнаментом (как из Кызыл-Калинского могильника). Подвески — с тремя бараньими головками, в виде птицы, в виде сердечка. Спиральные пронизи. Пуговицы выпуклые с шишечкой в центре, на оборотной стороне — петля. Стекланные бусы, четыре оселка.

Аналогии наконечнику, копьа и акинаку есть в Нестеровском и Луговом могильниках,²⁷ удилам и псалиям в Первом Разменном кургане у ст. Костромской.²⁸ Серповидный нож, бронзовые украшения, сосуды имеют аналогии в могильниках VI в. до н. э. Тамгацикском, Кызыл-Калинском и других. На основании аналогий с памятниками VI—V вв. до н. э. комплекс датируется В. П. Любиным именно этим временем²⁹

Учкуланские памятники

В верховьях Кубани, там, где она начинается от слияния двух речек Хурзук и Учкулан, также обнаружены памятники позднекобанского времени. В полукилометре к востоку от аула Учкулан, на левом берегу р. Хурзук, расположено поселение, существовавшее в течение долгого време-

ни (в позднекобанское, сарматское и аланское время). Несколько выше поселения находятся разрушенные могилы, представляющие собой прямоугольные или ромбические в плане постройки, иногда из плохо отесанных каменных блоков и брусьев. Дно могил — ниже уровня материка, выстлано плитами. Ориентированы сооружения с Ю на С, с отклонениями к В и к З. Размеры — до 5 м. в длину и до 3,5 м в ширину. Глубина — до 0,95 м. В учкуланских погребальных сооружениях, а также в нижних слоях Учкуланского поселения найдены обломки лепных сосудов из коричневой, иногда из серой глины: горшков, сосудов с ручкой, мисок, с загнутыми внутрь краями. Орнамент геометрический — сетка и др. На бортиках сосудов (мисок и других) косые врезанные черточки, образующие елочку. На сгибах сосудов — овальные шишечки — налпы. Ручки с продольными желобками. В верхней части ручек — трапециевидная площадка. Сходная керамика встречена в памятниках VI в. до н. э. — в раскопе 3 Хумаринского поселения, в Тамгаинском и Кызыл-Калинском могильниках; в комплексе с Домбайской Поляны на Алибечке несколько более позднем — см. ниже.

Таллыкский курган

У аула Таллык близ Большого Соленого озера (ныне Черкесское водохранилище), в 20 км. к востоку от города Черкесска, Х. О. Лайпановым, бывшим тогда ректором Карачаево-Черкесского педагогического института, в 1959 году был исследован курган. На кургане, по словам Х. О. Лайпанова, была каменная баба кипчакского типа. Из этого кургана были извлечены следующие предметы: лепные глиняные сосуды сероватокоричневого цвета — грушевидная кружка с ручкой, типа найденной в Минераловодском могильнике VI в. до н. э.³⁰ в Тамгаинском и Кызыл-Калинском могильниках; горшочек с двумя ручками, расположенными в почти горизонтальной плоскости — подобные ручки характерны для сосудов Усть-Лабинского могильника³¹, миска с загнутыми внутрь краями. В грушевидной кружке была каменная плиточка и обломки костей животных. Биконическое глиняное пряслице. Раковины каури. Бусы глазчатые из стекловидной пасты — как из Лугового могильника. Терракотовые позолоченные блюдца с рельефными изображениями Медузы Горгоны и Деметры³². Подоб-

ные находки мне известны из памятников более позднего времени³³. Золотые овальные сережки. Подобные же серебряные найдены в Верхней Рутхе³⁴. Железный серповидный нож типа нестировских³⁵ и тамгацких. Обломки железных кольчатых удил, меча, кинжала. Бронзовые и железные втульчатые трехлопастные и трехгранные наконечники стрел — такие же как и обнаруженные в могильниках Тамгацком, Кызыл-Калинском, Нестеровском³⁶ и Луговом³⁷.

Бронзовые украшения и принадлежности одежды. Маленькие колокольчики типа происходящих из Корци³⁸. Они характерны для позднекобанской культуры³⁹. Височные подвески овальные и подтреугольные. Они существовали II тыс. до н. э.⁴⁰, встречались в погребениях каякентско-хорочевской культуры начала I тыс. до н. э.⁴¹ Обычны они и для кобанской культуры. Особенно много их происходит из Чми,⁴² Есть они и в комплексах позднекобанской культуры, например, в одном из склепов Верхней Рутхи⁴³. Бронзовые цепочки обычны для памятников позднекобанской культуры⁴⁴. Спиральки цилиндрические (накопники) — как из Нестеровского могильника⁴⁵. Бляха в виде невысокого конуса, украшена прорезными треугольниками, в центре на оборотной стороне — петля. В качестве аналогий ей можно привести умбоны из комплексов позднекобанской культуры⁴⁶.

Спиральные биконические браслеты («шины») — подобные есть и в комплексе с речки Алибечки (см. ниже) и в более ранних памятниках (Инжиичкукунский могильник)⁴⁷. Круглые плоские бляхи диаметром 10 см. Фибулы дуговые. Пружина трехвитковая. Иголдержатель — подтреугольный, но довольно узкий. Дуга у одной витая, у двух — из прямоугольной в сечении пластины, и у двух — из ромбической в сечении пластины. Аналогии в комплексах позднекобанской культуры⁴⁸. На основании аналогий находка из Талыкского кургана датируется VI—V вв. до н. э. скорее — VI в. до н. э. Характерно сочетание оружия скифского облика, местной керамики и местных бронзовых украшений позднекобанского типа.

Кобу-Башинский склеп

В склепе Кобу-Баши, между Сторожевой и Преградной, среди находок сарматского времени обнаружены два бронзовых предмета позднекобанского облика — бронзовая

пряжка-крюк⁴⁹, как из склепов Нижней Рутхи⁵⁰ и массивный колокольчик⁵¹, типа происходящих из Казбекского клада⁵². Здесь наблюдается случай вторичного захоронения более древних вещей. (табл. 2, рис. 7, 8).

Могильник у Исправной

При рытье траншей в 1969 году в ст. Исправной найдены два предмета V—VI вв. до н. э.: плоское круглое бронзовое зеркальце с ручкой, без орнамента; сероглиняная миска, орнаментированная геометрическими узорами. Кроме того — обломки сероглиняного горшка с геометрическим орнаментом (КЧОМК, инв. №№ 3320, 3321).

1970—1971 гг. в 7 км. к северу от Исправной проводил раскопки сотрудник Ставропольского музея А. В. Найденко. На могильнике скифского времени, расположенном на первой надпойменной террасе левого берега р. Большой Зеленчук, исследовано 14 погребений. Могилы представляли собой прямоугольные каменные ящики. Погребенные лежали на боку, скорчено, ориентировка неустойчива, преобладает юго-восточная. Кроме одиночных погребений, много парных. Есть также спаренные каменные ящики.⁵³ «Могильник дает довольно богатый инвентарь, — пишет А. В. Найденко, — позднего этапа существования прикубанского варианта кобанской культуры (VI—IV вв. до н. э.): бронзовые, железные и костяные наконечники стрел, с двухперые шипом и отверстием на втулке и трехгранные железные наконечники копий; кривые железные ножи, оселки, бронзовые кобанские браслеты, бронзовые сердоликовые и костяные бусы. Сосуды, сопровождающие погребения, местного происхождения, характерны для позднекобанской культуры верховьев Кубани скифского времени. Они лепные, плохого обжига из глины с примесью песка и шамота. Преобладают такие формы, как горшки, миска, мивиятурные горшочки с шипковым орнаментом, иногда палеными сосцевидными выпуклинами».⁵⁴

Отметим, что вещи из этого могильника — глиняные горшки и миски, бронзовые браслеты, бронзовые подвески, железные кривые ножи, бронзовые трехгранные наконечники стрел находят аналогии в памятниках VI в. Карачаево-Черкесии — Тамгашике, Кызыл-Кале, Хумаре.

Кош-Хабльские находки

В ауле Кош-Хабль найден комплекс вещей VI-V вв. до н. э.: железный листовидный наконечник копья, железный

двупетельчатый псалый, бронзовые и костяные пуговицы, костяные трубки, зубы коня (КЧОМК, инв. № 1470). Очевидно, эти вещи происходят из разрушенного погребения. Вспомним, что зубы коня встречались в Тамгацикском и других могильниках.

Могильник и поселение в окрестностях аула Красновосточный

В 1978 г. Х.Х. Биджиев обнаружил в верхнем течении реки Кумы, юго-западнее аула Красновосточный, памятники VI—V вв. до н. э. — могильник (каменные ящики) и поселение. Материал не опубликован.

Памятники у сел. Первомайское

У с. Первомайское в 1973 году Х. Х. Биджиевым зафиксированы два городища и могильник. Городища относятся к раннему средневековью. Могильник датируется позднекобанским временем. В могильнике раскопано грунтовое погребение с богатым набором бронзовых вещей: амулеты, в виде фигурок животных, бронзовые браслеты, шесть наконечников стрел, бронзовые ножи, бронзовые подвески, бронзовые пуговицы-застежки, шилья⁵⁵.

Находки из Сторожевой

Как отмечает геолог П. Н. Шишкин, от жителей ст. Сторожевой получены: глиняные сосуды, бронзовая дугообразная фибула с цепочкой⁵⁶.

Далее П. Н. Шишкин пишет, что В. А. Виторе при вскрытии могилы в каменном ящике при человеческом скелете найдено несколько бронзовых фибул с цепочками (такие же, как были переданы жителями), большое количество синих стеклянных бус и др. Судя по описанию и рисункам П. Н. Шишкина, дуговые фибулы с цепочками относятся к позднекобанскому типу (см. у нас табл. 7, рис. 5, 6).

На площади около церкви имелся ряд курганов, в одном из которых в каменном ящике найдено два глиняных сосудов.⁵⁷

Учкекенская находка

В Учкекене найден бронзовый амулет в виде головки быка VI в. до н. э. (?) (КЧОМК, инв. № 3973).

Находки в Черкесске

В 1975 году на северной окраине г. Черкесска при земляных работах бульдозеристом найден комплекс предметов VI—V вв. до н. э.— шесть глиняных кружек и глиняная миска (КЧОМК, инв. № 1788).

Могила в Эльбургане

При перестройке больницы в ауле Эльбурган в 1961 г. была открыта могила. В ней было захоронение VI в. до н. э. и вторичное захоронение V—VI вв. н. э. К VI в. до н. э. относятся глиняный кувшинчик с ребристым туловом, глиняный горшочек без ручки, железная булава «без головки» (КЧОМК, инв. № 1789). Вещи из этого погребения см. на нашей таблице 1, рис. 1, 4.

Комплекс вещей из Жако

В Жако найден комплекс вещей VI—IV вв до н. э.: железные кольчатые удила, псални бронзовые, S-овидные, слабо изогнутые (КЧОМК, инв. № 1470).

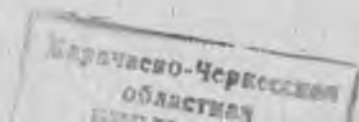
Могильник в Вако-Жиле

Могильник позднекобанского времени с каменными ящиками без кургашных насыпей случайно обнаружен местными жителями на правом берегу Большого Зеленчука, в окрестностях аула Вако-Жиле. В числе прочих вещей, найденных здесь, глиняные горшочки, железный кинжал с брусковидным навершием, бронзовый втульчатый трехлопастный наконечник стрелы скифского типа с шипом и со скрытой втулкой, V в. до н. э. Три бронзовых украшения: подвеска-коготь, цилиндрическая проиозка с колечками внизу, дыневидная бусина с продольными псевдовитыми полосками. Бронзовые — браслет с насечками и дуговая фибула.

Наконечник стрелы датирует данный комплекс V в. до н. э. Вещи из могильника Вако-Жиле см. на нашей табл. 3, рис. 2, 3, 4, 6.

Могильники на Домбайской поляне

Находки позднекобанского времени сделаны в верховьях реки Теберды, на Домбайской Поляне. Осенью 1954 г. на

территории Тебердинского гос. заповедника и альпинистского лагеря «Софруджу» рабочими-строителями был обнаружен могильник — пять курганов из камня, 5—8 м. в диаметре, 0,5—1,6 м. высоты.⁵⁸ В курганах найдены: фрагменты бронзового шлема (судя по обломкам, греческого аттического IV вв. до н. э.); две массивные бронзовые цепи, звенья овальные, несомкнутые, на конце одной из них — треугольная плоская двойная подвеска; два круглых спиральных бронзовых браслета тип «шин», с той разницей, что они не конические; две массивные круглые гладкие гривны из круглого в сечении прута; концы гривен расплющены, лавролистной формы, покрытые гравированным орнаментом (лесенки и кружочки). Фибулы дуговые. На дуге поперечные насечки; пружина двухвитковая, иглодержатель горизонтальный удлиненный, на конце загибается вверх и увенчивается шишечкой. Такие же фибулы происходят с речки Алибечки (см. ниже). Два втульчатых железных наконечника копий, железный короткий меч, железная секира и другие вещи. Аналогии этим вещам встречены в Таллыке, в Казбекском кладе, Луговом могильнике, особенно близкие — в комплексе с речки Алибечки. Рисунки некоторых предметов на Домбайской Поляне см. на наших таблицах 1, рис. 3 и рис. 5.

Аналогичные находки с Домбайской Поляны были опубликованы А. Л. Нечитайло.⁵⁹ В поселке Домбай на полуметровой глубине рабочие встретили каменный ящик, накрытый плитами. Положение скелета не установлено. В ящике найдены золотые проволочные височные серьги в два оборота, серебряная шейная гривна с утолщенными концами, бронзовые массивные дуговые фибулы с поперечными желобками на дугах, обломок бронзового браслета, бронзовые колокольчики, цепь из бронзовых колец, обломок кривого железного ножа с костянной рукоятью и обрывками кожи, стеклянные темносиние бусы с глазками и без них и некоторые другие предметы. В том же районе, на левом берегу р. Алибечки у моста найдены бронзовые дуговые тибулы, проволочные браслеты, колокольчики и несколько других бронзовых предметов, подобных описанным выше. Приемники домбайских фибул имеют конец, загнутый кверху, а пружина двухвитковая.

Некоторые из вышеописанных вещей см. на наших таблицах 2, рис. 14, 16, 20; 5, рис. 7.

В 1964 году при строительстве моста через речку Али-

бечку на Домбайской Поляне, на левом берегу этой речки рабочими было обнаружено погребение. Курганной насыпи не было — возможно она имелась, но была скрыта раньше. По показаниям рабочих, могильное сооружение, сложенное из камня, было ориентировано с З на В, в восточном конце находился череп. В могиле было много угля.

Вещи, обнаруженные в этом погребении, были следующие: обломки лепных сосудов из коричневой глины типа Хумаринских из раскопа 3; фибулы, бронзовая цепь — как из курганов «Суофруджу», маленькие колокольчики с боковой щелью (как таллыкские) браслеты проволочные с утолщениями и шишечками на концах: листовидные подвески: цепочка с миниатюрной очковидной подвеской; бронзовый наконечник и бусы — скобочки позднекобанского типа; серповидный нож типа тамгацких; железный втульчатый наконечник копья — как из Минераловодского могильника и могильника Исти-Су;⁶⁰ втоковидный железный наконечник копья — довольно редкий тип для памятников этого времени, он более характерен для сарматского и аланского времени, но есть и в комплексах VI—V вв. до н. э.⁶¹ Бусы стеклянные и пастовые. Более всего биконических, синих и желтоватых (как в могильниках Нестеровском, Луговом и Исти — Су).⁶²

Судя по аналогии, этот комплекс, а также находка из «Софруджу» и из каменного ящика в поселке Домбай можно датировать VI—V вв. до н. э. а может быть, даже и несколько позднее, так как шлем относился к IV в. до н. э. а проволочные браслеты с утолщениями характерны для эллинистического периода.⁶³

Вещи из комплекса с речки Алибечки см. на наших таблицах 3, рис. 1,5,7,8 — II; табл. 5, рис. 6.

Памятники у хутора Дружба

Предметы V в. до н. э. обнаружены в разрушенном кургане у клуба на хуторе Дружба (напротив Черкесска), Диаметр кургана — 24 м, высота 1,60 м. Западная часть кургана была совершенно снесена. В восточной части насыпи помещалось разрушенное погребальное сооружение из досок и булыжника, ориентированное с С на Ю. В сооружении помещались в беспорядке кости от нескольких скелетов. К востоку от сооружения обнаружены кости головы лоша-

ди, в основном зубы, с остатками железных кольчатых удиц.⁶⁴ Из этого кургана происходят: черенки лепного сероглиняного тонкостенного сосуда, с лощением и орнаментом из круглых ямочек; ручка от сосуда, плоскоовальная в сечении, в середине ручки орнамент в виде продольной цепочки из овальных и семечковых вдавлиш. Два бронзовых наконечника стрел со скрытой втулкой, обычные для скифской культуры V в. до н. э.⁶⁵ Не менее 150 бронзовых чешуек от панцыря. В верхнем конце отверстия, нижний конец закруглен, форма различная — продолговатые и в форме геральдического щитка. Три бусины — одна стеклянная, зеленоватая дольчатая, вторая боченковидная, пастовая желтовато-серая с белыми глазками, третья сердоликовая шаровидная. Обломки кольчатых удиц и других железных предметов. Аналогии датируют представленный комплекс V в. до н. э.

Вещи из вышеописанного кургана см. на нашей табл. 3, рис. 12, 13 табл. 4, рис. 9, 13—16.

На южной окраине хутора Дружба находится Дружбинское 2-е городище, на котором встречена керамика скифского времени. Ещё больше керамики этого периода найдено на Дружбинском 1-м городище.⁶⁶ Но это последнее почти совершенно не изучено — на нем производились сборы подъемного материала. Поэтому пока дать характеристику этого памятника мы не можем.

Таковы известные нам памятники позднескобанского времени Карачаево-Черкесии.

ОБРЯД И ИНВЕНТАРЬ ПОЗДНЕКОБАНСКОГО ВРЕМЕНИ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССИИ

§ 1. Погребальный обряд

Захоронения скифского времени Карачаево-Черкесии делятся на бескурганные и подкурганные.

I. Бескурганные погребения (Тамгацк, Кызыл-Кала, Уччулап, Вако-Жиле, Домбай, Исправная, Сторожевая). Здесь можно выделить четыре типа погребальных сооружений:

1. Каменные ящики (Тамгацк, Вако-Жиле, Сторожевая, Домбай, Исправная).

2. Грунтовые ямы, овальные в плане. Края ямы по поверхности выложены камнями. Внутри кладка заполнена камнями. (Тамгацк, Кызыл-Кала).

3. Грунтовые ямы, прямоугольные в плане. Стенки ямы на поверхности выложены камнями. Внутри каменной кладки — засыпка мелким камнем (Тамгацк, Кызыл-Кала).

4. Неправильной формы погребальные сооружения (трапецевидные, ромбические в плане и другие). Образованы из каменных плит и брусков, положенных плашмя (Тамгацк, Уччулап).

В некоторых случаях погребальные сооружения спарены (Тамгацк могилы 6 и 7; Исправная).

Погребения одиночные, чаще — парные и коллективные. Ориентировка неустойчивая — на восток, север, юго-восток чаще — на юг. Положение костяков определено только в Исправной (скорченное). В погребениях найдены конские головы, иногда и другие кости коня. С конскими зубами обнаружены удила. В некоторых могилах (Тамгацк и Кызыл-Кала) встречены обломки мисок с раковинами каури. В могилах обнаружена керамика, вооружение, украшения.

II. Курганы (Кумыш, Карабашево, Домбай, Сторожевая, Таллык, Дружба). Курганная насыпь сложена из камней. Под курганами — могильные ямы, с наброской из рваных камней или булыжника (Кумыш, Карабашево) или каменный ящик (Сторожевая). В Карабашево и Кумыше — погребения с кремацией. Отметим, что бескурганные захороне-

ния с кремацией были отмечены в Терезе — Х. Х. Биджиевым (1973 г.) и В. И. Козенковой (1977 г.)⁶⁷

В кургане струпоположением у хутора Дружба гробница была сделана из досок и булыжникка. В гробнице, наряду с другими находками обнаружены зубы коня. Количество и положение погребенных в курганах с струпоположением определить не удастся. По-видимому, были и одиночные и коллективные погребения. В одной из подкурганых могил (Домбайская поляна) череп погребенного лежал в восточной части погребального сооружения. В других случаях ориентацию определить невозможно.

Безкурганые погребения в каменных ящиках обычны для кобанского и позднекобанского периода на Северном Кавказе. Особенно характерны они для района Пятигорья,⁶⁸ хотя встречаются и в Кабардино-Балкарии, и в Осетии,⁶⁹ и в Чечено-Ингушетии.⁷⁰

В Карачаево-Черкесии и в Пятигорье кобанское время каменные ящики обычно приближаются к квадрату, хотя встречаются и прямоугольные.⁷¹ В позднекобанское время на территории Карачаево-Черкесии практиковались захоронения в прямоугольных каменных ящиках (Исправная).

В Пятигорье, как и в Карачаево-Черкесии, каменный ящик в скифское время не являлся единственной формой погребального сооружения.⁷²

В погребениях Пятигорья, так же, как и в могилах Исправной, костяки помещались в скорченном положении.⁷³ Грунтовые ямы, овальные в плане, обложенные сверху по краям булыжникком. Как мы уже указывали, такие могилы встречены на горе Донгат в Балкарии (Е. П. Алексеева, 1959 г.) Не совсем сходные; но подобные, обнаружены в могильниках предскифского и скифского времени в Чечено-Ингушетии.⁷⁴

Там же раскопаны и могилы в виде прямоугольных ям с обкладкой из камней.⁷⁵ В Пятигорье в могильнике VII—VI в. у сел. Индустрин близ города Кисловодска исследованы прямоугольные могилы с каменной обкладкой, отличающиеся, впрочем, от верхнекубанских.⁷⁶

Что касается могил четвертого типа, то точных аналогий им не выявляется. Возможно, они являются характерными для Верхнего Прикубанья.

Курганы в позднекобанское время возводились над погребениями на всем Северном Кавказе.⁷⁷

Трупосожжения практиковались в предскифское время на территории Малокарачаевского района КЧАО (южнее сел. Терезе на правом берегу Подкумка)⁷⁸ и в Северной Осетии.⁷⁹ В скифское время трuposожжения совершались на территории Кабардино-Балкарии.⁸⁰ Но все перечисленные погребения с кремацией были бескурганные.

Таким образом, в целом обряд погребения памятников скифского времени Карачаево-Черкесии обычен для могильников Северного Кавказа позднекобанского типа. Погребения четвертой группы характерны только для Верхнего Прикубанья. Нет пока аналогий среди северокавказских могильников скифского времени для подкурганных погребений с кремацией.

§ 2. Инвентарь

Керамика

Вся керамика вышеописанных памятников лепная, из серой или коричневой глины. Красноглиняные сосуды встречаются изредка. Обжиг, формовка, отмученность глины — удовлетворительные и хорошие. Примесь — шамот. У тонкостенных сосудов примеси почти нет. В некоторых случаях на стенках сосудов — следы лощения. Толщина стенок от 0,3 до 1,2 см. Формы сосудов: горшки без ручек и с загнутым бортиком без выгиба, с бортиком слабо выгнутом внутрь миски, с сильно выгнутом бортиком, переход от тулова к горлу ребристый; мисочки с шишечками на тулове; кувшины с силуэтно-шаровидным туловом; кувшины с ребристым туловом (табл. 1, рис. 4); кружки с широким горлом, ребристым биконическим туловом и ручкой; кухонные горшки, крупные пифосообразные сосуды, корчаги. Миска и горшочек на высоком поддоне (Карабашево), (табл. 5, рис. 2, 3).

Орнамент — в основном, геометрический (елочка, лесенка, треугольники, заштрихованные косыми и продольными линиями, косые черточки, пучки продольных линий, сетка и пр.). Рельефный орнамент (продольные бороздки, поперечные линии, бордюры из полулунок, ногтевидные вдавли-

ны, косые семячковидные вдавления, поперечные, треугольные в сечении валики). Шишечки овальные и круглые в плане — обычно на стигах тулова сосудов или в верхней части тулова сосудов. Орнамент лощением — штриховой, «травяной», сетчатый. Орнамент на верхней части сосудов, на ручках, на верхней горизонтальной части бортиков мисок, иногда на донышках (штриховое лощение, клиновидные и семячковые вдавления).

Донышки обычно плоские, но встречаются сосуды и на кольцевой ножке. Сосуды на кольцевой ножке найдены в меотских могильниках, датирующихся от конца IV в. до н. э. и позднее⁸¹. Меотские сосуды на кольцевой ножке обычно гончарные. На лепных сосудах IV—VI вв. н. э. кольцевая ножка встречается только в верховьях Кубани. Очевидно, кольцевая ножка на лепных сосудах скифского времени характерна именно для Верхнего Прикубанья.⁸²

Приведем аналогии нашей керамике: Сосуды с соседившими налестами встречаются еще с раннекобанского времени.⁸³ Известны они и в памятниках интересующего нас периода.⁸⁴ Кувшины и кружки с широким горлом и ребристым биконическим туловом (типа табл. 1, рис. 4) найдены на Мамайке, в Минераловодском, Моздокском, Этокском, Каменномоетском и Нижне-Джуглатском могильниках,⁸⁵ Все эти памятники относятся к скифскому времени. Кувшины с витой ручкой обнаружены в Каменномоетском могильнике. Кувшины с шаровидно-приплюснутым туловом подобны происходящим из комплексов позднекобанской культуры Северного Кавказа.⁸⁶ Сосуды с округлым туловом и отогнутым наружу венчиком сходны с некоторыми сосудами Каменномоетского могильника.⁸⁷ Корчаги, подобные нашим, найдены в Усть-Лабинском могильнике №2, в погребениях VI — V вв. до н. э.; на Провальском городище, в Минераловодском могильнике, в Комаровском могильнике начала VI в. до н. э. в Северной Осетии.⁸⁸ Миски, сходные с верхнекубанскими, обнаружены на Украине, в памятниках раннескифского времени.⁸⁹ Близки по форме наши миски мискам из Усть-Лабинского второго могильника (погребения скифского и сарматского времени).⁹⁰ Аналогичные миски имеются также в могильниках Каменномоетском, Кисловодском и Березовском.⁹¹ Подобные миски Е. И. Крупнов датирует VI — V вв. до н. э.⁹²

Как мы видим, аналогии для верхнекубанской керамики мы находим в памятниках скифского времени, главным образом, VI — V вв. до н. э. и VI в. до н. э.⁹³ Эти памятники как правило, принадлежат к позднекубанской культуре, хотя встречаются аналогии и в комплексах Средней Кубани.

Оружие, принадлежности конского снаряжения, предметы быта

Железные наконечники копий с втулкой и пером. Перо спицевидное и лавролистное (табл. 2, рис. 11). На первом наконечнике с обеих сторон втулки — отверстия. Втоковидный наконечник копьа (табл. 3, рис. 1).

Железные кинжалы — акинаки. Перекрестья — сердцевидные (бабочковидные). — Навершья брусковидные и в виде волют (табл. 4, рис. 2). Кинжал с брусковидным навершием без перекрестка. На ручке желобок (табл. 3, рис. 2).

Наконечники стрел. Бронзовые втульчатые: 1. Листовидные двухлопастные с шипом и без шипа. 2. Двухлопастные с шипом, лопасти угловатые. 3. Трехлопастные с овальными лопастями, с шипом. 4. Трехлопастные с овальными лопастями, с шипом. 5. Трехлопастные, лопасти по краям прямые. 6. Трехлопастные с шипом, лопасти угловатые. 7. Трехлопастные с шипом. 8. Трехлопастные с внутренней (скрытой) втулкой (табл. 4, рис. 9). Иногда одна из лопастей свисает вниз, образуя шип (табл. 4, рис. 8). Железные втульчатые наконечники стрел: 1. Листовидные двухлопастные. 2. Листовидные плоские. 3. Трехлопастные, с длинной втулкой, лопасти овальные. 4. Трехлопастные с длинной втулкой, лопасти прямые. 5. Трехгранные, четырехгранные и ромбические в сечении. Втулка длинная.

Бронзовые чешуйки от панциря — продолговатые с закругленным краем и двумя отверстиями (табл. 4, рис. 16). в виде геральдического щитка с тремя отверстиями (табл. 4, рис. 14), и полуовальные с четырьмя (табл. 4, рис. 13). Бронзовый шлем с свисающим вниз напосником (табл. 1, рис. 3).⁹⁴

Удила и посалии. Бронзовое стремячковидное удило. Железные кольчатые удила, иногда витые. Кольца из круглого или квадратного в сечении стержня, продольные части удил — квадратные, прямоугольные, реже — круглые в сечении.

Псаалии железные трехпестельчатые, слегка изогнутые, с шишечкой на одном конце. Обломок железного псаалия другой формы.

Железные серповидные ножи двух видов — с горбатой спинкой и, наоборот, с горбатым режущим краем. Прямые железные ножи. Серповидные ножи употреблялись не только в быту, но и на охоте и в бою.⁹⁵

Приведем некоторые аналогии вышеописанным предметам. Железные спицевидные наконечники копий встречены в могильнике Бойси-Ирзо⁹⁶ Лавролистные железные наконечники копий имеются в комплексах Минераловодского могильника и могильника Исти-Су⁹⁷. В скифских памятниках встречаются лавролистные наконечники копий с конца VII в. до н. э.⁹⁸. Встречаются они и в савроматских древностях⁹⁹. Втовидный наконечник происходит из Гунийского могильника VII—IV вв. до н. э. (Чечено-Ингушетия)¹⁰⁰. Акинаки с брусковидным навершием известны в Минераловодском, Пседахеком и Тлийском могильниках¹⁰¹. Такие акинаки встречаются в Пятигорье¹⁰², на Ставрополье¹⁰³, в Кабардино-Балкарии¹⁰⁴, в Чечено-Ингушетии¹⁰⁵, в Абхазии¹⁰⁶, в Юго-Осетии¹⁰⁷, в скифских и савроматских комплексах¹⁰⁸. Аналогии акинаку с волютообразным навершием — в Нестеровском могильнике¹⁰⁹ и в Белореченском могильнике в Пятигорье¹¹⁰, в савроматских древностях¹¹¹.

Аналоги кинжалу из Вако-жиле — в Ставропольском кургане 1893 г.¹¹² и в Нижне-Чегемском могильнике¹¹³.

Бронзовые наконечники стрел. Втульчатые с овальными лопастями, двухлопастные и трехлопастные, с шипом и без шипа. Подобные встречаются в Келермесских курганах, Минераловодском, Верхне-Рутхинском и Нестеровском могильниках. Датируются, в основном, VI в. до н. э. Присутствуют они в скифских и савроматских комплексах¹¹⁴. Трехлопастные наконечники стрел, лопасти прямые. Также обычны для скифских памятников¹¹⁵. Трехгранный наконечник стрелы с углублением в нижней части головки. Такой же найден в Кисловодском могильнике, конец VI в. до н. э.¹¹⁶ Трехлопастные наконечники стрел со скрытой (внутренней) втулкой (табл. 4, рис. 9). Встречаются среди скифских и савроматских древностей, датируются V в. до н. э.¹¹⁷ Такие же наконечники со свисающей лопастью, образующей шип (табл. 4, рис. 8) обнаружены в скифских и савроматских памятниках конца VI—V в. до н. э.¹¹⁸

Железные наконечники стрел — трехлопастные, с прямыми лопастями. Такие же найдены в Луговом могильнике¹¹⁹, а также в скифских и савроматских погребениях. Датируются VI в. до н. э., но более обычны для V в. до н. э.¹²⁰.

Бронзовые чешуйчатые панцири. Наиболее близкая аналогия — панцирь из Гойты¹²¹. Бронзовый чешуйчатый панцирь несколько иного типа найден в могильнике Индустрия близ г. Кисловодска¹²². У скифов подобные панцири датируются V—VI вв. до н. э.¹²³. Бронзовые аттические шлемы IV в. до н. э., подобные Домбайскому, найдены на Северном Кавказе¹²⁴ и на Украине¹²⁵.

Втоковидные наконечники копий — встречаются в скифских и савроматских памятниках, очевидно, заимствованы у скифов и савроматов¹²⁶.

Железные кольчатые удила встречены в Келермесском, Усть-Лабинском и Луговом могильниках¹²⁷. Такие удила имеются и в скифских комплексах¹²⁸.

Бронзовое стремячковидное удило. Наиболее близкая аналогия — удила из Келермеса, VI в. до н. э.¹²⁹. Появляются такие удила в VIII в. до н. э.¹³⁰. Наибольшее распространение они получают с конца VII в. и в VI в. до н. э.¹³¹.

Железные трехпестельчатые псалии. Такие псалии встречаются в скифских памятниках VI в. до н. э. Впрочем, приведенные аналоги лишь приблизительны.

Серповидные железные ножи характерны как для памятников Северного Кавказа¹³², так и для скифских комплексов¹³³. Датируются они с VII в. до начала III в. до н. э.¹³⁴.

Таким образом, все перечисленные нами предметы находят аналогии в памятниках скифского времени — в пределах второй половины VII—IV вв. до н. э. Исключения составляют стремячковидные удила, которые появляются в VII в. до н. э. Но тамгацкое удило из могилы датируется VI в. до н. э., так как оно встречено вместе с бронзовыми наконечниками стрел VI в. до н. э.

Относительно культурной принадлежности вышеописанных предметов. Значительная часть вещей — акипаки, наконечники стрел, кольцевидные и стремячковидные удила бронзовый чешуйчатый панцирь — находят себе аналогии в скифских и, отчасти, савроматских памятниках — очевидно, появление этих предметов следует объяснить влиянием скифской и савроматской культур.

Железные трехпестельчатые псалии также находят себе

аналогии в скифских комплексах. Но бронзовые трехпестельчатые псалми, которые в какой-то мере можно считать прототипом железных, есть не только в скифских древностях³⁵, но и на Северном Кавказе³⁶. Так что вопрос о скифской принадлежности трехпестельчатых псалмий пока нельзя считать окончательно решенным.

Серповидные ножи — местного происхождения³⁷. Известны на Северном Кавказе бронзовые прототипы этих ножей.

Лавролистные железные наконечники копий имеются в скифских и савроматских древностях. Но не исключено и их северокавказское происхождение.

Украшения

Фибулы бронзовые. А. Фибулы с горизонтальным длинным, загнутым вверх приемником. Одновитковая пружина. Дуга украшена продольными и поперечными насечками. Иногда к пружине подвешены цепочки (табл. 1, рис. 5, 6). Б. Фибулы с горизонтальным длинным, загнутым вверх приемником. Пружина двухвитковая. Дуга украшена продольными и поперечными насечками (таб. 5, рис. 5, 6). Иногда дуга со вздутнями в виде бус (таб. 5, рис. 7). В. Луковидная фибула, на дуге слочный орнамент. Г. Фибула с гладкой дугой и узким приемником (табл. 3, рис. 3).

Булавки железные. Стержни — круглые в сечении, средняя часть плоская, овальная, как правило, с круглым или овальным отверстием, верхняя часть круглая, овальная или прямоугольная в сечении. Шипчики железные.

Браслеты из тонкой бронзовой позолоченной проволоки. Бронзовый овальный браслет с утолщениями (табл. 3, рис. 5.). Бронзовый овальный браслет с расплюснутыми орнаментированными концами (табл. 3, рис. 6). Обломки серебряных браслетов.

Гривны. Серебрянная грива с утолщенными концами (табл. 3, рис. 16). Бронзовая грива с расплюснутыми концами (Музей Тебердинского заповедника).

Маленькие бронзовые колокольчики с боковой щелью (табл. 3, рис. 10). Крупный бронзовый колокольчик также с боковой щелью (Табл. 2, рис. 8).

Височные подвески и серьги. Височные подвески в два оборота из тонкой золотой проволоки. Серебрянные круглые височные подвески в два оборота. Круглые бронзовые серь-

ги с заходящими концами (табл. 3, рис. 9.). Бронзовые височные подвески или серьги в виде листа, загнутого кверху (табл. 3, рис. 8.).

Перстень бронзовый спиральный, в два с половиной оборота. Обломки серебрянных и бронзовых, пластинчатых перстней.

Бронзовые пряжки. Овальная массивная пряжка с круглыми отверстиями и с крючком (табл. 2, рис. 7). Прямоугольная обойма с прорезями.

Бляхи бронзовые позолоченные, круглые с точечным орнаментом по краям, в виде невысокого конуса (табл. 2, рис. 14, 15). Большие бронзовые пуговицы, круглые, в сечении полукруглые, с внутренней петлей и с шишечкой в центре лицевой стороны. Круглая сердоликовая пуговица.

Бронзовые массивные подвески в виде головы барана и медведя. Привеска в виде когтя (табл. 5, рис. 8).

Бронзовые цепи и цепочки с очковидными подвесками (табл. 2, рис. 7).

Бронзовые пронизки, — цилиндрические с привеской в виде двух петель (табл. 2, рис. 4.) и в виде грибочка (табл. 5, рис. 9).

Бронзовые спиральные пронизки (или наконечники) цилиндрические и биконические (табл. 2, рис. 11). Цилиндрический наконечник с четырьмя отверстиями на боковой части.

Бронзовые массивные бусы — в виде вазочки сплошные и ажурные — с волнистым орнаментом и из продольных полосочек с веревочным орнаментом (табл. 5, рис. 10). Костянные бусы. Бусы янтарные плоские и биконические. Сердоликовые плоские бусы — и шаровидные. Стеклянные зеленватая дольчатая (табл. 3, рис. 12). Крупная темносинее стекла бородавчатая (табл. 2, рис. 20). Крупные темносиные с глазками. Синие боченковидные. Мелкие шаровидные и биконические синие. Крупная дольчатая из голубого стекла. Шаровидные темнофиолетовые. Пастовые сплюснутышаровидные, желтоватые, розовые и кремовые, иногда с белыми разводами. Боченковидная пастовая желтовато-сероватая с белыми глазками (табл. 3, рис. 3.). Глиняная биконическая желобчатая бусина или пряслице.

Раковины каури со, срезанными спинками. Могли исполь-

зоваться как украшение (в ожерельях), а возможно, и при обмене.

Приведем аналогии некоторым верхнекубанским украшениям. Дуговые фибулы вышеописанных типов для раннекубанской культуры не характерны¹³⁹. В памятниках позднекубанской культуры Северного Кавказа имеются сходные, но не совсем подобные фибулы. Так, бронзовые фибулы, орнаментированные по дуге поперечными и продольными насечками, встречены в комплексах VI—IV вв. до н. э. Северной Осетии и Чечено-Ингушетии¹⁴⁰. От верхнекубанских фибул типа А североосетинские и чеченоингушские фибулы отличаются формой приемника — у них приемник лопатовидный или прямоугольный, тогда как у верхнекубанских фибул приемник горизонтальный, длинный слегка приподнятый вверх.

Фибулам типа Б аналогии не выявляются. Фибулы типа В — (только не орнаментированные) есть в Клин-Ярском могильнике VI—IV вв. до н. э.¹⁴¹. Фибулы типа Г встречаются в Пятигорье и в Кабардино-Балкарии, в комплексах VI—IV вв. до н. э.¹⁴².

Булавки бронзовые и железные, подобные верхнекубанским, обычны для памятников позднекубанской культуры¹⁴³. Гривны бронзовые, гладкие и витые, также обычны для позднекубанских памятников Северной Осетии, Чечено-Ингушетии и других мест Северного Кавказа¹⁴⁴.

Бронзовые колокольчики с боковым разрезом характерны для позднекубанской культуры¹⁴⁵. В скифских древностях встречаются несколько иные колокольчики с треугольными вырезами¹⁴⁶.

Круглые бляхи и пуговицы найдены в районе Кисловодска¹⁴⁷.

Подвески в виде головок медведя обнаружены в Верхнем Чемеге и в Гоусте¹⁴⁸. Очковидные подвесочки — как из Нестеровского могильника¹⁴⁹.

Цилиндрические бронзовые пронизки с двумя петельками найдены в Южном могильнике VII в. до н. э. в районе Кисловодска.

Цилиндрическим подвескам с привеской — грибочком аналогии не выявляются. Наконечники с круглыми отверстиями по бокам — не совсем сходные, но подобные найдены у хутора Алексеевского в Ставропольском крае. Т. М. Минаева считает, что они предназначались для ремней конского убора¹⁵⁰.

Стеклянные синие и коричневые биноконические бусы происходят из Лугового могильника. Там же найдены стеклянные боченковидные бусы с «бородавками», подобные Домбайской¹⁵¹. Раковины каури со срезанными спинками обычно для памятников позднекобанской культуры Северного Кавказа. В раннекобанских комплексах они неизвестны.

Таким образом, судя по приведенным аналогиям, украшения из верхнекубанских могильников датируются от VII до IV вв. до н. э. включительно. Они обычны для памятников позднекобанской культуры Северного Кавказа. Некоторые украшения, например, цилиндрические пронизки с «рибочком», привески в виде когтя, бронзовые бусы сплошные и ажурные (табл. 5, рис. 8, 9) аналогий не находят. Может быть, эти украшения характерны только для Верхней Кубани. Характерными для Верхнего Прикубанья являются фибулы типа А и Б, с одновитковой и двухвитковой пружиной с горизонтальным узким длинным загнутым вверх приемником (табл. 5, рис. 5, 7).

МЕСТО И КУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ПАМЯТНИКОВ ПОЗДНЕКОБАНСКОГО ВРЕМЕНИ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ

Прежде, чем говорить о месте, которое занимают вышеописанные памятники Карачаево-Черкесии среди других одновременных памятников Северного Кавказа, следует сказать о том, как ставится в литературе вопрос о прикубанской литературе, а также о западном локальном варианте кобанской культуры.

А. А. Иессен первый выделил группу бронзовых изделий характерных только для прикубанья, в частности — для Верхней Кубани¹⁵³. Термин «прикубанская культура» он еще не употреблял. Е. И. Крупнов отметил, что «на северо-западном Кавказе и в Прикубанье на основе местной культуры медно-бронзового века, возникает прикубанская культура»¹⁵⁴. Территорию верховья правобережья Зеленчука и Кубани он считал районом стыка кобанской и прикубанской культуры¹⁵⁵. Е. И. Крупнов выделил западный локальный вариант кобанской культуры Кабардино-Пятигорский¹⁵⁶. Как мы уже говорили выше, Тамгацикский, могильник и курган у хутора Дружба Е. И. Крупнов относит к Кабардино-Пятигорской группе памятников кобанской культуры¹⁵⁷.

В. Б. Виноградов выделил западный Пятигорский вариант кобанской культуры¹⁵⁸. Памятники Карачаево-Черкесии он не рассматривает, так как книга посвящена памятникам Центрального и Северо-Восточного Кавказа, территория же Карачаево-Черкесии является, в основном, частью Северо-Западного Кавказа. А. Л. Нечитайло считает, что вещи из Домбайской поляны могут характеризовать прикубанскую культуру¹⁵⁹.

И. М. Чеченов, так же, как и В. Б. Виноградов, говорит о западном, Пятигорском варианте кобанской культуры¹⁶⁰. Западная граница Пятигорского локального варианта, по И. М. Чеченову, проходит между самыми верховьями рек Кумы и Кубани¹⁶¹. «Прилегающую к этой границе с запада территорию Прикубанья вплоть до реки Большой Зеленчук, — пишет И. М. Чеченов, — можно рассматривать как смешанную зону распространения материалов кобанской и прикубанской культуры, где заметно преобладали (особенно в

предскифский период) признаки последней»¹⁶². Б. В. Техов считает, что территория от г. Черкесска на запад вплоть до Малого Зеленчука входила в зону распространения прикубанской культуры¹⁶³.

В. И. Козенкова в тезисах своего доклада отмечает следующее: «Анализ комплексных находок последних лет (Т. М. Минаева, Е. П. Алексеева, А. В. Найденко), пересмотр старых материалов и новейшие историко-металлургические изыскания (Е. И. Черных) дают серьезные основания рассматривать Верхнюю Кубань в начале I тыс. до н. э. и до V — IV вв. до н. э. как район западного варианта кобанской культуры»¹⁶⁴.

Таким образом, нет единого мнения в вопросе о том, какая культура существовала в верховьях Кубани в кобанское время — кобанская, прикубанская или эта территория являлась стыком обеих культур.

Мы не будем сейчас останавливаться на ранних этапах развития кобанской культуры — это не входит в задачу настоящей работы. Существовала ли в раннекобанский период на территории Карачаево-Черкесии прикубанская культура (А. Л. Нечитайло, отчасти — Б. В. Техов), являлась ли данная территория стыком кобанской и прикубанской культур (Е. И. Крупнов, И. М. Чеченов), или Верхняя Кубань входила в зону распространения кобанской культуры (В. И. Козенкова) — ответ на этот вопрос могут дать только дальнейшие капитальные исследования.

Мы же поговорим здесь только о позднекобанском периоде. Как показал нам анализ вышеописанных памятников позднекобанского времени Карачаево-Черкесии, все они находят аналогию среди памятников позднекобанской культуры Северного Кавказа. Как и во всех комплексах позднекобанского времени, на поселениях и в погребениях скифской эпохи Карачаево-Черкесии нет бронзовых кинжалов, топоров, граненных браслетов со спиральными завитками, высоких поясных пряжек и других предметов, характерных для раннекобанской культуры.¹⁶⁵ По обряду и инвентарю могильники скифского времени Карачаево-Черкесии прекрасно вписываются в ряд памятников позднекобанского облика Северного Кавказа. Они составляют звенья одной цепи. Как на всем Северном Кавказе в это время, в верховьях Кубани чувствуется влияние скифской, и возможно, савроматской культуры.

Но надо отметить и то, что в могильниках Верхнего Прикубанья имеются и локальные особенности. Так, для Верхнего Прикубанья характерны погребальные сооружения неправильной формы (ромбические и другие), сложенные из больших каменных плит и мелких плиток. В более восточных районах каменные гробницы имеют более правильную прямоугольную форму.

Выделяются некоторые украшения и формы глиняных сосудов, характерные только для Верхнего Прикубанья — это, прежде всего, бронзовые фибулы с двухвитковой пружиной и горизонтальным узким, длинным, загнутым вверх приемником, а также, очевидно, некоторые формы, бронзовых бус, подвесок и пронизок и глиняные сосуды на кольцевой ножке. Мы сознаем, что специфических верхнекубанских элементов в позднекубанских памятниках Карачаево-Черкесии выделено пока еще мало, но они могут говорить о том, что верхнекубанские памятники скифского времени представляют локальный вариант позднекубанской культуры. Этот вариант очень близок Пятигорскому варианту, по есть и существенные отличия. Так, в Пятигорье нет форм погребальных сооружений, характерных для Верхней Кубани (каменных гробниц неправильной формы, овальных ям, края которых по поверхности были обложены камнями). Захоронения в Пятигорье, главным образом, одиночные¹⁶⁶, тогда как в верховьях Кубани они, как правило, коллективные. В Пятигорье нет некоторых украшений, характерных для Верхней Кубани (бронзовых фибул с двухвитковой пружиной и с длинным узким загнутым вверх приемником, и других).

Таким образом, мы пока отвергаем мысль об объединении верхнекубанского и пятигорского локальных вариантов позднекубанской культуры.

До сих пор мы говорили о погребениях. Несколько слов о месте поселений позднекубанского времени Карачаево-Черкесии среди других поселений скифской эпохи Северного Кавказа. Поселений интересующего нас времени в Карачаево-Черкесии известно пока пять. Два из них, Эшкаконское и Учкуланское, представляют собой селища, причем Учкуланское поселение находится на самом берегу реки. Два других Тамгациское и Хумаринское, также являются селищами, но каждое из них расположено на небольших холмах. Следует отметить, что Тамгациское и Хумаринское селища находятся в хорошо защищенных самой природой местностях — Там-

гацикское на высоком плато, а Хумаринское на высоком горном отроге. Дружбинское I городище также находится на мысу высокого левого берега Кубани. Оно отличается от трех других поселений тем, что на нем имеются три рва.¹⁶⁷ Однако, они очевидно, вырыты в ту же эпоху, как и рвы Дружбинского второго городища, то есть в сарматское время.

Как показывают исследования археологов — кавказоведов, поселения кобанского и позднекобанского времени на всем Северном Кавказе были неукрепленными¹⁶⁸. Некоторые из них (особенно в восточной части Северного Кавказа) возникли в местностях, хорошо защищенных самой природой¹⁶⁹.

Таким образом, неукрепленные поселения скифского времени Карачаево-Черкесии, расположенные в хорошо защищенных природой местностях, не представляют собой исключения среди других ранне — и позднекобанских поселений Северного Кавказа.

Известны на Северном Кавказе и селища, находящиеся на берегах рек.¹⁷⁰ В центральных и северо-восточных районах Северного Кавказа имеются поселения, каждое из которых расположено на одном высоком холме¹⁷¹. Иногда около поселений были холмы — цитадели¹⁷². Отмечен случай, когда поселение имело два холма-убежища.¹⁷³

Поселения типа Хумаринского и Тамгацикского, каждое из которых расположено на нескольких высоких холмах, для Центрального и Северо-Восточного Кавказа не характерны. Но близкие им имеются к западу от Карачаево-Черкесии. Так, в Закубанье Н. В. Анфимовым выделена своеобразная Лабинская группа поселений — они же имеют сплошной территории и оборонительных сооружений.

Культурный слой представляет собой скопления в виде небольших холмообразных возвышений, в некоторых случаях на вершинах древних курганов.¹⁷⁴ Как мы видим, поселения Лабинской группы сходны с одновременными поселениями Карачаево-Черкесии. Может быть, в этом сходстве следует усматривать некоторые влияния меотской культуры на одновременную культуру Карачаево-Черкесии.

Переходим к вопросу о преемственности вышеописанных памятников Карачаево-Черкесии с памятниками более ранних эпох, расположенных на этой территории, а также

к вопросу о культурной принадлежности позднекобанских памятников.

Все отмеченные нами поселения Карачаево-Черкесии существовали еще в предыдущий период. Жизни на них началась с VIII в. до н. э. и продолжалась в скифское время¹⁷⁶.

Из погребений Карачаево-Черкесии позднекобанского времени основными являются грунтовые могилы и каменные ящики. Погребения в овальных грунтовых ямах практиковались в этих местах еще в эпоху бронзы — с рубежа III — II тыс. до н. э. и во II тыс. до н. э.¹⁷⁶. Правда, они были по-курганными и края их не были выложены по верху камнями.

Захоронения в каменных ящиках существовали не только в скифский, но и в предскифский период (Иижиччуковский могильник). Если мы заглянем ещё далее в глубь веков, то видим, что захоронения в каменных ящиках (подкурганные) были обычны для Пятигорья и Кабардино-Балкарии во II тыс. до н. э.¹⁷⁷. На территории Карачаево-Черкесии также известны захоронения II тыс. до н. э. в каменных ящиках. Так, Х. Х. Биджиевым в 1976 г. были открыты 30 каменных ящиков под курганами эпохи средней бронзы у Кубины и Важного.

Как уже отмечалось, среди позднекобанских захоронений Карачаево-Черкесии есть и подкурганные. Кому же принадлежат курганы? В. П. Любин считает, что в инвентаре подкурганного погребения у Карабышева отчетливо заметно влияние скифов. Скифы шли через эти места к Марухскому перевалу, через который они проникали в Закавказье.¹⁷⁸

В. Б. Виногорадов перечисленные им курганные захоронения Северного Кавказа считает скифскими и савроматскими¹⁷⁹. Но В. И. Козенкова справедливо отмечала, что некоторые из названных В. Б. Виногорадовым курганов не оставлены кочевниками, а представляют собой погребения местного населения.¹⁸⁰

Думается, что не являются скифскими или савроматскими и большинство подкурганых захоронений, известных в Карачаево-Черкесии. Во-первых, погребения под курганами практиковались в этих местах в III—II тыс. до н. э. Во-вторых, могильные сооружения, находящиеся под этими курганами, сугубо местные (каменные ящики, грунтовые ямы с наброской из камня или булыжника). Возможно, конечно, что отдельные курганные захоронения, находящиеся

на границе степи и предгорий, принадлежали скифам или савроматам. К таким захоронениям, может быть, следует отнести курган у хутора Дружба. Но этот последний сильно разрушен и говорить о его этнокультурной принадлежности трудно.

Обряд погребения, как мы уже говорили, прослеживается только в отдельных могильниках, например, в Исправной. Он является сугубо местным. Единственным элементом в позднекобанских могильниках Карачаево-Черкесии, который, как нам кажется, объясняется влиянием скифской культуры, является погребение вместе с покойником коня, или чаще, головы коня с удилами.

Из всего сказанного видно, что коренной смены погребального сооружения и обряда в позднекобанский период на территории Карачаево-Черкесии не было. Это говорит о том, что и смены населения в скифский период на этой территории не было.

Как показывают исследования археологов-кавказоведов, памятники раннекобанской культуры принадлежат аборигенному населению¹⁸¹. Но тоже самое мы можем сказать, основываясь на археологическом материале и о памятниках позднекобанской культуры — они были оставлены местным населением.

Несколько слов о трупосожжении. Некоторые исследователи считают, что кремация не этнический, а социальный или религиозный признак. Думается, что этот признак может быть и этническим. Так, причерноморские погребения античного времени с трупосожжением считаются эллинскими. Трупосожжение практиковалось и у других народов, в частности, у скифов. Однако, вряд ли можно считать кремацию характерной для скифских захоронений. Истоки же трупосожжения в Карачаево-Черкесии, как нам кажется, следует искать ближе. В ряде других наших работ мы показали, что трупосожжение было очень характерно для древнего населения Абхазии.¹⁸² В Абхазии кремация выявлена начиная с X в. до н. э.¹⁸³ В верховьях же Кубани столь ранних кремационных захоронений неизвестно. И вообще обряд трупосожжения зафиксирован в кобанской культуре лишь в единичных случаях.¹⁸⁴

В. И. Маркович, как уже было сказано выше, анализируя погребение с трупосожжением в кургане у Кумыша, де-

дает ссылку на работу М. М. Транша, где говорится об одновременных кремационных захоронениях Абхазии.

Полагаем, что в качестве рабочей гипотезы можно выдвинуть предположение о занесении в Карачаево-Черкесию обряда трупосожжения племенами, пришедшими с территории Абхазии. Эти последние могли проникать из Абхазии в верховья Кубани через Марухский и другие перевалы.

Таким образом памятники Карачаево-Черкесии позднекобанского времени принадлежат, в основном, местному, коренному населению¹⁸⁵, хотя и не исключена возможность инфильтрации сюда степняков (скифов и савроматов) и, возможно, выходцев с территории Абхазии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы рассмотрели памятники позднекобанского времени Карачаево-Черкесии — Хумаринское селище, Тамгацикский и Кызыл-Калинский могильники и другие.

Оставляя открытым вопрос, была ли в раннекобанский период на территории Карачаево-Черкесии кобанская культура, прикубанская культура или в этих местах был стык обеих культур, мы пришли к выводу, что в позднекобанский (скифский) период (вторая половина VII — IV вв. до н. э.) на территории Карачаево-Черкесской автономной области существовала позднекобанская культура. Некоторые особенности верхнекубанских памятников позднекобанского времени позволяют, как нам кажется, выделить верхнекубанский локальный вариант позднекобанской культуры. В культуре этого варианта ясно видны следы слияния скифской (а, возможно, и савроматской) культур, а также меотской культуры (характер некоторых поселений, некоторые формы керамики). Памятники Карачаево-Черкесии очень близки одновременным памятникам Пятигорья. Однако, есть и существенные черты различия, поэтому объединять верхнекубанский и пятигорский локальные варианты нам не представляется возможным.

Памятники позднекобанской культуры Карачаево-Черкесии принадлежат, в основном, местным племенам, горным и предгорным. Возможно, что через Марухский и другие перевалы в скифское время на территорию Карачаево-Черкесии проникали племена из районов нынешней Абхазии. Не от-

рицаем мы и вероятность проникновения в верховья Кубани скифов и савроматов. Впрочем, положение о проникновении на территорию Карачаево-Черкесской автономной области в скифское время выходцев из Абхазии и степняков надо считать очень и очень предположительным.

Таковы основные выводы, которые можно сделать, анализируя памятники позднекобанского времени Карачаево-Черкесии.

ПОЯСНЕНИЕ К ТАБЛИЦАМ

1.

1 — железная булавка. Эльбурганское погребение; 2 — обломок горлышка сероглиняного сосуда. Дружбинское первое городище; 3 — бронзовый шлем. Домбай. Фото В. Гиппенрейтера; 4 аб — сероглиняный кувшинчик. Эльбурганское погребение (вместе с булавкой № 1); 5, 6 — бронзовые фибулы. По рисункам П. Н. Шишкина; 7 — обломок донышка сосуда из насыпи Кумыкского кургана с трупосожжением; 8 — обломок железного ножа из погребения с трупосожжением Кумышского кургана; 9 — обломок чернолощеного сосуда из Кумышского кургана с трупосожжением; 10, 11, 13 — обломок сосуда из западного сектора Кумышского кургана; 12 — обломок красноглиняного сосуда с дресвой (слюда) из насыпи Кумышского кургана. Рисунки 7—13 даны по зарисовкам В. И. Марковина.

2.

Элементы позднекобанской культуры в памятниках Карачаево-Черкесии.

VI в. до н. э.

1 — Тамгацик. Могила 2; 2 — Кызыл-Кала. Могила 2; 3 — Кызыл-Кала. Могила 7; 4 — миска. Тамгацик; 5 — кувшин. Карабашевский курган (по В. П. Любину); 6 — обломок сосуда. Кызыл-Кала; 7 — бронзовая пряжка-крючок. Кобу-Баши; 8 — бронзовый колокольчик Кобу-Баши; 9 — бронзовая подвеска в виде головки медведя. Кызыл-Кала; 10 — железная булавка. Тамгацик; 11 — железный наконечник копья. Карабашевский курган; 12 — железный наконечник копья. Тамгацик; 13 — железный нож. Карабашевский курган (по В. П. Любину); 14-14 — бронзовые бляхи. Домбай (по А. Л. Нечитайло); 16 — серебрянная гривна. Домбай (по А. Л. Нечитайло). 17-18 — янтарные бусы. Тамгацик; 19 — пастовые бусы. Кызыл-Кала; 20 — стеклянная темносиняя бусина. Домбай (по А. А. Нечитайло).

3.

Элементы позднекобанской культуры в памятниках Карачаево-Черкесии

V—IV вв. до н. э.

1 — железный наконечник копья. Домбай; 2 — железный кинжал. Вако-Жиле; 3 — бронзовая фибула. Вако-Жиле; 4 — бронзовая пронизка. Вако-Жиле; 5 — бронзовый браслет. Домбай. 6 — бронзовый браслет. Вако-Жиле; 7 — бронзовая очковидная подвеска. Домбай; 8 — бронзовая височная подвеска. Домбай; 10 — бронзовый колокольчик. Домбай; 11 — бронзовая спиральная пронизка. Домбай; 12 — стеклянная зеленая бусина. Дружбинский курган.

Рисунки вещей из Домбая даны по А. Л. Нечитайло.

4.

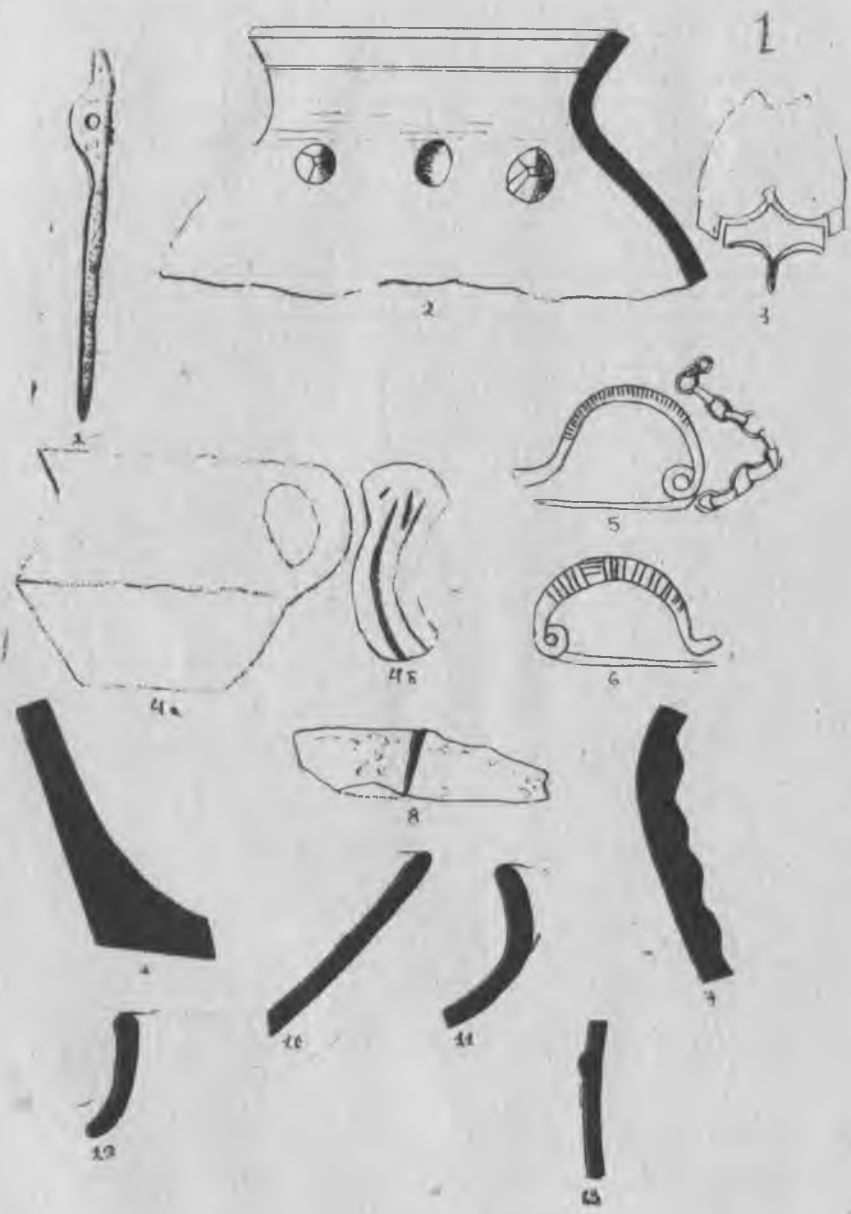
Элементы скифской культуры в позднекобанских памятниках Карачаево-Черкесии.

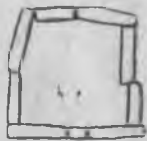
1 — железный кинжал-акинак. Тамгацик; 2 — железный кинжал — акинак.

Карабашевский курган по (В. П. Любину); 3—5 — бронзовые наконечники стрел. Кызыл-Кала; 6 — железный наконечник стрелы. Кызыл-Кала. 7— железный наконечник стрелы. Тамгацк; 8— бронзовый наконечник стрелы. Вако-Жиле; 9— бронзовый наконечник стрелы. Дружбинский курган; 10 — бронзовое стремячковидное удило. Тамгацк; 11 — железные удила. Тамгацк; 12— железный псалий. Кызыл-Кала. Отнесение его к скифской культуре предположительное; 13—16— брововые чешуйки от панцыря. Дружбинский курган.

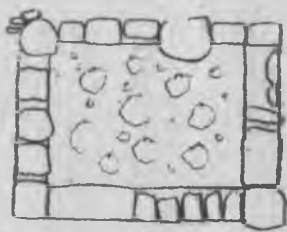
5

Элементы верхнекубанского варианта позднекобальской культуры: 1— Тамгацк, могила 6. План; 2—3— глиняные сосуды. Карабашевский курган; 4— донышко глиняного сосуда на кольцевой ножке. Тамгацк; 5—7— бронзовые фибулы. Домбай; 8 — бронзовая подвеска в виде когтя. Вако-Жиле; 9— бронзовая цилиндрическая пронизка с подвеской — «грибочком». Карабашевский курган (по В. П. Любину); 10 — бронзовая бусина. Карабашевский курган (по В. П. Любину).

1

2

3

4

5

6

7

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

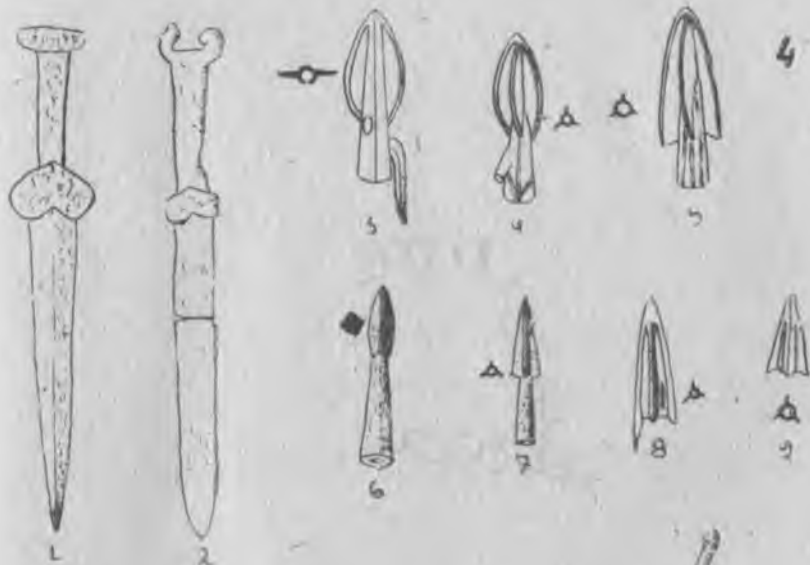
11

12

13

¹ Kroupnov E. A. propos de la chronologie de l'âge du fer au Caucase Nord. — VI Congress international des Sciences prehistoriques et protohistoriques Ues rapport et les infamations des archéologignes de l'urss. Moscou, 1962.

² Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. с. 15.

³ Е. П. Алексеева. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. Вопросы этнического и социально-экономического развития. М., 1971, с. 52—53.

⁴ В. И. Козенкова. О работах Чечено-Ингушского отряда. Предметы кобанской культуры из сел. Терезе (Карачаево-Черкесия). СА, 1980, № 3, с. 225—237.

⁵ В. И. Козенкова, А. В. Найденко. Кобанский могильник близ станции Исправной (Ставропольский край). СА, 1980, № 1, с. 195—210, в частности, с. 207.

⁶ И. И. Шишкин. Материалы к археологической карте Черкесской автономной области. Архив ЛОИА, ф. 2, оп. 2, № 1406, с. 61; А. В. Найденко. Отчет об обследованиях и раскопках памятников близ станции Исправной Зеленчукского района. Архив ИА, Р-1, № 4410, с. 1—25.

⁷ В. И. Марковин. Разведочные раскопки могильных памятников в окрестностях с. Кумыш (машинопись, фото, рисунки). Приношу глубокую благодарность Владимиру Ивановичу Марковину за разрешение использовать неопубликованный материал.

⁸ Е. И. Крупнов. К вопросу о поселениях скифского времени Северного Кавказа. КСИИМК 24. М., 1949, с. 27—41; его же. К вопросу о хронологии, с. 9, 10, таблицы; его же. Раннежелезный век, с. 336—339. Наиболее поздний выделенный автором период именуется «скифо-меотским»; его же. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960; Е. П. Алексеева. Позднекобанская культура Центрального Кавказа. УЗ ЛГУ № 85, серия исторических наук, вып. 13. Л., 1949, с. 191—257; ее же. Археологические раскопки в районе села Верхний Чегем в 1959 г. ССИКБ 9. Нальчик, 1961, с. 193—204, в частности, с. 195—199, О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период. СА XIV. М.-Л., с. 20—102; Н. М. Егоров. Могильник скифского времени близ города Минеральные Воды. КСИИМК 58. М., 1955, с. 53—62; Т. М. Мишасва. Археологические материалы скифского времени в Ставропольском краевом музее. МИСК 8. Ставрополь, 1956, с. 329—342; ее же. Очерки по археологии Ставрополя. Ставрополь, 1965, с. 36—40; П. Г. Акритас. Археологическое исследование Чегемского ущелья в 1959 г. ССИКБ 9. Нальчик, 1961, с. 177—192, 225—226; В. И. Марковин. Скифские курганы у сел. Гойты Чечено-Ингушетии. СА, 1965, № 2, с. 160—173; В. И. Козенкова. Кобанская культура на территории Чечено-Ингушетии. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1969; ее же. Кобанская культура. Восточный вариант. Археология СССР. САИ В2-5. М.,

1977; ее же. О южной границе восточной группы кобанской культуры. СА, 1978, № 3, с. 154—166, в частности, с. 159, 161, 163. В последние годы В. И. Козенкова приступила к изучению западного варианта кобанской культуры (В. И. Козенкова. К вопросу о границах западного варианта кобанской культуры. VII Крупновские чтения в г. Черкесске в апреле 1977 г. Тезисы доклада (машинопись); В. Б. Виноградов. Новые комплексы скифского времени из Чечено-Ингушетии. СА, 1970, № 3, с. 202—208; его же. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII—IV вв. до н. э.). Вопросы политической истории, эволюции культур и этногенеза. Грозный, 1972; В. Б. Виноградов, А. П. Рупич. Новые данные по археологии Северного Кавказа. АЭС ЧИНИИ III. Грозный, 1969, с. 95—137; В. Б. Виноградов, А. П. Рупич, Н. П. Михайлов. Новое в кобанской культуре Центрального Предкавказья. АЭС ЧИНИИ IV. Грозный, 1976, с. 29—53; М. П. Абрамова. Погребения скифского времени Центрального Предкавказья. СА, 1974, № 2, с. 195—241; ее же. Памятники горных районов Центрального Кавказа рубежа и первых веков нашей эры (по материалам Северной Осетии и Кабардино-Балкарии). Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974. О памятниках скифского времени — с. 19 и другие. См. также: Н. М. Чеченов. К вопросу о локальных вариантах кобанской культуры. АЭС КБИИ 1. Нальчик, 1974, с. 14—51, и Ю. П. Воронов. Западно-кавказская этнокультурная общность эпохи поздней бронзы и раннего железа. («Колхидо-кобанская культура»). VIII Крупновские чтения. Тезисы докладов. Нальчик, 1978, с. 13—15.

Памятниками скифского времени на южных склопах Кавказского хребта занимается Б. В. Техов. См.: Б. В. Техов. Скифские элементы в материальной культуре Юго-Осетии. Вопросы истории народов Кавказа. Тбилиси, 1966, с. 40—48.

⁹ Е. И. Крупнов. Древняя история, с. 140, 181.

¹⁰ А. Л. Печнтайло. Домбайские могильники. АО, 1967. М., 1968, с. 76—77; ее же. Новые памятники прикобанской культуры у истоков Теберды. VII Крупновские чтения в г. Черкесске в апреле 1977 г. Тезисы докладов. Машинопись.

¹¹ А. В. Найденко. Средневековые производственные сооружения на территории могильника скифского времени у ст. Иславской Ставропольского края. Сообщение на годичной сессии ИА и ИЭ АН СССР в апреле 1972 г., Москва. Более обстоятельно могильник у ст. Иславской проанализирован в статье В. И. Козенковой и А. В. Найденко «Кобанский могильник...», с. 195—210.

¹² Е. П. Алексеева. Древняя и средневековая история, с. 58—63.

¹³ Там же, с. 64—65.

¹⁴ Автор приносит благодарность своим коллегам Х. Х. Биджиеву, Найденко А. В. и Чеченову И. М., которые прочитали данную работу в рукописи и сделали ряд ценных замечаний.

¹⁵ В. П. Любим. Памятники скифской эпохи в Карачаево-Черкесии. ТКЧНИИ IV, серия историческая. Ставрополь, 1964, с. 253—261; А. В. Найденко. Раскопки в окрестностях станции Иславской. АО, 1971. М., 1972, с. 161—162; Х. Х. Биджиев. Исследования в Карачаево-Черкесии. АО, 1973. М., 1974, с. 98; В. И. Козенкова, А. В. Найденко. О работах Чечено-Ингушского отряда. АО, 1977. М., 1978, с. 123—124; ее же. О работах Учкесенского отряда. АО, 1978. М., 1979, с. 129—130; В. Б. Ковалевская. Разведки и раскопки на реке Эшкаконс. АО, 1977. М., 1978, с. 122; В. Б. Ковалевская, В. И. Козенкова. О работах Мало-Карачаевского отряда. АО, 1978. М., 1979, с. 128—129.

- ¹⁶ В. Б. Ковалевская. Разведки и раскопки на реке Эшкаконе. АО, 1977. М., 1978, с. 122.
- ¹⁷ В. Б. Ковалевская, В. И. Козенкова. Новейшие раскопки поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа Удлубаганалы II в Карачаево-Черкесии. IX Крупновские чтения (тезисы докладов). Элиста, 1979, с. 25—26; их же. О работах Мало-Карачаевского отряда. АО, 1978. М., с. 128—129.
- ¹⁸ Е. П. Алексеева. Древняя и средневековая история, с. 55.
- ¹⁹ Отметим, что на Тамгацком могильнике и поселения остатки материальной культуры находились только на холмах, между холмами их не было.
- ²⁰ Е. П. Алексеева. Древняя и средневековая история, с. 60.
- ²¹ Н. М. Егоров. Могильник скифского времени близ города Минеральных Вод. КСММИМК 58. М., 1955, с. 61.
- ²² П. А. Дитлер. Могильники в районе п. Колосовка на р. Фарс. СМАА II. Майкоп, 1961, с. 132, 141.
- ²³ Е. П. Алексеева. Древняя и средневековая история, с. 60—61.
- ²⁴ В. И. Марковин. Разведочные раскопки памятников в окрестностях сел. Кумыш (рукопись).
- ²⁵ Там же, с. 10. В. И. Марковин ссылается на работу М. М. Трапша—Некрополь Гуадику. Труды, т. 2. Сухуми, 1969, с. 20, сл.
- ²⁶ В. П. Любин. Находки, с. 253—261; рисунки на с. 259—261. У нас табл. 2, рис. 5, 11, 13; табл. 3, рис. 2; табл. 5, рис. 2, 3.
- ²⁷ Наконечник копья—Нестеровский могильник (Е. И. Крупнов. Древняя история, табл. 62, 3). Луговой могильник (там же, табл. 63, 1, 4). Акишак—Нестеровский могильник (Е. И. Крупнов. Древняя история, табл. 62, 1).
- ²⁸ А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юго-Европейской части СССР. СА XVIII. М., 1953, с. 81—82, 102, 103, 106, рис. 20; его же. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе, ВССА. М., 1954, с. 112—114, рис. 1. (Аналогии приведены В. П. Любиным).
- ²⁹ В. П. Любин. Находки, с. 257.
- ³⁰ Н. М. Егоров. Могильник скифского времени, с. 53, рис. 16, 2.
- ³¹ Н. В. Анфимов. Место — сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской. МИА 23. М.-Л., 1951, с. 171, рис. 5, 11 и другие.
- ³² Е. И. Крупнов. Древняя история, табл. 69, 31, 32.
- ³³ Например, из погребений III—I вв. до н. э. Усть-Лабинского могильника. Н. В. Анфимов. Место—сарматский могильник, с. 187, рис. 14, 27.
- ³⁴ Е. И. Крупнов. Древняя история, с. 235, рис. 35, 9; П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК VIII. М., 1900, табл. 89, 14 — из Кумбулты.
- ³⁵ Е. И. Крупнов. Древняя история, с. 280, рис. 46, 7.
- ³⁶ Там же, табл. 64, 1.
- ³⁷ Там же, табл. 65, 3.
- ³⁸ П. С. Уварова. Могильники, табл. 76, 4.
- ³⁹ Е. П. Алексеева. Позднекобанская культура Центрального Кавказа. УЗ ЛГУ, т. 85, серия исторических наук, вып. 13. Л., 1949, табл. 1, 10; табл. IV, 7.
- ⁴⁰ Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, № 23. М.-Л., 1951, с. 75, рис. 19, 5.
- ⁴¹ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагес-

танского селения Тарки в 1948—1949 гг. МИА, № 23. М.-Л., 1951, с. 253, рис. 13, 2.

⁴² МАК VIII, табл. 59, 6. См. также раскопки А. П. Круглова в Царце (Чми). Фото-архив ЛОИА, О 1034.

⁴³ Е. П. Алексеева. Позднекобанская культура, табл. VIII, а, 6.

⁴⁴ Там же, табл. II, 7. Е. И. Крупнов. Древняя история, табл. 60, 3 — Луговой могильник.

⁴⁵ Е. И. Крупнов. Древняя история, с. 285, рис. 48, 19 и др.

⁴⁶ Е. П. Алексеева. Позднекобанская культура, табл. XI, 6.

⁴⁷ Е. П. Алексеева. Древняя и средневековая история, с. 302, табл. 76, 17.

⁴⁸ Е. П. Алексеева. Позднекобанская культура, табл. 1, 5; табл. II, 3.

⁴⁹ Е. П. Алексеева. Памятники меотской и сармато-аланской культуры Карачаево-Черкесии. ТКЧНИИ V, серия историческая. Ставрополь, 1956, с. 156, рис. 13, 5.

⁵⁰ Е. П. Алексеева. Позднекобанская культура, табл. VIII, б, 24.

⁵¹ Е. П. Алексеева. Памятники меотской и сармато-аланской культуры, с. 156, рис. 13, 4.

⁵² МАК VIII, с. 150, рис. 137; Е. П. Алексеева. Позднекобанская культура, табл. IX, а, 5.

⁵³ А. В. Найденко. Раскопки в окрестностях станицы Исправной, с. 161—162.

⁵⁴ Там же, с. 161; А. В. Найденко. Отчет, с. 1—25; см. также: В. И. Козенкова, А. В. Найденко. Кубанский могильник, с. 195—196.

⁵⁵ Х. Х. Биджиев. Исследования в Карачаево-Черкесии, с. 98.

⁵⁶ П. Н. Шишкин. Материалы, с. 61.

⁵⁷ Там же, с. 61, табл. XV, 4, 5.

⁵⁸ И. З. Теплицкий. Исторические памятники Ставрополя. Ставрополь, 1960, с. 97; Е. П. Алексеева. О чем рассказывают археологические памятники Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1960, табл. 4, 1. Материя хранится в музее Тебердинского заповедника в городе Теберда.

⁵⁹ А. Л. Нечитайло. Домбайские могильники, с. 76—77.

⁶⁰ Н. М. Егоров. Могильник скифского времени, с. 58, рис. 20, 2; О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период. СА XIV. М.-Л., 1950, с. 49, рис. 20, 1.

⁶¹ Могильник Исти—СУ—О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура Северо-Восточного Кавказа, с. 49, рис. 20, 4.

⁶² Е. И. Крупнов. Древняя история, табл. 69, рис. 2, 5, 6, 7.

⁶³ Такие браслеты есть, например, в Усть-Лабинском втором могильнике, в погребениях IV—III вв. до н. э. — Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник, с. 167, рис. 4, 9.

⁶⁴ П. Д. Либеров. Хронология памятников Поднепровья скифского времени. ВССА. М., 1954, табл. 1, 84, 85 — V в. до н. э.; В. И. Марковин. Скифские курганы у сел. Гойты, Чечено-Ингушетия. СА, 1965, № 2, с. 160—173; с. 164, рис. 4, 5.

⁶⁵ Е. П. Алексеева. Древняя и средневековая история, табл. 16, рис. 419; ее же. Этнические связи сарматов и ранних алан с местным населением Северо-Западного Кавказа (III в. до н. э.—IV в. н. э.). Черкесск, 1976, с. 104—105, табл. 10, рис. 4.

⁶⁶ Обломок сосуда, относящегося, очевидно, к V—IV вв. до н. э. с Дружинского первого городища — см. на нашей табл. 1, рис. 2.

⁶⁷ Материал не опубликован.

⁶⁸ Е. И. Крупнов. Древняя история, с. 178; И. М. Чеченов. К вопросу о локальных вариантах кобанской культуры. АЭС КБНИИ 1. Нальчик, 1974, с. 23—25; В. Б. Виноградов. Центральный Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII—IV вв. до н. э.). Вопросы политической истории, эволюции культур и этногенеза. Грозный, 1972, с. 88; В. Б. Виноградов, А. П. Рунич. Новые данные по археологии Северного Кавказа. АЭС ЧИНИИ III. Грозный, 1969, с. 113; Н. Л. Членова. Раскопки памятника Султан-Гора III под Кисловодском. VII Крупновские чтения в г. Черкесске в апреле 1977 г. Тезисы докладов. Машинопись. Памятники, о которых идет речь на указанных страницах перечисленных статей, относятся, как правило, к скифскому времени.

⁶⁹ Е. И. Крупнов. Древняя история, с. 178; И. М. Чеченов. К вопросу..., с. 42; В. Б. Виноградов. Центральный и Северо-Восточный Кавказ, с. 206.

⁷⁰ В. И. Козенкова. Кобанская культура. Восточный вариант. Археология СССР. САИ В2-5. М., 1977, табл. XI, 8, 9.

⁷¹ В. Б. Виноградов, А. П. Рунич. Новые данные, с. 111. В Карачаево-Черкесии каменные ящики, близкие к квадрату, встречены, наряду с прямоугольными, в Инжиччукуновском могильнике VIII—VII вв. до н. э.

⁷² В. Б. Виноградов. Центральный и Северо-Восточный Кавказ, с. 188.

⁷³ В. Б. Виноградов, А. П. Рунич. Новые данные, с. 107.

⁷⁴ В. И. Козенкова. Кобанская культура, с. 20, табл. XI, 6.

⁷⁵ Там же, табл. X, 3.

⁷⁶ В. Б. Виноградов, А. П. Рунич, Н. М. Михайлов. Новое о кобанской культуре, с. 5, 8.

⁷⁷ В. Б. Виноградов. Центральный и Северо-Восточный Кавказ, с. 34—36.

⁷⁸ Х. Х. Биджиев. Исследования в Карачаево-Черкесии, с. 98; В. И. Козенкова. О работах Чечено-Ингушского отряда, с. 123—124. В. И. Козенкова, в частности, пишет, что были обнаружены скопления камней, под которыми лежали обожженные человеческие кости и многочисленные предметы из камня, кости и бронзы. Особый интерес вызвала сильно прокаленная площадка, огороженная двумя стенками из больших валунов, положенных в два ряда. На площадке помещались обожженные и необожженные обломки человеческих костей, а также предметы со следами пребывания в огне. Среди прочих вещей найдены бронзовые массивные изображения двух рогатых птиц. Датируются памятники VIII—VII вв. до н. э., то есть несколько более ранним временем, чем нас интересующее. См.: В. И. Козенкова. О работах Чечено-Ингушского отряда, с. 124.

⁷⁹ В. В. Кривичкий, Л. Г. Нечаева, Н. Л. Членова. Исследование крематория эпохи поздней бронзы в Северной Осетии. АО, 1975. М., 1976, с. 131 (могильник Верхняя Рутха кобанской эпохи).

⁸⁰ Е. П. Алексеева. Археологические раскопки в районе села Верхний Чегем. ССИКБ 9. Нальчик, 1961, с. 202 (остатки кремационных захоронений скифского времени у сел. Булунгу и на горе Донгат — Думалийский могильник).

⁸¹ А. П. Дитлер. Меотский могильник в карьере Майкопского кирпичного завода № 2. СТАА. Майкоп, 1977, с. 73, 76—78, 96, табл. III, 5—5.

⁸² Д. В. Деопик, Е. И. Крупнов. Змейское поселение кобанской культуры. Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961, рис. 3, 1.

⁸³ Е. П. Алексеева. Археологические раскопки в районе села Верхний Чегем, с. 197.

⁸⁴ Т. М. Минаева. Археологические материалы скифского времени в Ставропольском краевом музее. МИСК 8. Ставрополь, 1956, с. 336, рис. 6, 2; В. Б. Виноградов. Центральный и Северо-Восточный Кавказ, рис. 15, 31 и рис. 23, 14; В. М. Батчаев. К вопросу о датировке Каменномостского могильника. Древности Дагестана. Махачкала, 1974, с. 306, рис. 24, 5; М. П. Абрамова. Погребения скифского времени Центрального Предкавказья. СА, 1974, № 2, рис. 6, 18; И. М. Егоров. Могильник скифского времени, с. 53, рис. 16, 2. Моздокский могильник — Пятигорский музей краеведения.

⁸⁵ В. М. Батчаев. К вопросу..., с. 306, рис. 24, 3.

⁸⁶ Е. П. Алексеева. Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа. Черкесск, 1964, табл. VIII, 1.

⁸⁷ Е. И. Крупнов. Древняя история, табл. 34, 9.

⁸⁸ Н. В. Анфимов. Меотско-сарматский могильник, с. 163, рис. 2, 2; Е. И. Крупнов. Древняя история, табл. 19, 7; В. Б. Виноградов. Центральный и Северо-Восточный Кавказ, рис. 14, 30; М. П. Абрамова. Погребения скифского времени, рис. 1, 1. Е. И. Крупнов датирует корчаги подобного типа VII в. до н. э. и позднее (Е. И. Крупнов. К вопросу о хронологии, табл. 3, 11).

⁸⁹ ВССА. М., 1954, с. 79, рис. 7, 7.

⁹⁰ Н. В. Анфимов. Меотско-сарматский могильник, с. 161, рис. 1, 6; с. 165, рис. 3, 4, 10—12.

⁹¹ Е. И. Крупнов. Древняя история, табл. 4, 8, 31, 2; 32; 2.

⁹² Е. И. Крупнов. К вопросу о хронологии, табл. 3, 19.

⁹³ В раскопе 3 Хумаринского селища найдены и более ранние формы мисок, подобные обнаруженным в Инжиичкуновском могильнике (Е. П. Алексеева. Древняя и средневековая история, с. 299, табл. 5, 1). Некоторые виды орнамента на фрагментах керамики из раскопа 3 Хумаринского селища сходны с орнаментом из более ранних, чем VI в. до н. э. памятников (Инжиичкуновский могильник — Е. П. Алексеева. Древняя и средневековая история, с. 299, табл. 5, рис. 1, 2; Эшаконский могильник. И. М. Егоров. Могильник у реки Эшакон. КСИИМК 64. М., 1956, с. 139, рис. 61, 2, 4, 5, 10а, 13—15, 17).

⁹⁴ На рисунке воспроизведен только вид спереди — по фото В. Гиппенрейтера (Ю. Копылов, К. Любомирова, В. Гиппенрейтер. В горах Карачаево-Черкесии (фото-альбом). М., 1968, с. 11). Вид сбоку представить не могу, так как археологический материал Тебердинского заповедника (где этот шлем хранится), в настоящее время недоступен.

⁹⁵ В. Б. Виноградов. Центральный и Северо-Восточный Кавказ, с. 230.

⁹⁶ О. А. Артамова-Полтавцева. Культура Северо-Восточного Кавказа, с. 52, рис. 22, 4.

⁹⁷ И. М. Егоров. Могильник скифского времени, с. 58, рис. 20, 2; О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура Северо-Восточного Кавказа, с. 49, рис. 20, 1.

⁹⁸ Г. Т. Ковпаненко. Памятники раннескифского времени Капещины. Проблемы скифской археологии. М., 1971, с. 119, рис. 2, 27; Е. И. Мелюкова. Вооружение скифов. Археология СССР. САИ Д1-4. М., 1964, табл. 12, 13.

⁹⁹ К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, № 101. М., 1961, рис. 41, 16, V—IV вв. до н. э.

- ¹⁰⁰ В. Б. Виноградов. Центральный и Северо-Восточный Кавказ, рис. 59.
- ¹⁰¹ И. М. Егоров. Могильник скифского времени, с. 58, рис. 20, 1а; Пседах — раскопки В. И. Долбежева в 1898 г. Погребение 11, ГИМ; Б. В. Техов. Раскопки Тлийского могильника в 1960 г. СА, 1963, № 1, с. 169, рис. 5, 1. Е. И. Крушинов такие акинаки датирует VI в. до н. э. (Е. И. Крушинов. К вопросу о хронологии, табл. 3, 33).
- ¹⁰² В. Б. Виноградов, А. П. Рунич. Новые данные, рис. 14, 30; 15, 55—58, с. 109 — VI—V вв. до н. э.; В. Б. Виноградов. Центральный и Северо-Восточный Кавказ, рис. 13, 3, 19, 12, 14; 32, 1.
- ¹⁰³ Т. М. Миннаева. Археологические материалы скифского времени, рис. 9, 1.
- ¹⁰⁴ П. Г. Акритас. Археологическое исследование Чегемского ущелья в 1959 г. ССИБК. Нальчик, 1961, табл. III, 7. Экспозиция Кабардино-Балкарского музея краеведения.
- ¹⁰⁵ В. Б. Виноградов. Новые комплексы скифского времени из Чечено-Ингушетии. СА, 1970, № 3, рис. 3, 1.
- ¹⁰⁶ Ю. И. Воропов. Вооружение древнесабхазских племен в VI—I вв. до н. э. Скифский мир. Киев, 1975, рис. 5, 4.
- ¹⁰⁷ Б. В. Техов. Скифские элементы в материальной культуре Юго-Осетии. Вопросы истории народов Кавказа. Тбилиси, 1966, рис. 1, 6.
- ¹⁰⁸ А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. Археология СССР. САИ Д1-4. М., 1964, табл. 15, 10; П. Д. Либеров. Памятники скифского времени на Среднем Дону. Археология СССР. САИ Д1-31, табл. 17, 9—11; К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. М., 1965, рис. 1, 1, 2. Акинаки подобного типа датируются VI в. до н. э. (Е. И. Крушинов. К вопросу..., рис. 3, 33; В. Б. Виноградов, А. П. Рунич, И. И. Михайлов. Новое о кобанской культуре, с. 40).
- ¹⁰⁹ Е. И. Крушинов. Древняя история, табл. 62, 1.
- ¹¹⁰ В. Б. Виноградов, А. П. Рунич, И. И. Михайлов. Новое о кобанской культуре, рис. 10, 5, с. 49 — VI—V вв. до н. э.
- ¹¹¹ К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, рис. 4, 2.
- ¹¹² В. Б. Виноградов. Центральный и Северо-Восточный Кавказ, рис. 3, 1 — середина V в. до н. э.; П. Г. Акритас. Археологическое исследование в Чегемском ущелье, табл. II, 9. Кабардино-Балкарский музей краеведения, экспозиция. Аналогии приблизительные.
- ¹¹³ А. А. Нессен. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. ВССА. М., 1954, с. 116, рис. 4; И. М. Егоров. Могильник скифского времени, с. 54, рис. 17, 2, 7; Е. И. Крушинов. Древняя история, с. 228, рис. 33, 17—19; с. 285, рис. 48, 3.
- ¹¹⁴ Б. И. Ключко. Новые данные о типах скифских горитов и колчашных лаборах VI в. до н. э. Новые исследования археологических памятников на Украине. Киев, 1977, рис. 4, II, 1, 4 — VI в. до н. э.—с. 53; А. И. Мелюкова. Вооружение скифов, табл. VI, А2, Ж13, VII—VI вв. до н. э.; Г. Т. Ковпаненко. Памятники..., рис. 2, 30, 33 — с конца VII в. до н. э.; К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, табл. 1, 13—16, VI в. до н. э.
- ¹¹⁵ А. И. Мелюкова. Вооружение скифов, табл. VI, 022, VII—VI вв. до н. э.; К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, рис. 13, вторая половина VI в. до н. э.
- ¹¹⁶ Е. И. Крушинов. Древняя история, рис. 28, 6, с. 201.
- ¹¹⁷ А. И. Мелюкова. Вооружение скифов, табл. VIII, 01, 12; Э. В.

Яковенко. Рядовые скифские погребения в курганах Восточного Крыма. Древности Восточного Крыма. Киев, 1970, с. 122, рис. 10; К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, рис. 18, 9, 10. Такие наконечники встречаются и на Северном Кавказе, в памятниках V в. до н. э., например, в Верхней Рутхе, могила 19 (Е. И. Крупнов. Древняя история, рис. 33, 14, с. 239).

¹¹⁸ А. И. Мелюкова. Вооружение скифов, табл. VIII, А1; П. Д. Либеров. Хронология, хронологическая таблица, рис. 80; К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, рис. 21, Б40; рис. 24, Б3, 5; табл. III, 131—134.

¹¹⁹ Е. И. Крупнов. Древняя история, табл. 65, рис. 3.

¹²⁰ П. Д. Либеров. Памятники скифского времени на Среднем Дону, рис. 2, 165; К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, табл. III, 15.

¹²¹ В. И. Марковни. Скифские курганы у сел. Гойты, с. 153, рис. 3, 2.

¹²² В. Б. Виноградов. Центральный и Северо-Восточный Кавказ, рис. 18, 10; В. Б. Виноградов. А. П. Рунич, П. П. Михайлов. Новое о кобанской культуре, с. 47.

¹²³ А. И. Мелюкова. Вооружение скифов, табл. 22, А-7; П. Д. Либеров. Памятники скифского времени, табл. 21, 7.

¹²⁴ В. М. Косяненко, С. И. Лукьяшко, В. Е. Максименко. Два шлема из фондов Ростовского областного музея краеведения. СА, 1978, № 2, рис. 1, 2 — шлем из Советкадзе — Краснодарский край, побережье Черного моря; П. А. Дитлер. Аттический шлем из ст. Темнолесской. СА, 1964, № 1, рис. 2, 2.

¹²⁵ Шлем из Пастырского городища — Б. З. Рабинович. Шлемы скифского периода. Труды Отдела истории первобытной культуры. Гос. Эрмитажа, т. I. Л., 1941, табл. XV; Е. В. Черненко. Скифский доспех. Киев, 1968, рис. 46, 1.

¹²⁶ В. Б. Виноградов. Центральный и Северо-Восточный Кавказ, с. 124.

¹²⁷ А. А. Иессен. Некоторые памятники, с. 113, рис. 1; П. В. Аифимов. Меото-сарматский могильник, с. 163, рис. 2, 5; Р. М. Мунчаев. Археологические раскопки в Ассиномском ущелье в 1956 г. Известия Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея, вып. 10. Грозный, 1961, с. 82, рис. 3, 1.

¹²⁸ Б. Б. Пнотровский. Скифы и Древний Восток. СА, XIX. М., 1964, рис. 2—VI в. до н. э.; Л. К. Галанина. Скифские древности Поднепровья. Археология СССР. САИ Д1-33. М., 1977, табл. П1, 8; П. Д. Либеров. Памятники, табл. 22, 1; табл. 22, 23 — витые удила, как из могилы 5 Тамгацка.

¹²⁹ А. А. Иессен. Некоторые памятники, с. 113, рис. 1. См. также аналоги из Ставрополя, Абхазии и Украины; Т. М. Минаева. Археологические материалы скифского времени, с. 337, рис. 1, 9; М. М. Трапш. Памятники колхозской и скифской культур в с. Кулаурхва Абхазской АССР. Сухумц, 1962, табл. XX, 1; ВССА, табл. 1, 17, 18, 22, 26, 27. Е. И. Крупнов такие удила датирует VI в. до н. э. (Е. И. Крупнов. К вопросу о хронологии, табл. 3, 33); П. В. Аифимов. Новый памятник древнесотской культуры. Скифский мир. Киев, 1975, с. 45, рис. 3; В. И. Козенкова. Кобанская культура, табл. XII, 10.

¹³⁰ Г. Т. Ковпаненко. Памятники раннескифского времени, рис. 2, 20; К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, рис. 43, 5; В. Б. Виноградов. Центральный и Северо-Восточный Кавказ, с. 132—133; А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Евро-

нейской части СССР. СА, XVIII. М., 1953, рис. 2, III; Л. К. Галапина. Скифские древности, табл. 4, 7.

¹³¹ П. Д. Либеров. Хронология..., табл. I, 23, VI в. до н. э.; Л. К. Галапина. Скифские древности, табл. 20, 6, VI в. до н. э.; А. А. Иессен. Некоторые памятники, рис. 3 — первая четверть VI в. до н. э. Железные дырчатые псалмы Е. И. Крупнов относит к рубежу VI—V вв. до н. э. (Е. И. Крупнов. К вопросу о хронологии, табл. 3, 11).

¹³² Минераловодский могильник — Н. М. Егоров. Могильник скифского времени, с. 54, рис. 17, 15; могильник Исти-Су — О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура Северо-Восточного Кавказа, с. 48, рис. 19, 67; Нестеровский могильник — Е. И. Крупнов. Древняя история, рис. 46, 6; Мамайка — Т. М. Минаева. Археологические материалы, рис. 4, 4; Пашковский могильник — К. Ф. Смирнов. Меотский могильник у ст. Пашковской. МИА, № 64. М., 1958, рис. 2, 22; Ногай-Юрт в ЧИАССР — В. Б. Виноградов. Центральный и Северо-Восточный Кавказ, рис. 53, 10.

¹³³ Э. В. Яковенко. Рядовые скифские погребения..., рис. 11, 4.

¹³⁴ В. Б. Виноградов, А. П. Рунич, Н. П. Михайлов. Новое о кобанской культуре, с. 40; К. Ф. Смирнов. Меотский могильник..., с. 308.

¹³⁵ Г. Т. Ковпаненко. Памятники раннескифского времени, рис. 2, 22.

¹³⁶ А. А. Иессен. Некоторые памятники, рис. 1, первая четверть VI в. до н. э.

¹³⁷ Е. И. Крупнов. Древняя история, с. 204; В. Б. Виноградов. Центральный и Северо-Восточный Кавказ, с. 230.

¹³⁸ В. Б. Виноградов, А. П. Рунич, Н. Н. Михайлов. Новое о кобанской культуре, с. 44.

¹³⁹ Е. П. Алексеева. Позднекобанская культура, с. 200. У раннекобанских дуговых фибул, как правило, приемники узкие, вертикальные. См., например, фибулы из с. Шарой — Чечено-Ингушетия (раннекобанский комплекс) — В. И. Козенкова. О южной границе восточной группы кобанской культуры. СА, 1978, № 3, с. 158, рис. 2, 10—13, с. 160.

¹⁴⁰ Кобанский могильник — О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура Северо-Восточного Кавказа, рис. 47, 5; с. Дзинага Северо-Осетинской АССР — В. А. Тмецов. Новые памятники эпохи бронзы и скифо-сарматского времени на территории Северной Осетии. VIII Крупновские чтения (тезисы докладов). Нальчик, 1978, с. 70; Шали, Чечено-Ингушетия — В. Б. Виноградов. Новые комплексы, рис. 2, 4; Луговой могильник — Е. И. Крупнов. Древняя история, табл. 67, 1; табл. 70, 1, 2; Луговой могильник и крепость Воздвиженская — В. И. Козенкова. Кобанская культура, табл. XXII, 2; XXXIII, 1, 35; XXV, 1; Исти-Су и Воздвиженская — О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура Северо-Восточного Кавказа, рис. 9, 2; 17, 3; 25, 3; Ца-Ведено. — В. И. Козенкова. Предметы из Ца-Ведено (Чечено-Ингушетия) середины I тысячелетия до н. э. Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, рис. 2, 8, 7, 10); Верхняя Рутха — МАК, VIII. М., 1900, табл. 104, 2.

¹⁴¹ В. В. Виноградов, А. П. Рунич. Новые данные, рис. 15, 60.

¹⁴² Султан-Горский могильник около Кисловодска, вторая группа погребений — В. В. Виноградов, А. П. Рунич. Новые данные, рис. 14, 37; Нижне-Чегемский могильник — П. Г. Акритас. Археологическое исследование, табл. II, 2, 3; табл. III, 1—3.

¹⁴³ П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, табл. 26, 8

(Корца); Е. П. Алексеева. Позднекобанская культура, с. 200, табл. XI, 4, 54; М. П. Абрамова. Погребения скифского времени, рис. 16, 28.
¹⁴⁴ Кобанский могильник — О. А. Артамонова-Полтавцева. (Нижне-Джулатский могильник V в. до н. э.).

Культура Северо-Восточного Кавказа, рис. 47, 4; Воздвиженский — там же, рис. 25, 3; Исти-Су — там же, рис. 9, 1; Ца-Ведено — В. И. Козенкова. Предметы из Ца-Ведено, рис. 2, 4; Луговой могильник — В. И. Козенкова. Кобанская культура, табл. XXII, 1; XXV, 2; Нестеровский могильник — Е. И. Крупнов. Древняя история, рис. 48, 33. Эта гривна сходна с гривной с Домбайской поляны — музей Тебердинского заповедника, только Нестеровская гривна витая.

¹⁴⁵ Е. П. Алексеева. Позднекобанская культура, с. 203, табл. IV, 7.

¹⁴⁶ Л. К. Галапина. Скифские древности, табл. 22, 10—12, с. 42 — середина VI в. до н. э.

¹⁴⁷ Султан-Горский и Клин-Ярский могильники — В. Б. Виноградов, А. П. Рунич. Новые данные, рис. 14, 33; могильник Южный у Кисловодска — В. Б. Виноградов. Центральный и Северо-Восточный Кавказ, рис. 16, 4. Приведенные аналогии — приблизительные.

¹⁴⁸ Е. П. Алексеева. Археологические раскопки в районе села Верхний Чегем, с. 197, с. 228, табл. V, 5; ОАК, 1890, с. 33, рис. 37.

¹⁴⁹ Е. И. Крупнов. Древняя история, рис. 48, 24.

¹⁵⁰ В. Б. Виноградов. Центральный и Северо-Восточный Кавказ, рис. 16, 6; В. Б. Виноградов, А. П. Рунич, П. П. Михайлов. Новое о кобанской культуре, рис. 7, 2.

¹⁵¹ Е. И. Крупнов. Древняя история, табл. 69, 32.

¹⁵² Е. И. Крупнов. Древняя история, с. 207.

¹⁵³ А. А. Нессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. МИА, № 23. М.-Л., 1951, с. 89—91.

¹⁵⁴ Е. И. Крупнов. Древняя история, с. 8.

¹⁵⁵ Там же, с. 183.

¹⁵⁶ Там же, с. 178.

¹⁵⁷ Там же, с. 181.

¹⁵⁸ В. Б. Виноградов. Центральный и Северо-Восточный Кавказ, с. 62, 187—204.

¹⁵⁹ А. Л. Печитайло. Домбайские могилы, с. 77.

¹⁶⁰ И. М. Чеченов. К вопросу..., с. 23, сл.

¹⁶¹ Там же, с. 24.

¹⁶² Там же.

¹⁶³ Б. В. Техов. Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э. М., 1977, карта.

¹⁶⁴ В. И. Козенкова. К вопросу о границах западного варианта кобанской культуры. VII Крупновские чтения в г. Черкесске в апреле 1977 г. Тезисы докладов. Машинопись. См. также: В. И. Козенкова. VII Крупновские чтения (Черкесск, 1977). СА, 1980, № 2, с. 277; Х. Х. Биджиев, В. И. Козенкова. Предметы, с. 237.

В работе, написанной совместно с А. В. Пайдеико. В. И. Козенкова высказала мысли, созвучные с теми, которые мы излагаем в настоящей статье. Так, отмечается, что Исправненский могильник, входя в круг кобанских памятников, имел отдельные черты локального своеобразия. Керамика, украшения, черты погребального обряда отражали некоторые особенности, присущие верхнекубанской группе памятников (В. И. Козенкова, А. В. Пайдеико. Кобанский могильник, с. 206). Далее в указанной работе сказано, что в верховьях Кубани и Зеленикуков матерья-

ная культура памятников по большинству признаков сопоставима с культурой бытовых и погребальных памятников Пятигорья. Можно выделить особую верхнекубанскую группу, органически связанную с районами Пятигорья (там же, с. 207).

¹⁶⁵ Е. П. Алексеева. Позднекубанская культура, с. 196.

¹⁶⁶ Н. М. Чеченов. К вопросу..., с. 26.

¹⁶⁷ Е. П. Алексеева. Этнические связи, табл. 4, 1.

¹⁶⁸ Е. И. Крупинов. Древняя история, с. 165.

¹⁶⁹ Е. И. Крупинов. Древняя история, с. 166; В. И. Козенкова. Кубанская культура, с. 12.

¹⁷⁰ Н. В. Анфимов. Древние поселения Прикубанья. Краснодар, 1953, с. 139; Е. И. Крупинов. Древняя история, с. 156, 163, 164; Н. М. Чеченов. Древности Кабардино-Балкарии. Пальчик, 1969, с. 93.

¹⁷¹ Е. И. Крупинов. Древняя история, с. 145, 147, 166; И. М. Чеченов. Древности Кабардино-Балкарии, с. 35.

¹⁷² И. М. Чеченов. Древности Кабардино-Балкарии, с. 41—34.

¹⁷³ В. И. Козенкова. Кубанская культура, с. 12 (Сержень-Юртовское поселение).

¹⁷⁴ Н. В. Анфимов. Из прошлого Кубани. Краснодар, 1958, с. 34.

¹⁷⁵ Е. П. Алексеева. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии, с. 54, 59.

¹⁷⁶ А. Л. Нечитайло. Верхнее Прикубанье в эпоху средней бронзы. Автореферат кандидатской диссертации. Киев, 1975, с. 9, 12, 13.

¹⁷⁷ Н. М. Чеченов. Древности Кабардино-Балкарии, с. 22—23; его же. К вопросу..., с. 49.

¹⁷⁸ В. П. Любни. Находки скифской эпохи, с. 258.

¹⁷⁹ В. Б. Виноградов. Центральный и Северо-Восточный Кавказ, с. 40—59.

¹⁸⁰ В. И. Козенкова. Рецензия: В. Б. Виноградов. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифские времена (VII—IV вв. до н. э.). Грозный, 1972. СА, 1974, № 2, с. 281.

¹⁸¹ Б. В. Техов. Центральный Кавказ, с. 191.

¹⁸² Е. П. Алексеева. Древняя и средневековая история, с. 191—196.

¹⁸³ Г. К. Шамба. Позднеантичные погребения лагерной Абхазии. СА, 1965, № 2, с. 265.

¹⁸⁴ В. И. Козенкова. О работах Чечено-Ингушского отряда, с. 124. В другой своей работе В. И. Козенкова пишет, что истоки кремационного обряда у кобанцев следует искать в западноевропейских культурах самого конца II тыс. лет. до н. э. Сначала этот обряд появился у локальной дигорской группы, а затем, в результате миграции части населения на рубеже II—I тыс. до н. э., распространился в бассейн Эшакона и Подкумка, а к VIII в. до н. э. в районы Западного Закавказья (В. И. Козенкова. Об обряде трупосожжения в кобанской культуре. IX крупновеские чтения (тезисы докладов). Элиста, 1979, с. 22). Как мы видим, В. И. Козенкова предлагает точку зрения о том, что обряд трупосожжения с территории Западной Европы проник на Северный Кавказ, а затем — в Закавказье, то есть предлагается обратное нашей точке зрения мнение. Дальнейшие раскопки и исследования должны показать, чья точка зрения наиболее справедлива.

¹⁸⁵ Пока еще трудно сказать, какие именно племена оставили памятники позднекубанского времени на территории Карачаево-Черкесии. В литературе существует точка зрения о том, что носителями кобанской культуры были далекие предки осетин, карачаево-балкарцев и вайнахов (Е. И.

Крупнов. Древняя история, с. 75, 395, 396; И. М. Чеченов. Древности Кабардино-Балкарии, с. 311; В. И. Козенкова. Кобанская культура на территории Чечено-Ингушетии. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1969, с. 20). Подробно этот вопрос разбирает В. Б. Виноградов в книге «Центральный и Северо-Восточный Кавказ», с. 300—313, к которой мы и отсылаем читателя.

Х. Х. БИДЖИЕВ

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ

Археологическая экспедиция Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института в последние годы, наряду со стационарными раскопками ряда важных объектов, проводила разведку по выявлению новых памятников на территории Карачаево-Черкесии. За десять полевых сезонов (1969—1979 г. г.) работы экспедиций, возглавлявшихся автором, в разных районах области было открыто и в разной степени обследовано довольно много объектов: от эпохи бронзы до развитого средневековья. Изучение памятников сопровождалось зачисткой культурных выходов, закладкой шурфов, обмерами различных сооружений, съемками и картографированием. В некоторых из них проведены археологические раскопки. В настоящей публикации даются краткий обзор некоторых памятников раннего средневековья и предварительная их интерпретация. Цель работы — обратить внимание специалистов на эти объекты.

Памятники Тебердинского ущелья

Экспедиция подвергла сплошному исследованию ущелье, начиная с г. Теберды до аула Верхняя Теберда. Выбор этого участка для разведок объясняется тем, что в археологическом отношении район плохо изучен. Экспедиция работала в 1974 и 1978 гг. Ею были зафиксированы остатки 20 поселений и могильников, расположенных на берегах правых и левых прито-

ков р. Теберда. Ниже приводится краткое описание памятников в порядке их открытия. Сначала рассмотрим памятники, которые выявлены на левом берегу указанной реки.

1. Поселение и могильник на р. Ачитара

Река Ачитара берет начало высоко в горах и сливается с Тебердой в 4 км к северо-западу от г. Теберда и образуется слиянием двух горных ручейков Уллу-Ачитара и Гитче-Ачитара. На левом берегу р. Уллу-Ачитара в 2 км к западу от слияния ее с Тебердой, открыты поселение и могильник. Поселение с площадью около 2 га занимает часть плоской вершины небольшого плато. На территории поселения в беспорядке расположены остатки каменных построек. Могильник располагается на юго-восточной части плато. Здесь зафиксированы десятки разрушенных подземных гробниц четырехугольной формы, стенки которых сложены из обработанных камней на глиняном растворе и сверху перекрыты большими плоскими плитами. Ориентированы они обычно с северо-востока на юго-восток или с юго-востока на северо-запад. Подъемная керамика позволяет отнести памятник к первым векам раннего средневековья.

2. Поселение и могильник на р. Гидам

В 6 км. к западу от аула Верхняя Теберда в верховьях Гндама располагается поселение и могильник. Поселение занимает небольшую площадь на левом берегу реки и вся его территория покрыта густым лесом из больших сосновых и фруктовых деревьев. Площадь поселения составляет около 2,5 га. На этой территории в беспорядке разбросаны остатки различных каменных построек. Они имеют в плане четырехугольную и круглую форму. Наряду с постройками небольших размеров, являющихся остатками жилищ, имеются сооружения больших размеров. Последние остатки построек для скота.

Судя по хорошо сохранившимся постройкам, они сооружены из битого и обработанного камня без раствора. Около одной из построек найдены разбитый сероглиняный горшок и железный наконечник стрелы, характерные для VI—VII вв. н. э. Помимо их, на поселении собраны фрагменты керамики черного и серого цвета. Такая керамика прочно бытует в памятниках Карачаево-Черкесии IV—VII вв. н. э. Найденные немногочисленные

численные материалы на поселении позволяют датировать их предположительно IV—VII вв. н. э.

По соседству с поселением располагается могильник. Некоторые из них на поверхности земли отмечены камнями. На могильнике исследовано нами одно погребение, представляющее собой грунтовую могилу овальной формы. Заполнена яма землей. В нижней части стенки ее обложены большими камнями. В центре ямы (на дне) зафиксировано скопление угля и костей животных. Среди сильно обуглившихся мелких костей имеются и человеческие (?). У северной стенки ямы найден разбитый двухручный сероглиняный сосуд. Недалеко от него найдены кости мелкого рогатого скота и зубы лошади. Другие находки в погребении нет. Так как в могиле нет скелета и в ней зафиксированы обуглившиеся кости, то можно предположить, что здесь было трупосожжение.

Помимо этих памятников, на левом берегу Теберды зафиксированы шесть поселений. Все они представляют собой открытые селища. Обычно поселения расположены в верховьях небольших горных речек или у выхода из урочищ в долину Теберды. На их территории сохранились остатки различных построек (жилищ, загонов для скота). В поселениях никаких находок нет, поэтому трудно определить время их существования. Но они все по месту расположения и по площади, а также по хорошо сохранившимся остаткам построек, аналогичны поселениям на р. Ачитара, Гидам, Джамагат, которые по материалу датируются первыми веками нашей эры. Очевидно, к этому времени относится и эти памятники.

На территории указанных поселений зафиксированы и погребальные памятники (подземные гробницы, каменные ящики). Все они давно разрушены и ограблены. Подземные гробницы по форме и размерам очень близки погребениям, найденным на поселении Ачитара.

Следы поселений найдены (на левом берегу р. Теберды):

3. На речке Гитче-Ачитара, 1,5 км, к востоку от поселения на речке Уллу-Ачитара.

4. В 2 км к северу от указанного поселения, на склоне горы.

5. На правом берегу горной речки Куру-Кол, в 2,5 км к северу от предыдущего поселения.

6. На левом берегу р. Гидам, на западной окраине аула Верхняя Теберда.

7. На правом берегу р. Агур, на западной окраине аула Верхняя Теберда, по соседству с карьером черного мрамора.

8. На левом берегу п. Гымылдык, в 2,1 км к западу от слияния ее с р. Теберда.

9. Поселение и могильник у аула Джингирик, к югу от г. Карачаевска. В разоруженных подземных гробницах найдены горшки с соцевидными налепами, двухручные кувшины со сливом, характерные для IV—VII вв.

10. Поселение и могильник (каменные ящики, подземные гробницы) IV—VII вв у аула Бирлик.

11. На правом берегу р. Теберды, помимо поселения и грунтового могильника на Джамагате, которые были исследованы в 1978 г.¹ открыто одно селище, расположенное на правом берегу р. Аюлю².

12. В 1978 г. мы посетили и осмотрели хорошо известное городище на р. Амгате. Первое сообщение о памятниках Амгаты принадлежит И. А. Владимирову, который посетил городище в 1899 году³. В 1976 году на Амгате небольшие раскопки произвел Г. Х. Текеев⁴. Амгатинское городище находится у истоков речки Амгата на верхней площадке скалистого горного хребта. На вершине хребта имеются три скалистых отрога с труднодоступными склонами. Городище располагалось на вершине указанных отрогов. На городище с долины Теберды серпантинном по южному склону хребта ведет горная тропинка. На расстоянии 300 м до городища, с северной стороны тропинки имеются десятки скальных погребений, высеченных на склоне горного кряжа. Большинство из них высечено так высоко, что без специального снаряжения практически невозможно подняться до них. Камеры, высеченные в нижней части скалы, давно начисто ограблены.

Городище находится высоко в горах и труднодоступно, оно сильно укреплено. Каждый отрог (в отдельности) укреплен по периметру стеной. На склонах отрогов хорошо сохранились остатки стены. Стены сооружены из хорошо обработанных каменных плит различного размера и рванного камня без связывающего раствора. Но особенно сильно укреплен северный отрог. Он укреплен по периметру двумя, а местами тремя параллельными каменными стенами. В некоторых участках стена сохранилась до высоты 2,2 м, при толщине ее 1,40 м. На вершине отрога и между двумя стенами хорошо сохранились остатки различных построек. В 1899 году на его вершине И. А. Владимиров зафиксировал остатки храма, который в настоящее время целиком разрушен. В толще оборонительных стен имеются камни очень больших размеров. Они, бесспорно, первоначально предназначались не для стены. По археологиче-

ской литературе известно, что в Амгате, наряду с другими погребениями, имелись дольмены. Видимо, эти камни взяты для стены из дольменов. Судя по разрушенным и исследованным Г. Х. Текеевым погребениям, могильники располагались в центральной части плато и в северо-западной части северного отрога. Погребальные сооружения представлены каменными ящиками и подземными гробницами. Материалы Г. Х. Текеева из Амгатинского могильника относятся к IV—VII вв. н. э. Но, как было отмечено, на городище имеется храм, который В. А. Кузнецов аргументировано относит к XI—XII вв. н. э.⁵ Поэтому Амгатинский комплекс можно предварительно отнести к IV—XIII вв. н. э. По мощности оборонительных сооружений и по многочисленности памятников Амгатинский комплекс один из интересных археологических объектов Карачаево-Черкесии.

Памятники Кубанского ущелья

13. Поселение и могильник IV—VII вв. в 4,5 км к югу от аула Хурзук.

14. Поселение и могильник (каменные ящики) IV—VII вв на северо-восточной окраине а. Уччулан, недалеко от моста через р. Хурзук.

15. Могильник из каменных ящиков и подземных гробниц на левой стороне Кубани, около аула Каменномост. Керамика (горшки, кувшины) из разрушенных погребений датирует памятник IV—VII вв.

16. На восточной окраине того же селения располагается скальный могильник, камеры которых давно ограблены.

17. Около поселка Шахта № 11 обнаружен могильник с христианским обрядом захоронения. Погребальные сооружения представляют собой узкие каменные ящики, стенки которых сложены из обработанных плит. Время могильника XI—XII вв.

18. На южной окраине аула Новый Карачай открыты поселение и могильник. На территории поселения собраны фрагменты посуды (горшки, кувшины, пифосы) характерной для IV—XI вв. Погребальные сооружения представлены каменными ящиками и подземными гробницами. В разрушенных погребениях найдены горшки с сосевидными налепами и большие кувшины со сливом. Суммарно памятник относится к IV—XI вв.

19. Интересные памятники открыты на южном склоне балки Инал, недалеко от аула Хумара, на правом берегу Куба-

ни. Некоторые памятники Инала (поселение, катакомбы, скальные захоронения) нашли свое отражение в работах Г. М. Минаевой и Е. П. Алексеевой. Здесь нами открыто большое количество каменных ящиков, подземных гробниц и грунтовых погребений. Стены гробниц сложены из обработанных плит и насухо и сверху закрыты одним или несколькими каменными плитами. Вход—лаз четырехугольной формы устроен с южной стороны. Все они давно ограблены. Только в одной из гробниц найдены нами бусы, бронзовый браслет, фибулы, относящиеся к V—VII вв. Давно ограблены также скальные погребения. Но в одной из камер могильника нами собран выразительный материал (бронзовые браслеты, бусы, ажурная бляха, бронзовый амулет, фрагменты сероглиняного кувшина) типичный для инвентаря памятников VIII в.

На западной пологой части отрога над балкой Инал располагается подземный склеп — мавзолей. Склеп имеет в плане круглое основание и куполовидный верх, то есть выстроен в форме юрты. Стены его сложены из хорошо обработанных каменных плит регулярной кладкой на известковом растворе. Вход четырехугольной формы устроен на западной стороне склепа и сверху перекрыт толстыми плитами. При всей разнообразии погребальных памятников Карачаево-Черкесии склепы указанного типа не известны до сих пор на рассматриваемой территории. К сожалению, склеп ограблен и трудно определить время сооружения. Можно только отметить, что он был возведен не ранее VIII в. ибо в каменных постройках края известковый раствор, как связывающий материал стали использовать не ранее указанного времени. (Стены построек IV—VII вв. обычно сложены на глине или насухо). В этой связи заслуживает внимания сообщения местного краеведа Д. Бесленева о том, что в рассматриваемом склепе были найдены красноглиняные амфоры типа хорошо представленных в Хумаринской городище и датирующихся VIII—X вв. (балка Инал примыкает к городищу с северной стороны). Наконец, в Государственном Историческом Музее СССР в Москве хранится коллекция привозных бронзовых зеркал с этикеткой «Хумара»⁶. В одном из зеркал имеется китайская надпись. В целом эти зеркала характерны для IX—X вв. Возможно, эти зеркала тоже происходят из ограбленных погребений могильника на балке Инал. Если такое предположение верно, то рассматриваемый склеп сооружен где-то в VIII—X вв. Суммарно памятники балки Инал (поселение и могильники) относятся к IV—XI вв.

20. Каракентское городище, расположенное на юго-западной окраине аула Кумыш, на левом берегу р. Кубань, было исследовано в 1979 г. Оно занимает плоскую вершину мыса, хорошо защищенного с трех сторон природными преградами. Крутые склоны мыса, где находится городище, с юга и севера ограничены балками Каракент и Кумыш, на востоке обрываются в глубокое ущелье. На западе мыс узкой полосой соединен с основным массивом гор, только с западной стороны можно было проникнуть на территорию древнего поселения. Тем не менее, городище было укреплено по периметру мощной каменной стеной, усиленной башнями (площадь 7 га). Ворота были сооружены на северо-западном углу западной стены. Городище имеет трехчастную структуру — цитадель, собственно крепость и открытое поселение — посад. Цитадель занимает восточную часть мыса и разграничена от остальной части городища мощной каменной стеной. Крепостные стены и башни городища возведены из хорошо отесанных плит без связывающего раствора, насухо. Поселение примыкает к городищу с юго-восточной стороны. Оно расположено в долине речки Каракент до слияния ее с Кубанью.

Открытое селище занимает большую площадь и на его территории хорошо прослеживаются остатки жилищ, разрушенных погребений, плиты с крестами и различными изображениями. Поселение на месте слияния речки Каракент и Кубани было отмечено еще Нарышкиным⁷ и в 1959 г. здесь работала экспедиция КЧНИИ, возглавлявшаяся Е. П. Алексеевой⁸.

На территории поселения имеются самые различные могильные сооружения (каменные ящики, гробницы, скальные погребения, земляные катакомбы и т. д.) с языческим и христианским обрядом захоронения. В 1979 г. случайно на территории Кумышского кирпичного завода открыт катакомбный могильник. Керамика и бронзовый котел из разрушенных погребений относятся к IV—VII вв. н. э. Этот могильник тоже находится на территории Каракентского поселения. Суммарно городище относится к IV—XII в. в. и является одним из крупных памятников раннегородского типа.

21. Поселение и могильник открыты в 1978 г. на правой стороне Кубани, около Усть-Джегутинского гипсового завода (с. Важное). Поселение занимает значительную площадь, начиная от берега Кубани до речки Учкурка. Памятник двухслойный. Нижний слой относится к IV—VII, верхний — к X—XIII вв. н. э. На поселении много керамики: котлы с внутренними ушками, сероглиняные и красноглиняные кувшины с

линейным орнаментом, пифосы. К поселению с южной стороны примыкает христианский могильник, состоящий из каменных ящиков, синхронный верхнему слою памятника. В древности погребения на поверхности земли были обозначены каменными плитами. Над одной из погребений найдена каменная плита со знаком в виде креста.

22. К востоку от описанных памятников на правой стороне р. Учкурка открыто городище. Оно занимает плоскую вершину мыса и с напольной стороны укреплено каменной стеной. Напротив этого памятника, на левой стороне названной речки располагается хорошо известное Учкурское городище, исследованное в 1963 г. Б. Д. Гальпериной и В. П. Любимым⁹. Керамический материал из указанных памятников идентичный и относится к одному хронологическому периоду. Поэтому вновь открытые объекты можно отнести к V—XII вв.

23. В 4 км к северо-западу от с. Важное, в верховьях реки Байтал-Чапхан открыто городище. Оно занимает плоскую вершину горы — останца с крупными склонами. К городищу с восточной стороны примыкает открытое поселение. На территории поселения хорошо прослеживаются остатки жилищ и хозяйственных построек из битого камня и обветренных плит. На южном склоне горы — останца имеются скальные захоронения. Сумарно Байтал-Чапханский комплекс можно отнести к IV—XI вв.

24. Между селениями Важное и Красногорское, на левом берегу Кубани, напротив аула Сары-Тюз, находится отвесная скала, которая имеет в середине большое отверстие, называемое местным населением «Тешик-Кая», т. е. «Кольцо гора». На вершине скалы-мыса располагается многослойное древнее поселение. Оно с южной, восточной и северной стороны защищено крутыми склонами мыса, а с напольной стороны укреплено стеной. На этой западной стороне были сооружены ворота — проезд к крепости. К городищу с южной и северной стороны примыкает открытое селище. На городище и на поселении сохранились остатки каменных жилищ, загонов для скота различных размеров и форм. С южной стороны городища на отвесной скале располагается скальный могильник. Могилы вырублены в труднодоступном месте скалы и имеют форму овала, полукруга, квадрата.

Основным датирующим материалом памятника является керамика. Керамика из нижнего слоя городища относится к VI—V вв. д. н. э., а верхнего — к VI—XI вв. н. э.

25. Остатки древней крепости найдены на левом берегу реки Кубань, недалеко от с. Садовое Адыге-Хабльского района. Она в плане имеет четырехугольную форму с закругленными углами и по периметру обнесена каменной стеной, которая в настоящее время прослеживается в виде валообразной насыпи (ширина стены 2,25 м, высота — 1,5 — 2 м.). Городище, насколько можно судить по современному состоянию памятника, имело одни ворота, сооруженные на южной части западной стены. Общая площадь памятника составляет 3 га. На территории поселения никаких находок не сделано, что затрудняет его датировку. Но если учесть, что укрепленные поселения на территории области возникают в VIII—XIII вв., то можно и этот памятник отнести к раннему средневековью. Следует сказать, что этот единственный памятник такого типа, зафиксированный на плоскостной части Карачаево-Черкесии.

26. На юго-западной окраине с. Первомайское открыто средневековое поселение. Оно занимает вершину горы — останца, вытянутого с юга на север и имеет площадь около 1 га. Состоит из двух частей: цитадели и укрепленной естественными преградами поселения. Цитадель занимает северную, возвышенную часть горы, ограничена от остальной части поселения рвом и валом. Причем цитадель по периметру была обнесена каменной стеной. Крепостные стены цитадели были сооружены из обработанных плит, уложенных плашмя, без связывающего раствора, всухую. К западу от этого памятника имеется второе городище, расположенное также на вершине горы — останца. Последнее тоже состоит из двух частей: северо-восточная часть отделена от другой части поселения глубоким рвом. Расположенные недалеко друг от друга эти два городища имеют много общего (топография, керамика), и относятся ориентировочно к V—XI вв. н. э., причем средневековый слой их покрывает на слое поселений VI—V вв. до н. э.

27. Укрепленное городище открыто на южной окраине а. Красный Восток, в верховьях р. Кумы. Городище представляет собой обычное небольшое (4 га) мысовое укрепление, обнесенное оборонительной стеной с напольной стороны. Мыс, на вершине которого располагается городище, с южной стороны ограничен балкой Жанбера, с северной стороны балкой Калож. На восточной стороне края мыса имеет крутой склон и обрывается в долину р. Кумы. На территорию городища можно попасть с северо-западной стороны. Здесь городище укреплено мощной стеной, остатки которой прослеживаются в виде валообразной насыпи. Вдоль стены (внутренней стороны

стены) тянутся остатки различных каменных построек. Ворота были сооружены на юго-западном конце мыса, над верховьем балки Жанбера (ширина 10 м). Дорога к воротам пролегалa по склону балки Калез, параллельно оборонительной стене.

Селище растянулось с восточной стороны городища, в долине р. Кума. На территории поселения прослеживаются остатки построек различных размеров, сооруженных из камней. По керамике, собранной на территории городища, памятник относится к VII—X вв. н. э. Средневековое городище возникло на месте поселения эпохи поздней бронзы. Об этом свидетельствует материал, найденный на левом берегу р. Кума. Здесь на обрывистом берегу реки располагается могильник состоящий из каменных ящиков. В одном из разрушенных погребений, нами найден сероглиняный горшок, характерный для позднего этапа кобанской культуры.

28. На северной окраине с. Новая Джегута, на левой стороне р. Эльтаркач располагается городище, укрепленное по периметру каменной стеной. К городищу с юга примыкает открытое поселение. Памятник многослойный: ранний слой относится к VI—V вв. до н. э., средневековый суммарно — к IV—XI вв. н. э.

Средневековые памятники богато представлены также в Зеленчукском районе. Здесь в течение 1969—1980 гг. нами открыты десятки средневековых поселений и могильника. Наибольшее значение из них имеют поселения, расположенные в окрестности станицы Исправной. Здесь нами в разные годы открыты пять городищ.

29. Клевцевское городище расположено на правом берегу Большого Зеленчука между станицами Зеленчукская и Исправная. Городище с площадью более 8 га хорошо защищено естественными преградами и по периметру обнесено мощной каменной стеной и башнями. Стены и башни сложены из каменных плит на известковом растворе. На территории памятника хорошо прослеживаются остатки различных каменных сооружений. Подъемная керамика из городища и характер строительства крепостных сооружений позволяет время существования памятника отнести к X—XIII вв. н. э.

30. Балашовское городище «Балашовская крепость» расположена на левом берегу Большого Зеленчука, в 1,5 км к северо-западу от станицы Исправной. Состоит из двух частей: цитадели, которая занимает вершину курганообразного

холма и собственно крепости, укрепленной с южной и северной стороны каменной стеной, сложенной из рваного камня насухо. Цитадель отделена от крепости глубоким рвом. Керамика, собранная на городище, позволяет памятник отнести к X—XI вв.

31. Городище на балке Абрекская в 1,3 км к северу от станицы Исправной на левом берегу Большого Зеленчука.

32. Городище «Лысая гора» в 5 км к северу от указанной станицы.

33. Городище «Башкирка» в 25 км к юго-западу от станицы Исправной.

34. На южной окраине станицы Исправной открыто в 1972 г. Х. Х. Биджиевым и Г. Х. Текесвым укрепленное городище, которое занимает хорошо защищенный мыс между Большим Зеленчуком и балкой Курлук. С западной стороны городище защищено каменной стеной и рвом. Открытое поселение синхронное городищу, расположено в долине р. Курлук. Здесь хорошо сохранились остатки построек (жилище, загон для скота, сооруженных из битого или обработанного камня без раствора, насухо). На северном склоне мыса (со стороны балки Курлук) доисследованы разрушенные земляные катакомбы IV—XII во н. э. Суммарно комплекс можно отнести к IV—XII вв. н. э.

35. В 8—9 км к юго-востоку от с. Учкеек открыто поселение и скальный могильник в 1973 г. В 1973 г. житель с. Учкеек М. Тамбиев доставил в Карачаево-Черкесский краеведческий музей комплекс вещей (браслеты, амулеты, бусы и т. д.) из исследованной им камеры могильника. Вещи, найденные им, хранящиеся в краеведческом музее области, относятся к VIII в.

Погребение, исследованное М. Тамбиевым, представляет собой камеру овальной формы, вырубленные на склоне отвесной скалы. Вход к нему был закрыт стеной, сложенной из слегка обработанных камней на глиняном растворе. Ценность этого могильника в том, что благодаря исключительной труднодоступности, здесь сохранились не ограбленные камеры, в отличие от других аналогичных памятников Карачаево-Черкесии. Поселение и могильник относятся к VIII—XII веков.

Итак, работами указанных лет в Карачаево-Черкесии выявлено большое количество средневековых памятников.

Изучение средневековых памятников района, начатое еще

в конце XVIII—начале XIX вв., в настоящее время получило солидную истокниковедческую базу благодаря работам Т. М. Мишаевой, Е. П. Алексеевой, В. А. Кузнецова, В. Б. Ковалевской, А. П. Рунича, Я. А. Федорова, Г. А. Афанасьева, И. М. Мизиева и других. При отсутствии письменных источников, изучение памятников, связанных с этим периодом для выяснения процессов становления и развития феодального общества, приобретает исключительный интерес, и в ряду первоочередных задач стоят проблемы изучения средневековых поселений. Ибо, «если для античности исходным пунктом служил город и его небольшая округа, то для средневековья исходным пунктом служила деревня».¹⁰ Это объясняет хотя бы вкратце суммировать материалы археологических изысканий последних лет и попытаться осветить некоторые аспекты (планировка, топография, структура крепостных сооружений), касающиеся средневековых поселений.¹¹

По планировке и топографии, а также по ряду других важных признаков средневековые поселения Карачаево-Черкесии с определенной оговоркой можно разделить на четыре большие группы.

Памятники первой группы представлены родовыми и патристическими поселениями IV—VII вв. Главной особенностью их является небольшая площадь, наличие каменных построек жилого и хозяйственного назначения, а также за редким исключением, отсутствием оборонительных сооружений.¹²

Жилища преимущественно представлены наземными и слегка углубленными в материк каменными постройками с открытым очагом в центре или на одном из углов помещения. Судя по многочисленности каменных построек, предназначенных для загона скота, экономическую базу населения составляло животноводство с преобладанием мелкого рогатого скота.

Часть указанных поселений расположены в труднодоступной горной части края и начинают функционировать не ранее IV века. Это дает основание предположить, что они принадлежат населению, которое покинуло степи предгорья Кавказа в эпоху великого переселения народов под давлением гуннов.

К поселениям примыкают могильники, состоящие из различных погребельных сооружений. Для этого периода наиболее характерны каменные ящики, гробницы, наземные и подземные склепы и земляные катакомбы. Важно отметить, что в последние годы открыты новые катакомбные могиль-

ники, которые перестают функционировать на рубеже VII—VIII веков. Работами 1979 г. в Хумаринском городище открыт подбойный могильник, относящийся к самому началу раннего средневековья. Хумаринский могильник — первый подбойный могильник открытый и исследованный на территории Карачаево-Черкесии, который документирует проникновение подбойников в горные районы области и имеет большое значение для изучения сложной этнической истории края.

В инвентаре поселений массовым материалом является керамика, идентичная посуда синхронных памятников Центрального Кавказа. Помимо того, в некоторых поселениях встречается особый тип керамики — котлы с внутренними ушками, приписываемые болгарам. Так, они найдены в Хумаринском, Кызыл-Калинском, Иналском и других поселениях.

Обращает внимание тот факт, что такой посуды нет в слое VIII—X веков, т. е. в слое болгарского времени Хумаринского городища, синхронного салтово-маяцким памятникам, где распространен этот тип керамики. Если учесть, их бытование не только в слоях X—XI (Рим-гора др.), но и в ранних слоях поселения можно предположить, что население края приступило к изготовлению котлов с внутренними ушками раньше чем в других районах, где они встречаются. Котлы указанного типа, как показали результаты исследования последних лет, не характерны для памятников IV—V веков. В этот период для памятников изучаемого региона характерны бронзовые котлы, которые позже, за редким исключением, не встречаются. Возможно глиняные котлы пришли на смену бронзовым котлам и возникли где-то на рубеже VI—VII веков. При чем если согласиться с болгарской принадлежностью котлов, то надо признать их ранее проникновение на территорию Карачаево-Черкесии. Но окончательно время возникновения и употребления, а также этническую принадлежность их можно решить путем стационарных исследований памятников рассматриваемого времени.

Вторую группу составляют поселения также не имеющие сплошной линии оборонительных сооружений, но укрепленные одной или несколькими башнями. Башни обычно строились на вершине крутых гор, у подножья которых располагались поселения, являлись местопребыванием феодальной знати, т. е. они фактически представляют собой цитадели поселения. Башни обычно в плане прямоугольной и квадратной формы, стены их сложены из хорошо тесанных плит ре-

гулярной кладкой на известковом растворе. Жилые и хозяйственные постройки поселения этой группы, как и первой группы, представлены наземными каменными постройками.

Цитадели, расположенные на труднодоступных вершинах гор отдельно от поселения, стратегически выгодно отличались от цитаделей, сооруженных внутри памятника и свидетельствуют о более высокой социальной дифференциации общества, о зависимости планировки поселения от отношения между феодальной верхушкой и рядовым населением. О зависимости городской фортификации от отношения между правителем и горожанами пишет крупный специалист по архитектуре Л. Б. Альберти¹³. Такая планировка (т. е. разрыв между цитаделью и поселением, городом) характерна для многих памятников (городов) средневековой Армении и Средней Азии.¹⁴

Характерными памятниками этого типа является Хурзукское, Исправненское, Джегутинское и другие поселения. По подъемному материалу и по приемам строительства и характеру техники кладки башен, они относятся к последним векам раннего средневековья.

Третью группу составляют поселения, состоящие из укрепленной части — цитадели и прилегающего к ней селища. Наиболее характерными памятниками указанного типа являются Первомайское, Красновосточное, Байтал-Чалканское, Красногорское, Джегутинское и другие городища.

Внутри этой группы образуют отдельную подгруппу большие поселения ранне-городского типа. К таким памятникам, наряду с Нижне-Архызским и Рим-горским городищам, бесспорно, являющимися остатками средневековых городов (В. А. Кузнецов), можно отнести Кубинское, Учкурское, Каракентское и Терезинское (Уллу-Дорбунла) городища. Им присущи почти все элементы, характерные для средневековых раннефеодальных городов; сложная двух и трехчастная структура, мощные крепостные, жилые и культовые сооружения, высокий уровень развития разнообразных ремесел, большая площадь и т. д.

Время возникновения и существования городов хронологически совпадают с двумя крупными историческими событиями — с установлением господства на Северном Кавказе Хазарского Каганата в VIII в. и монгольским нашествием в начале XIII в.

Большинство памятников третьей и четвертой группы тяготеют к бассейнам рек, к важным хозяйственным и военным трассам местного и международного значения. Городи-

ще и замки-крепости, как правило, имеют двух и трехчастное деление, которое является показателем социальной структуры населения, ибо четко разграничивает различные слои населения по их социальному составу.

Для поселений третьей и четвертой группы весьма характерна также сложная система оборонительных сооружений, свидетельствующая о высоком строительной культуре и глубиной социальной дифференциации общества. Древние строители исключительно умело сочетали природные условия и искусственные укрепления. По своему функциональному назначению, характеру и материалу строительства крепостные сооружения подразделяются на две группы. Первую группу фортификации составляют оборонительные валы и рвы.

Остатки земляных укреплений зафиксированы в Адиюхском, Хумаринском, Первомайском, Баитал-Чапканском, Балашовском городищах. Но в целом земляные укрепления, широко распространенные в других районах Северного Кавказа, не характерны для памятников Карачаево-Черкессии. В Карачаево-Черкессии городища обычно укреплены рвами и валами, в исключительных случаях снаружи ими дополнялись каменные крепостные стены. Так, Хумаринское городище с восточной стороны дополнительно было укреплено глубоким рвом. Узункольское поселение с южной стороны, наиболее доступной для вторжения врага также было укреплено рвом и валом¹⁶.

Для памятников Карачаево-Черкессии, как справедливо пишут Е. П. Алексеева и В. А. Кузнецов,¹⁷ наиболее характерны каменные стены усиленные монументальными башнями. Первоклассная фортификация, умело сочетающая каменные стены и башни, характерна для всех поселений третьей и четвертой группы. Такие укрепления распространены повсеместно на территории области. Как правило, рассматриваемые поселения располагались на труднодоступных мысах, отрогах, защищенных с трех сторон глубокими ущельями, которые соединялись с основным массивом гор через узкую полосу или занимали плоскую вершину плато—останцев с крутыми склонами¹⁸. Поэтому древние строители крепостными сооружениями укрепляли памятник только с напольной стороны. Но довольно часто встречаются поселения, укрепленные мощной стеной по периметру. Наиболее характерными памятниками указанного типа являются Хумаринское, Инджургатинское, Амгатинское городища. В некоторых городищах мы находим двойную, даже тройную систему стен. Так, двойную линию каменных стен имело Хумаринское го-

родище, а в Амгатинском городище функционировали даже тройные стены.

Крепостные стены, обычно, поставлены без фундамента на слабо сnivelированную поверхность скалы-материка. Плохая сохранность их не позволяет говорить о их завершении и высоте. Но работами в Хумаринском городище установлено, что стены его были внушительной высоты и завершались зубчатым парапетом. Очевидно, аналогичное завершение имели стены некоторых других памятников.

Крепостные стены, как уже отмечалось были снабжены мощными пристенными и выносными башнями, которые являлись важными узлами в сложной системе обороны поселения. Выносные башни сооружались на некотором расстоянии от стен и ставились в первую очередь там, где требовалось усиленное укрепление. Выносные башни защищали, например, подступы к главным воротам в восточной стене Хумаринской крепости. Обычно башни имели квадратную и четырехугольную форму и несколько этажей, соединенных между собой каменной лестницей, сооруженной вдоль их стен с внутренней стороны¹⁹.

Важное значение в системе обороны поселения имели цитадели и ворота. Цитадели, защищенные собственной системой крепостных стен являлись важными узлами обороны и местом пребывания феодальной верхушки общества. Они имели весьма внушительные размеры, специфическую структуру и преимущественно размещались внутри крепостных стен или занимали один из хорошо защищенных углов города, крепости. В качестве примера такого рода можно назвать цитадели Каракетского, Инджургатинского, Римгорского, Аднукского и других городищ. Особняком стоит цитадель Хумаринского городища, построенная в системе большой оборонительной стены. Она мощной каменной стеной была разграничена от внешнего мира, в том числе и от самого города-крепости. Это свидетельствует о том, что цитадель защищала феодальную верхушку не только от нападения внешнего врага, но и от основной массы населения города, т. е. характер городской фортификации находился в прямой зависимости от социальной структуры населения древнего поселения. Этим и военными соображениями видимо связано и то, что цитадель возведена в системе крепостных стен, а не внутри города или за его пределами. Такое расположение давало возможность жителям цитадели контролировать наступление врага извне и следить за жизнью в кре-

ности, при необходимости принимать решительные меры против внутренних врагов. В этой связи заслуживает внимания рекомендация крупного специалиста по средневековой фортификации Альберти, который писал, что «крепость (цитадель — Х. Б.) должна давать возможность беспрепятственных вылазок, чтобы можно было нападать на врагов, на граждан, и на своих солдат, — если того потребует мятеж или измена, и чтобы можно, свободно вызвать подмогу от своих или извне...»²⁰

Из-за неизученности трудно сказать что-либо о внутренней застройке цитаделей. Но по материалам Инджурганского и Хумаринского городища, можно полагать, что основным элементом построек цитадели являлись башни—донжоны в несколько этажей.²¹

Цитадели поселения имели ворота, сооруженные, как правило, между стенами цитадели и поселения или в середине стены цитадели. В качестве примера первого рода можно назвать проход цитаделей Инджургатинского, Каракетского городища, примером второго рода является проход цитадели Хумаринского городища. Нередко на территорию цитадели проникали по подставным лестницам.

Особый интерес представляет конструкция ворот рассматриваемых поселений. Поселения обычно снабжались одним или двумя воротами и калитками — проходами. Как наиболее уязвимые места в системе обороны, ворота возводились в труднодоступных пунктах, удобных для обороны подступов к ним и сильно укреплялись искусственными сооружениями. Как правило, ворота вырубались в скале или были поставлены между одной или двумя параллельно поставленными башнями. Проходы — лестницы, вырубленные в скале, зафиксированы в Римгорском, Красновосточном, Амгатинском городищах. В середине башни были сооружены ворота Инджургатинского, Баитал-Чапканского, Красногорского и других городищ.

Наибольшее значение имеют результаты раскопок главных ворот Хумаринского городища, исследованных в 1979 г. Они были сооружены в 200 м. к западу от цитадели на северной стене между двумя четырехугольными башнями, поставленными параллельно друг к другу. Следует отметить, что для ворот древние строители выбрали очень удобное место, хорошо защищенное естественными преградами и создали целый комплекс искусственных сооружений. Так, с южной и западной стороны путь к ним преграждала боль-

шая крепостная стена с многочисленными башнями. С северной стороны ворота защищают практически недоступные крутые склоны балки Инал. Проникнуть в район ворот можно было только с восточной стороны по склону холма-цитадели, плотно примыкавшего к обрывистому краю плато. Но тут доступ к ним преграждали глубокий ров, передовая каменная стена и грозная цитадель.

Итак, фортификация поселения отличается мощностью и продуманностью планировки и их структура отвечала уровню военной техники, сложному составу общества.

Подводя итоги следует сказать, что в Карачаево-Черкесии в средние века наблюдалось значительное разнообразие сельских поселений и поселений городского типа, что убедительно говорит о достаточно высоком уровне развития общества, военной и строительной культуры. Основную часть поселений составляли сельские поселения, как и в других районах Северного Кавказа²², Средней Азии²³, Крыма²⁴, что связано спецификой средневековья, где деревня господствовала над городом.²⁵

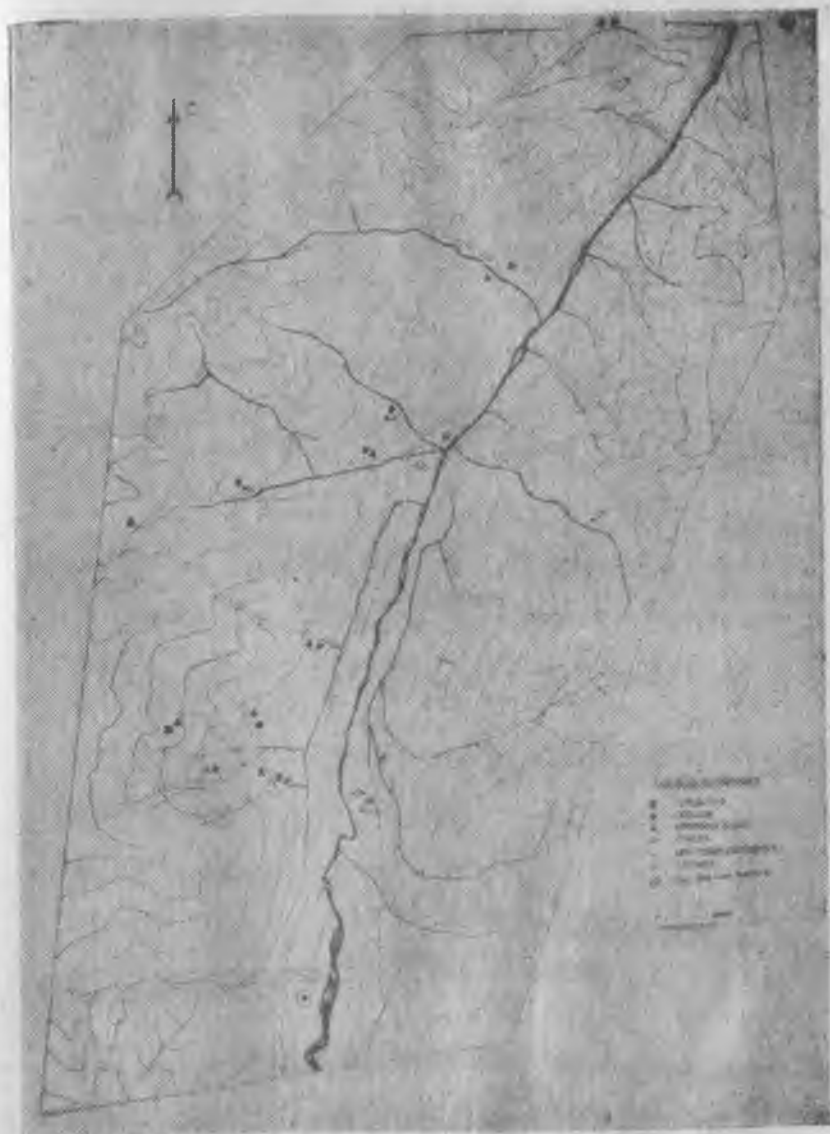

Рис. 1. Археологическая карта Тебердинского ущелья.

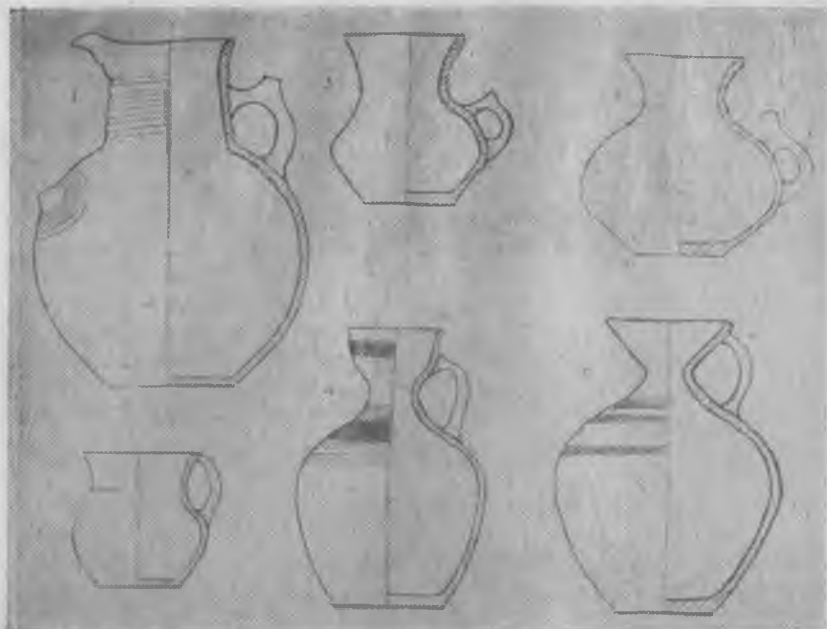

Рис. 2. Некоторые типы керамики из Джамагатского могильника.

Рис. 3. Деталь кладки крепостной стены Амгатинского городища.

Рис. 4. План Каракентского городища.

Рис. 5. План Инджургатинского городища: а — крепостная стена городища, б, в — крепостная стена цитадели и проход, г — остатки башни, д — ворота.

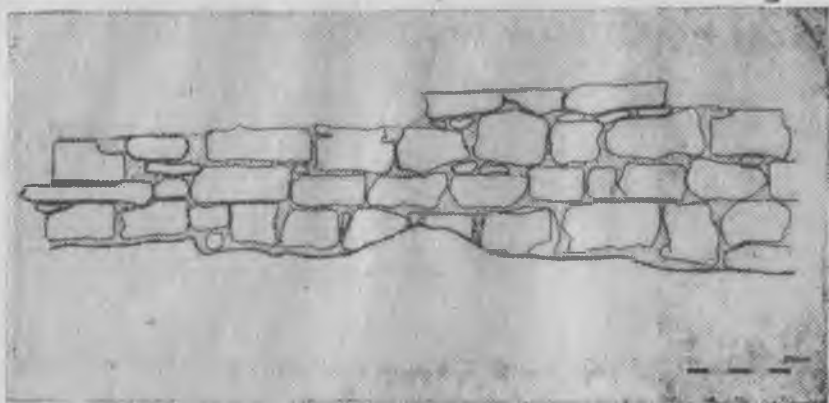

Рис. 6. Фосировка крепостной стены цитадели Инджургатинского городища.

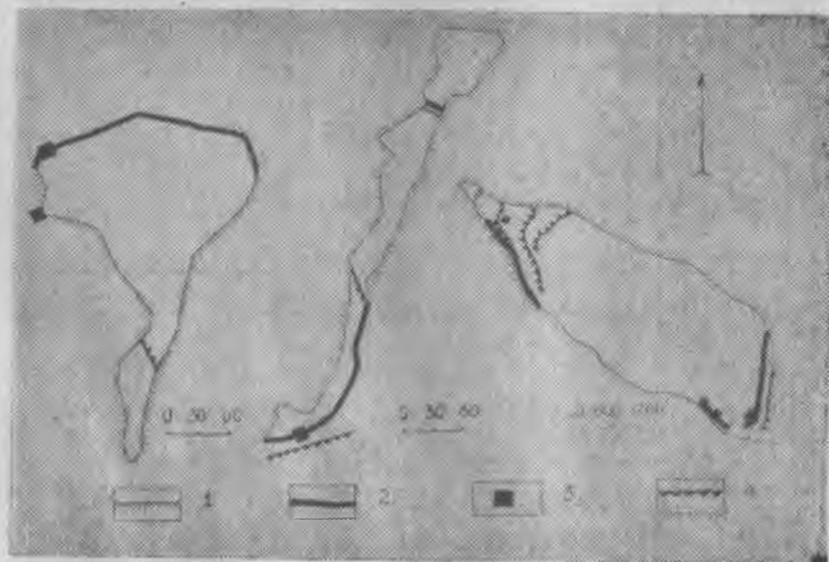

Рис. 7. Планы средневековых городищ Зеленчукского района (Балашовское, Курлукское, Клевцовское): 1 — обрыв, 2 — крепостная стена, 3 — башня, 4 — ров.

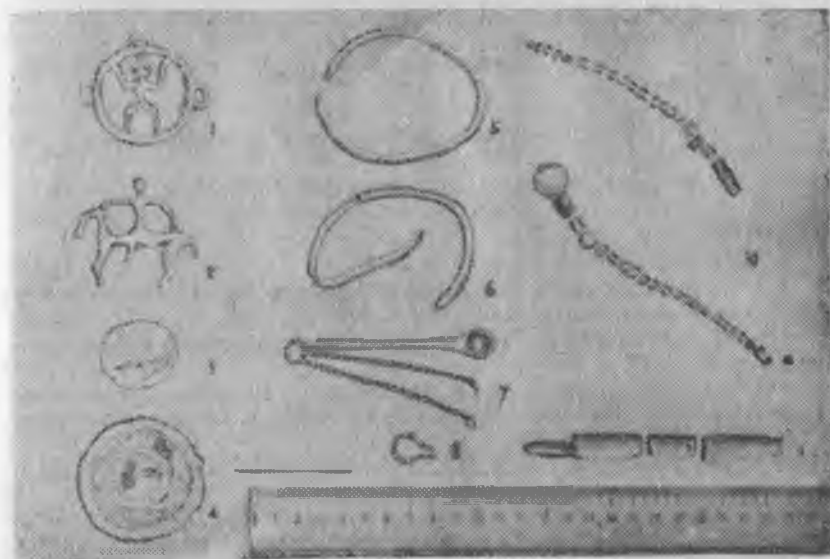

Рис. 8. Предметы из учкекеноского скального могильника, найденные Б. М. Тамбиевым.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Х. Х. Биджиев. Отчет о раскопках в 1978 г. Архив КЧНИИ, рукописный фонд.

² Там же.

³ И. Владимиров. Развалины старинного храма близ речки Амгаты. ИАК, вып. 1. СПб., с. 104—106.

⁴ Г. Х. Текеев. Раскопки на Амгате. АО, 1976. М., с. 123—124.

⁵ В. А. Кузнецов. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977, с. 110.

⁶ ГИМ. Инв. № 9790, он. 1735 — № 1.

⁷ Т. М. Минаева. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971, с. 17.

⁸ Е. П. Алексеева. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971, с. 90—91.

⁹ Б. Д. Гальперина и В. П. Любин. Раннесредневековое городище Учкулька (Карачаево-Черкесия). ТКЧНИИ V, серия историческая. Ставрополь, 1966, с. 265—274.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 2-е издание, т. 3, с. 22.

¹¹ Вопросы хозяйства, ремесленного производства, внешние связи, типы построек и ряд других вопросов средневековых поселений района освещены в работах Е. П. Алексеевой «Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии», В. А. Кузнецова «Аланские племена Северного Кавказа», МИА, № 106, 1962; и «Алания X—XIII вв.». Орджоникидзе, 1971.

¹² Правда, в поселениях VI—начала VII вв. имеются элементы крепостного строительства. Но настоящая фортификация, отвечающая всем требованиям военной техники того времени, на мой взгляд, возникает не ранее конца VII — начала VIII вв.

¹³ А. Б. Альберти. Десять книг о зодчестве. Т. 1. М., 1935, с. 140.

¹⁴ О. Х. Халпахчян. Гражданское зодчество Армении. М., 1971, с. 23—24.

¹⁵ В. А. Лавров. Градостроительная культура Средней Азии. М., с. 52—60.

¹⁶ Е. П. Алексеева. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971, с. 126.

¹⁷ В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. МИА, № 106, 1962, с. 59.

¹⁸ А. П. Рунич. Укрепления раннего средневековья в Кисловодской котловине. Археолого-этнографический сборник, вып. I. Пальчик, 1974, с. 95—109. КБНИИ.

¹⁹ Х. Х. Биджиев, А. В. Гадло. Исследования Хумаринского городища в 1975 г. Сб.: «Вопросы средневековой истории Карачаево-Черкесии». Черкесск, 1979, с. 27.

²⁰ Л. Б. Альберти. Десять книг о зодчестве. М., 1939, с. 140.

²¹ Т. М. Минаева. Городище Инджургата. АО., 1967. М., 1968, с. 157.

²² И. М. Чеченов. Древности Кабардино-Балкарии. Пальчик, 1968, с. 260—265.

²³ Ю. Я. Якубов. О структуре сельских поселений горного Согд в раннем средневековье. Сб.: Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. М., 1979, с. 73.

²⁴ О. И. Домбровский. Средневековые поселения и «исары» Крымского южнобережья. Феодалная Таврика. Киев, 1974, с. 5—56.

²⁵ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2-е, т. 21 с. 165.

КРЕПОСТНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ХУМАРИНСКОГО ГОРОДИЩА

Остатки большого по своим размерам Хумаринского городища возвышаются на правом берегу Кубани возле аула Хумара, в 11 км. к северу от г. Карачаевска. Оно располагалось на высоте более 1000 м над уровнем моря и занимало плоскую вершину горного плато-отрога, называемый местным населением Калеж, зажатого между верховьями балок, соединенного с основным массивом гор. В центре этого перешейка возвышается курганообразный холм естественного происхождения — цитадель городища (высота 43 м.). Следовательно, доступной для нападения или проникновения остается одна — восточная сторона памятника.

Планировка городища строго подчинена рельефу местности и соответствует функциональному назначению Хумаринского комплекса как крупной военной крепости. Оно имеет вытянутые с запада на восток неправильные очертания. Протяженность городища 840 м при ширине 480 м.

Памятник имеет четкую структуру и состоит из трех частей: цитадели, собственно, крепости — города и открытого поселения,¹ общая площадь его более 40 га.

Основная часть, как сам город-крепость, была обнесена по периметру мощной каменной стеной, усиленной многочисленными башнями. Она тянется по самому обрывистому краю отрога, перерезает с двух сторон у подножия холма — цитадели перешеек и поднимается к его вершине, т. е. концы стены смыкаются на вершине цитадели. В зависимости от рельефа местности стена образует много ломанных линий, поворот и имеет общую протяженность более 2 000 м. Раскопками последних лет на 4 раскопах (раскоп «1», «2», «А», «В»), заложенных на городище, исследована значительная

часть большой стены, представляющей в сочетании с башнями, остатки первоклассного военно-фортификационного сооружения. Она сложена из хорошо отесанных прямоугольных блоков, причем несмотря на четкое выделение панцирных рядов, внутренность стены заполнялась не бутом, а такими же блоками. Кладка панцирных рядов выполнена по системе «тычком и ложком»: блоки первого нижнего ряда были уложены короткой гранью (торцом) наружу и уходили в толщу стены, блоки второго ряда укладывались наружу длинной гранью (либо плашмя, либо на обрзок), блоки третьего ряда повторяли кладку тычком и т. д. В некоторых участках нижний ряд состоял из блоков, положенных в плоскости стены длинной гранью, а второй из блоков, уложенных тычком, третий ряд повторял кладку первого, четвертый второго и т. д. В целом при возведении крепостных сооружений (стены и башни) строители придерживались описанного приема кладки блоков. Но не всегда и не во всех участках стены придерживались этого принципа кладки блоков. Древние строители четко соблюдали указанный прием кладки при возведении восточной стены крепости. Блоки, использованные в кладке восточной стены (раскопы «1», «А»), хорошо обработаны, в большинстве своем они имеют форму крупных квадратов. Их размеры колеблются в пределах: $1,00 \times 0,45 \times 0,35$; $0,80 \times 0,40 \times 0,30$ м. Строители отступали от этого приема кладки при возведении южной стены памятника. Правда, методы постановки блоков здесь те же, по преимуществу «тычком» и «ложком», но кладка менее тщательна с менее регулярным соблюдением чередования последовательности укладки камней и рядов. В отдельных рядах кладки этих стен, наряду с крупными блоками-квадрами, использованы каменные плиты, уложенные плашмя. Северная стена, как показали результаты исследования 1979—1980 гг, по характеру кладки отличается от восточной стены. Она состоит из двух панцирей, а середина забутована щебнем и битыми камнями. Такая техника кладки широко практиковалась в средние века на Кавказе, в близких Хумаре по материалу и этническому составу памятниках нижнего Дона².

Большая стена поставлена без фундамента на слабо сnivelированную поверхность скалы — материка. Строители не пытались заглубить стену или создать для нее протяженное сnivelированное ложе, они вели кладку непосредственно по рельефу, походу, решая, возникающие перед ними конструктивные задачи, связанные с повышением или понижением

склопа плато, где находится древнее поселение. В настоящее время стена сильно разрушена и максимальная высота ее превышает 2—3 м при толщине более 5 метров. Но в древности она имела внушительную высоту. Причем, мощность ее в разных участках зависела от важности обороняемого участка. Так, на восточной стороне, в единственном участке, доступном для нападения, она имела, на наш взгляд, высоту 10—15 м при толщине более 5 м, а других участках, исследованных нами, толщина ее не превышает 3,50 м и соответственно имела меньшую высоту.

При возведении стены был использован известковый раствор. Причем в южной и восточной частях стены он применялся, главным образом, для промазки снаружи швов между камнями нижнего ряда. Известковый раствор максимально использован при кладке панцирных рядов на склоне цитадели и башен, фланкировавших главные ворота крепости. Здесь все блоки панцирных рядов уложены на известковом растворе.

Стена завершалась зубчатым парапетом, была снабжена многочисленными бойницами, и после завершения строительства, с обеих сторон была побелена известковым раствором. Причем крепостные стены предназначены были не для пассивной обороны. Они, как уже отмечалось, были снабжены мощными пристенными и выносными башнями, которые являлись важными узлами в сложной системе обороны города-крепости. В настоящее время хорошо прослеживаются остатки 14 башен (рис. 1).

Работами последних лет открыты и исследованы четыре башни. Одна на восточной стороне, в раскопе «А», вторая на южной стене над устьем балки Шугара, в раскопе «Б» и две на южной стене, которые фланкировали главные ворота крепости (рис. 1).

Как уже отмечалось, башни в плане имеют прямоугольную форму и максимально сохранились на высоту 2,30—2,60 м. Сохранившиеся части их представляют остаток монолитного основания, целиком заполненного камнем. Они были построены одновременно с прилегающей к ним крепостной стеной. Об этом свидетельствует то, что на линии стыка стены и башен отчетливо выявляются блоки перевязи. Размеры башен 11,10 × 7,75 м; 10,70 × 9 м; 10 × 9 м; 11 × 10 м. Для постройки башен, как и для постройки стены, были применены отесанные квадры местного песчаника (размеры блоков: 0,90 × 0,40 × 0,30 м; 0,50 × 0,35 × 0,20 м). Стены

башен представляют собой род панцирной облицовки ее внутреннего каменного массива, причем отдельные удлиненные блоки стены положены перпендикулярно ее фронту с тем, чтобы осуществлять связь облицовки и ее внутреннего заполнения. Пространство между стенами — облицовкой было заполнено уложенными в горизонтальные ряды блоками, подобными блокам, использованным для внешней облицовки. На углах, как правило, укладывались более крупные квадраты, в середину фронта стены шли камни поменьше. Башни, как и крепостные стены, были поставлены без фундамента и блоки панцирных рядов уложены на известковом растворе. Раскопанные остатки башен представляют нижнюю сплошную часть — основание, на котором были возведены верхние этажи, служившие помещением для стражи. К верхним этажам башен вели каменные лестницы сооруженные вдоль их стен с внутренней стороны. Так, в раскопе «Б» были обнаружены остатки лестницы, ведущей на второй этаж башни³. Лестница была пристроена к оборонительной стене и северо-восточному углу башни со стороны стены — с востока. Пристройка — основание лестницы представляла собой однорядную облицовочную кладку, выполненную в основном «ложком». В кладке были преимущественно использованы плитообразные блоки, которые придали ей облик, отличный от облика облицовочного панциря башни.

Помимо основной стены, городище было укреплено еще одной — передовой оборонительной стеной, возведенной с восточной наиболее опасной стороны памятника.

Работы 1975—1980 гг. здесь привели к открытию каменной кладки, которая прослеживается в направлении северо-юг, параллельно большой оборонительной стене, открытой ранее. Протяженность расчищенного участка 20 м. От него в направлении на восток отходит другая, перпендикулярная ей кладка, которая прослежена 4,70 м. Третий конец стены отходит в направлении северо-запад и примыкает к большой оборонительной стене. Первая кладка уходит в борт раскопа и, судя по рельефу местности, продолжается в северо-восточном направлении по подножию прилегающего холма, в виде слабо выраженного вала и соединяется с юго-восточным концом рва. Вторая кладка обрывается почти на краю плато. Она как бы перегораживает движение вдоль края плато в обход оборонительных сооружений, опоясывающих городище. Они возведены без фундамента, на по-

верхности культурного слоя, оставшегося в этой части плато от поселения более ранней эпохи. Камни, из которых возводились кладки, подобраны менее тщательно, чем камни большой оборонительной стены. В их основании уложены крупные блоки из нестойкого крошащегося песчаника. Строители стремились уложить камни в два панцирных ряда с забутовкой между рядами, но выполнили это своеобразно: панцирные блоки оказались так тесно прижатыми друг к другу, что места для обычной забутовки почти не осталось, ее заменили землей или крупными обломками песчаниковых плит. Описанные стены положены без связующего раствора, уложенные в них лицевые блоки имеют следующие средние размеры: $0,50 \times 0,39 \times 0,25$; $0,85 \times 0,40 \times 0,20$ м.

Характер обработки камня, использованного в обеих кладках, размеры блоков и то обстоятельство, что на одном из камней второй кладки обнаружен знак — тамга, аналогичный знакам, которые встречаются на камнях большой оборонительной стены (имеет вид трезубца, средний выступ которого втрое короче боковых), свидетельствует, на наш взгляд, о том, что камни для основной оборонительной линии и камни для стен, сложенных этими двумя кладками, готовились одновременно. Об одновременности постройки большой оборонительной стены и описанных участков указывают также положение их подошвенных камней: и в том и в другом случае они лежат на более раннем культурном слое, чем VIII—X вв. Слой, датируемый обломками посуды VIII—X вв. начинается несколько выше подошвы и, как правило, не содержит значительных включений керамики нижнего слоя.

После удаления завала возле первой кладки, обозначился проход в стене шириной в 1,00 м. С восточной стороны проход в стене оказался прикрытым дополнительной стенкой, которая образовала перед ним полуovalное помещение, имевшее выход на юг к стене, шедшей в направлении запад — восток. Пристройка перед проемом в стене служила вероятно сторожкой, возникла она позже возведения первой и второй стен.

Итак, городище, помимо основной линии оборонительных сооружений, представленной мощными стенами и башнями, имело еще одну линию обороны. Она служила своеобразной протейхизмой — передовой оборонительной стеной, которая должна была затруднять доступ к основной стене, закрывая проход вдоль нее по краю плато и преграждая к ней путь со

стороны нагорья. Эта стена имела проход (калитку), которая служила для выхода из перибола к верховью балки Шугара, где проходила дорога, идущая с нагорья вниз в долину Кубани. Снаружи калитка была замаскирована пристройкой, которая затрудняла доступ внутрь городища и, таким образом, играла важную роль в общей оборонительной системе крепости. Такая же стена была сооружена и по другую сторону холма — цитадели, в промежутке между его подножием и балкой Инал.⁴ К востоку от этой стены, с напольной стороны, был вырыт ров шириной 7 м протяженностью более 200 м. Ров шел по склону холма — цитадели от края плато у балки Инал до верховья Шугара и преграждал доступ к первой оборонительной стене, к цитадели и главным воротам крепости.

Наконец, крепость и ее сельскохозяйственные угодья, примыкающие к памятнику с востока были надежно защищены дополнительно глубоким ровом. Ров длиной более 1 км, шириной 8—10 м, глубиной 3—5 м был возведен 1,5 км к юго-востоку от городища и закрывал проход между Скалистым хребтом и балкой Шугара. Он прочно закрывал путь в район городища из Предкавказья и со стороны перевалов Гумбаши, Гитче Айры, Уллу Айры.

В Хумаринском городище было двое ворот: южные и северные в середине соответствующих стен, а также несколько калиток-проходов, которые фланкировались одной или двумя башнями. Как наиболее уязвимые места в системе обороны, ворота и калитки возведены в труднодоступных пунктах плато, удобных для обороны подступов к ним и сильно укреплены искусственными сооружениями. Южные ворота-въезд были сооружены в 360 м к юго-западу от цитадели и вырублены на скале в крутом склоне отрога, на вершине которого располагается поселение.

Путь к ним пролегал по крутому склону балки Шугара, которая образовала несколько маршей, каждый из которых на всем его протяжении находился под наблюдением и под обстрелом со стен и башен, подходивших в этом месте к самому краю обрыва. Предполагаемый путь на городище подобен дорогам-въездам, которые устраивались в близких к нашим памятникам: Мангуп-Кале, Эски-Кермен в Крыму и Рим-гора в Карачаево-Черкесии. Рассматриваемый проход особенно интенсивно был использован в период строительства крепостных сооружений памятника. Через него завозили на плато обработанные каменные блоки, добытые на склонах

балки Шугара. Около ворот, с внешней стороны зафиксированы большие запасы каменных блоков, аналогичных блокам, из которых сооружены стены и башни Хумары. В этом участке крепости археологические раскопки не производились, поэтому невозможно что-либо конкретно сказать о характере строительства и размерах южных ворот.

Наибольшее значение имеют результаты раскопок главных ворот, которые были исследованы в 1979 г. Они были сооружены в 200 м. к западу от цитадели, в северной стене, между двумя прямоугольными башнями. Следует отметить, что для ворот древние строители выбрали очень удобное место, хорошо защищенное естественными преградами и создали целый комплекс искусственных сооружений. Так, с южной и западной стороны путь к ним преграждала большая крепостная стена с многочисленными башнями. С северной стороны ворота защищают практически недоступные крутые склоны балки Инал. Проникнуть в район ворот можно было только с восточной стороны. Но тут доступ к ним преграждали глубокий ров, передовая каменная стена и грозная цитадель. Если же враг преодолевал и эти укрепления, то оказывался в узком проходе—полосе, обстреливаемом со всех сторон защитниками крепости. Здесь в узком проходе его опять встречали защитники стрелами, каменными ядрами, горячей смолой. Как уже отмечалось, главные ворота фланкировались двумя башнями. Стены ворот возведены из искусно обработанных каменных блоков по тому же описанному выше строительному принципу. Блоки панцирных рядов очень хорошо подогнаны друг к другу и уложены на известковом растворе по системе «тычком и ложком». В стенах много выступов и поворотов, затруднявших проникновение неприятеля в крепость. Ворота имели внешние и внутренние дверные полотна, окованные с внешней стороны железными пластинками.

Такой способ укрепления дверного полотна и защита ворот хорошо известна и в других средневековых памятниках Юго-Восточной Европы⁶, а также у народов Кавказа⁷ и Крыма⁸. Пол проезда вымощен хорошо обработанными каменными плитами и имеет длину 7 м при ширине 3,50 м. Стены сохранились на 10 рядов кладки, на высоту 2,40—3 м. Главные ворота имели арочное перекрытие полициркулярной формы, увенчанное зубчатым парапетом. Судя по монолитному основанию башни, фланкировавшие ворота, имели внушительную высоту и несколько этажей. Из них защит-

ники держали под перекрестным обстрелом подступы к воротам. Предметы, найденные в процессе раскопок, свидетельствуют о том, что ворота неоднократно подвергались штурмам и длительной осаде, что здесь не раз происходили горячие схватки. Так, около прохода хорошо прослеживаются следы пожара, найдены каменные ядра — баллы, куски черной смолы.

Важным элементом оборонительной системы Хумаринского городища является цитадель, расположенная в северо-восточной части памятника. Она была сооружена на плоской вершине естественного холма с крутыми склонами высотой более 43 м. Доступ на нее преграждали ров, первая и вторая оборонительные стены крепости. Крутые склоны холма и указанные элементы фортификации имели внушительную обороноспособность. Между тем, цитадель была обнесена по периметру ещё дополнительно мощной собственной каменной стеной, фланкированной башнями и контрофорсами. Стена была возведена по периметру холма с учетом его рельефа и разграничивала территорию цитадели не только от внешнего мира, но и от самого города-крепости. Стены цитадели построены, как и другие крепостные сооружения, без фундамента, из хорошо стесанных каменных квадров местного песчаника (размеры их: 1,20x0,60 0,70 м; 0,60x0,4x 0,3 м). Из больших блоков сооружены не только панцирные ряды, уложенные на известковом растворе, но и пространство между ними. Камни панцирных рядов отличаются более тщательной обтеской, кладка их осуществлена более аккуратно, чем в межпанцирном пространстве, где дни уложены без раствора, насухо. Камни трех нижних рядов кладки выступают соответственно на 6—7 см из плоскости стены. Причем в первом ряду блоки положены в ряд короткими сторонами, во втором ряду — длинными, в третьем — снова короткими, в следующем — длинными и т. д. Таким методом достигалась поперечная перевязка швов кладки. Общая длина стены составляет более 120 м при ширине 2,60 — 3 м. Единственные ворота цитадели, сооруженные на южной стороне крепостной стены, были обращены внутрь города.

К сожалению, цитадель настолько сильно пострадала от времени, что судить об её внутреннем устройстве нет возможности. Только после раскопок можно будет иметь хорошее представление о внутренних застройках этого уникального для Северного Кавказа археологического объекта и па-

мятника военной архитектуры. Но культурные остатки, зафиксированные здесь в процессе исследования, дают основание полагать, что основным сооружением цитадели являлась башня — донжон повышенной высоты. Такое предположение оправдано ещё тем, что, по мнению специалистов по фортификации, цитадели средневековых городов и крепостей состояли из одной или нескольких башен⁹. Верхние этажи башни были жилыми, где обитали местный феодал и его охрана. Нижние этажи предназначались для хранения продуктов и боеприпасов.

Таким образом, цитадель Хумаринского городища мощной каменной стеной была отграничена от внешнего мира, в том числе и от самого города — крепости. Это свидетельствует о том, что цитадель защищала феодальную верхушку Хумары не только от нападения внешнего врага, но и от основной массы населения города. Следовательно, структура городской фортификации находилась в прямой зависимости от социальной структуры населения древнего поселения, от взаимоотношения правящей феодальной верхушки и народных масс. С этим, видимо, связано и то, что она возведена в системе крепостных стен, а не внутри города или за его пределами.

Такое расположение давало возможность гарнизону цитадели контролировать наступление врага извне и следить за жизнью в крепости, при необходимости принимать решительные меры против внутренних врагов¹⁰.

Итак, фортификация Хумары отличается мощностью и продуманностью планировки и её структура отвечала уровню военной техники, сложному социальному составу населения крепости.

По планировке и топографии Хумаринское городище имеет много общего с многочисленными средневековыми памятниками Северного Кавказа и прежде всего Карачаево-Черкесии. Средневековые укрепленные городища Карачаево-Черкесии, как и Хумаринская крепость, обычно строились на месте более ранних открытых поселений. Они, за редким исключением, также как и изучаемый памятник, расположены в труднодоступных местах, укреплены каменными стенами, башнями, рвами и валами, имеют двух — и трехчастное деление¹¹. Например, Нижне-Архызское городище имело сложную фортификацию, состоящую из трех каменных стен и дозорных башен¹². То же самое можно сказать

о Римгорском, Учкурском, Красногорском, Терезинском и других городищах Карачаево-Черкесии. Но по планировочной структуре наиболее близки нашему памятнику Инджургатинское и Каракентское городища, расположенные недалеко от Хумары, на левом берегу Кубани.

Так, Инджургатинское городище, контролировавшее в IX—XI вв. трассу из долины Кубани в Зеленчукское ущелье также как и Хумара, было расположено на плоской вершине горного отрога, хорошо защищенного природными преградами, имело четкое двухчастное деление (цитадель и собственно крепость), а также было по периметру обнесено оборонительной стеной в комплексе с башнями. Цитадель его также помещалась на господствующей над местностью возвышенности, дополнительно была укреплена каменной стеной, а главной застройкой цитадели, как и в Хумаре, являлась двухэтажная башня доижон.¹³

Каракентское городище занимало вершину горного отрога, ограниченного с трех сторон, как и изучаемый памятник, глубокими ущельями с крутыми склонами. Оно имело трехчастное деление и состояло из цитадели, собственно города-крепости и открытого поселения вне городских стен. Каракентское городище, как и наш памятник, по периметру было обнесено оборонительной стеной с башнями¹⁴.

Фортификация Хумаринского городища отличается от крепостных сооружений других памятников Карачаево-Черкесии по положению цитадели в плане города. Как выше было отмечено, цитадель Хумаринского городища расположена в системе большой оборонительной стены, в северо-восточном углу города-крепости. На других памятниках Карачаево-Черкесии обычно цитадели помещались внутри больших оборонительных стен, т. е. внутри города-крепости. Обычно они занимали один из углов отрога, мыса, останцев, на вершинах которых находятся памятники. По местоположению цитадели в плане города, Хумаринское городище сближается с многочисленными городами и феодальными замками Армении. По мнению крупного специалиста по архитектуре О. Х. Халпахчьяна в Армении цитадель — городища, также как и цитадель Хумаринского городища, была снабжена собственной системой фортификации, которая отделяла ее от города. Средневековые каменные оборонительные сооружения Карачаево-Черкесии, как и укрепления Хумаринского горо-

дища, построены без фундамента. Обычно камни нижнего ряда их стен уложены на материковую поверхность скалы-материка. Такая конструкция крепостных сооружений нередко встречается в памятниках Северного Кавказа. Бесфундаментная кладка крепостей характерна также для одновременных с Хумаринским городищем памятников салтово-маяцкой культуры Подонья¹⁵. В указанных памятниках цитадель никогда не помещали внутри города. Такое место положение цитадели характерно также для некоторых памятников Средней Азии¹⁶. Принцип постройки цитадели внутри города-крепости, зафиксированный в Карачаево-Черкесии, широко практиковался в странах Древнего Востока¹⁷, в Азербайджане¹⁸ и Средней Азии¹⁹.

Расположенная в углу города или в одной из его сторон цитадель стратегически имеет большое преимущество, наиболее полно отвечает уровню военной техники и сложной структуре социального состава общества²⁰. Ибо «это позволяло организовать более надежную защиту как против захватившего город внешнего врага, так и против восставшего народа»²¹. Фортификация Хумаринского городища от аналогичных памятников Карачаево-Черкесии резко отличается также по основным строительным приемам и технике кладки стен.

Как было отмечено выше, крепостные стены городища состояли из двух панцирей, сложенных из прекрасно отесанных блоков-квадров с соблюдением чередования «тычков» и «ложков». На наиболее ответственных участках блоки панцирных рядов уложены на известковом растворе (например, внешняя стена цитадели и стены главных ворот).

Принцип постройки цитадели внутри города-крепости, зафиксированный в Карачаево-Черкесии, широко практиковался в странах Древнего Востока²², в Азербайджане²³ и Средней Азии²⁴.

Как уже отмечалось, расположенная в углу города или в одной из его сторон цитадель стратегически имеет большое преимущество, наиболее полно отвечает уровню военной техники и сложной структуре социального состава общества²⁵. Ибо «это позволяло организовать более надежную защиту как против захватившего город внешнего врага, так и против восставшего народа»²⁶.

Фортификация городища от других памятников края отличается также по архитектуре и технике кладки стен. Как

было отмечено выше, крепостные стены городища состояли из двух панцирей, сложенных из отесанных квадров с соблюдением чередования «тычков» и «ложков». На наиболее ответственных участках блоки панцирных рядов уложены на известковом растворе (например, восточная часть цитадели и стены главных ворот). Но основная часть крепостных сооружений-памятника сооружена насухо, без раствора. Известковый раствор использован только для промазки швов панцирных рядов. Промежуток между панцирными рядами, судя по исследованным участкам, также сложен из блоков насухо, без раствора. В процессе возведения стен широко применены квадры с прямоугольными вырезами для выравнивания рядов кладки, камни облицовки дополнительно обрабатывались с лицевой стороны и плотно подгонялись друг к другу. В условиях Карачаево-Черкесии каменное строительство имеет глубокие корни, местные многовековые традиции, ибо, как и в других горных районах Кавказа, здесь основным строительным материалом являлся камень. Но такая техника кладки стен несвойственна не только средневековой крепостной архитектуре, но и местному зодчеству всех времен вообще.

На территории Карачаево-Черкесии различные сооружения строили из рваного камня, булыжника и брусков насухо или на глине. Но стены большинства средневековых сооружений возведены из тесанных плит, уложенных плашмя, насухо²⁷. По такой системе выложены стены Амгатинского, Гилячского, Нижне-Архызского, Инджургатинского и других городищ района.

Крепостная архитектура Хумаринского городища отличается от аналогичных сооружений Карачаево-Черкесии не только по более совершенной технике кладки стен, но и по мощности их и высокой строительной культуре. Достаточно сказать, что большая стена городища (протяженность 2000 м) имела толщину 3,50; 3,80; 5,10 м при высоте 10 — 15 — 20 м и была усилена многочисленными башнями. Ещё более мощной была оборонительная стена цитадели, рассчитанная на длительную осаду. Общая толщина внутренней и внешней стен цитадели составляет более 6 м. Стены других памятников по мощности намного уступают толщине стен Хумаринского городища. Так, толщина стен Гилячского городища составляет 0,6 м, Амгатинского 1,5 м., Садовое — 2,25 м., Нижне-Архызского — 2 м. В Карачаево-Черкесии,

после изучаемого городища наиболее мощные укрепления имеет Адиухское городище. Толщина его оборонительной стены составляла 2,50 м и фланкировалась эта стена пятью квадратными башнями²⁸.

На территории Карачаево-Черкесии при возведении крепостных сооружений известковый раствор в качестве вяжущего материала впервые был применен в Хумаринском городище. Им же были выбелены стены и башни с обеих сторон. Как уже отмечали, другие оборонительные сооружения края сложены без раствора, насухо. Исключением являются стены цитадели Инджургатинского городища, башни Адиухского городища, а также Хурзукская башня. Стены их тоже сложены на известковом растворе. Но они были построены после гибели Хумаринской крепости, не ранее X в. То же самое следует сказать о многочисленных двух-трехэтажных башнях изучаемого памятника. Они были сооружены одновременно с большой оборонительной стеной и могут быть датированы VIII в. Они являются наиболее ранними памятниками башенного строительства в Карачаево-Черкесии²⁹. Не только в Карачаево-Черкесии, но и в других местах Центрального Кавказа нет такого количества башен, как в Хумаре.

Известные башни Карачаево-Черкесии, как и многие укрепленные городища, феодальные замки на паш взгляд, возникли не ранее X века, в период экономического и культурного подъема алан и местных горских племен, ранее находившихся под властью хазар, т. е. после гибели изучаемого памятника.

По особенностям расположения и по планировке Хумаринское городище имеет много общего и со средневековыми памятниками Дагестана. Археологическими раскопками установлено, что средневековые города и крупные поселения края строились с учетом рельефа местности, имели двух- и трехчастное деление, укреплялись разнообразными, в том числе каменными оборонительными сооружениями. В качестве примера можно назвать Дербент, Чирюртовское, Урпекское, Махачкалинское, Хазар-калиинское и другие городища, которые были подчинены рельефу и состояли из цитадели, собственно города и открытого поселения, или из цитадели и собственно города³⁰. Причем, каждая из этих частей, была обнесена оборонительными стенами, а цитадель допол-

нительно стеной отсекалась от городища, которая в свою очередь отделялась стеной от сельской территории³¹. Важно отметить, что оборонительные сооружения Дагестана, по крепостной архитектуре и по характеру кладки стен, также находят аналогии в Хумаринской крепости. Так, для памятников Дагестана, как и Хумаре, характерна двух-панцирная кладка, пространство между которыми заполнено забутовкой. В Дагестане «панцирная техника стен, усиленных регулярно расположенными перед ними башнями получает в раннесредневековую эпоху широкое распространение»³².

Крепостная архитектура указанного района, от архитектуры нашего памятника, отличается тем, что стены и башни их возведены не от отесанных блоков-квадров, а преимущественно от рванного камня³³.

Среди памятников Дагестана особняком стоит Дербент, который по характеру кладки стен отличается от других памятников края и имеет много общих черт с Хумаринским городищем. Стены Дербента сасанидского времени сооружены из хорошо отесанных с наружной стороны плит насухо, уложенных тычком и ложком. «Она представляет собой два ряда крупных каменных плит, образующих наружную и внутреннюю грань стены, пространство между которыми заполнено забутовкой³⁴, т. е. здесь мы имеем также двухщитовую кладку, близкую кладке Хумаринской стены. Она отличается от хумаринской тем, что ее стены возведены из плит, а в нашем памятнике — из квадров. Наконец, в Дербенте внутренняя забутовка скреплена известковым раствором³⁵, в отличие от стен Хумары, где зафиксирована сплошная кладка из блоков (восточная стена) или панцирная кладка с забутовкой пространства между ними, насухо.

Сасанидский Дербент, возведенный в VI в. и существовавший долгое время, в отличие от Хумары функционировавшей всего двести лет, представляет собой крупнейший город своего времени, имел намного больше размеры, развитую городскую топографию, торговлю, крепостной, дворцовой, культовой архитектуры. Но по мощности крепостных сооружений Хумаринское городище, на наш взгляд, мало уступает Дербенту, а по толщине главной стены даже превосходит его. Так, толщина стен Дербента колеблется от 2,30 до 3,80 м³⁶, а Хумаринские стены достигают толщины от 3,5 до 5,10 — 6 м.

В заключение следует сказать, что Дербент, сооружен-

ный сасанидским Ираном в VI в. для защиты своих северных границ от кочевников и Хумара, возведенная в VIII в. хазарами против натиска арабов, по мощности и характеру крепостной архитектуры отличается от средневековых памятников края и стоит особняком среди них. Возникновение этих двух памятников тесно связано с политическими событиями, происходящими на Северном Кавказе и всего юга нашей страны.

-Крепостная архитектура Хумаринского городища не имеет близких аналогий среди памятников Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечено-Ингушетии. Дело в том, что для памятников указанных районов каменная фортификация в целом не типична, характерной особенностью их являются землянные укрепления, сочетающие глубокие рвы и валы³⁷.

Важно отметить, что Хумаринское городище отличается от памятников Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечено-Ингушетии также по некоторым видам инвентаря. Так, наиболее массовым материалом из городища является разнообразная керамика, которая делится на три группы: кухонная, столовая, тарная. За исключением столовой посуды (лощенные кувшины серо-черного цвета, кружки) она, в целом, отличается от керамики указанных районов. Здесь в комплексе представлен полный ассортимент типов и форм, распространенных на салтово-маяцких поселениях (степной-болгарский вариант) Нижнего Подонья, Восточной Таврии и Центрального Предкавказья³⁸. Керамика Хумаринского городища находит близкие аналогии в инвентаре хазарских поселений Дагестана³⁹, за исключением амфор, богато представленных в изучаемом памятнике. Амфоры для Центральных районов Северного Кавказа и Дагестана в целом не характерны. Помимо Хумаринского городища они встречаются в болгарских поселениях Ставропольской возвышенности, которые стали известными благодаря работам А. В. Гадло. Это с одной стороны подчеркивает бесспорную этническую и культурную близость населения крепости с болгарским населением Предкавказья и с другой стороны указывает на интенсивность связей обитателей Хумары с Крымом и Приазовьем, откуда завозили амфоры.

Наиболее близкие аналогии наш памятник имеет с одновременными городищами салтово-маяцкой культуры. Он с

ними сближается по всем элементам планировки, по характеру кладки крепостных стен, по форме жилых и хозяйственных построек, а также по инвентарю, о чем уже говорили.

Аналогичная техника кладки крепостных сооружений была принята в VIII—X вв. в северо-восточных областях салтово-маяцкой культуры. Так, стены Правобережного и Маяцкого городищ Нижнего Подонья также сооружены из прекрасно обтесанных блоков, без фундамента, состоят из внешнего и внутреннего панцирей. Причем камни, как и в Хумаре, уложены без раствора, регулярным чередованием «тычков» и «ложков». Эти памятники совершенно сближаются с нашим городищем по характеру отделки поверхности блоков, по дополнительной обработке блоков с лицевой стороны, по применению блоков с прямоугольными вырезами для выравнивания рядов кладки, и по промазке швов известковым раствором⁴¹. Хумаринское городище с памятниками Нижнего Подонья имеет самые близкие аналогии и по конструкции крепостных стен, башен и ворот. Так, стены их также как и изучаемого памятника, были усилены башнями, завершались зубчатым парапетом, были снабжены бойницами. Ворота их, как и в Хумаре, сооружались между двумя башнями. Башни и там и тут были, как обычно, квадратной или прямоугольной формы⁴².

Жилые постройки Хумаринского городища представлены полуземлянками и юртами с легкой каркасной стеной, сверху закрытой войлоком, они имеют самые близкие параллели в памятниках салтово-маяцкой культуры⁴³. Техника кладки из тесанного камня в VIII—X в. была также широко распространена в ранне-болгарских памятниках Болгарской Народной Республики, которые сближаются по инвентарю, как справедливо пишет С. А. Плетнева, с поселениями салтово-маяцкой культуры⁴⁴ и с Хумаринским городищем. Здесь, например, можно назвать такие средневековые города, как Плиска, Преслав, и другие. Крепостные стены их, как и на Хумаре, возведены из тесаных блоков, причем они обработаны и сложены точно также, как на Хумаринском городище⁴⁵. Более того, во всех указанных памятниках Нижнего Подонья и Болгарии, как и в нашем городище, найдены идентичные рунические надписи, знаки-тамги, различные рисунки⁴⁶, не характерные для аланских памятников Северного Кавказа, свидетельствующие о тюркоязычности их населения. Важно отметить, что по мнению болгарского археоло-

лога Д. Дмитрова, который в 1979 г. специально приезжал и изучал памятники салтово-маяцкой культуры и наше городище, к памятникам Дунайской Болгарии особенно близка крепостная архитектура Хумаринского городища⁴⁷.

Итак по приемам строительства крепостных сооружений, по форме жилых и хозяйственных построек, а так же инвентарю Хумара отличается от памятников Северного Кавказа и имеет близкие аналогии среди памятников салтово-маяцкой культуры и Дунайской Болгарии. Причем рассматриваемая архитектура во всех указанных районах не имеет предшествующих традиций. Поэтому есть все основания считать архитектуру памятника явлением привнесенным, непосредственно связанным со строительством Хумаринской крепости. В этой связи возникает вопрос о истоках архитектурной традиции, воплотившейся в памятниках названных районов. С. А. Плетнева, анализируя крепостные сооружения салтово-маяцкой культуры, пришла к выводу, что жители Хазарского каганата технику обтески камня заимствовали из государств Закавказья⁴⁸. Действительно строительство аналогичных крепостных сооружений в середине века широко практиковалось в странах Закавказья, где каменная архитектура имеет древние многовековые традиции и к указанному времени достигает высокого уровня. Многочисленные города и крепости феодальных государств Закавказья имеют сложную планировку, мощную фортификацию, часто расположены в труднодоступных местах и крепостные сооружения их, так же как и нашего памятника, возведены на высоком уровне из искусно обработанных камней. В качестве примера можно привести такие памятники как Дманиш, Урджарма, Вани, Ацкурн, Хертвисн в Грузии, Гарни, Ани, Анбертская и Магасбердская крепости в Армении⁴⁹. Если учесть, что Хазария и Северный Кавказ в средние века имели тесные связи с народами Закавказья можно допустить, что архитектура интересующих нас памятников связана со строительной традицией вышеназванного района. Но другие материалы Хумаринского городища не свидетельствуют о каких-либо связях со странами Закавказья. Население Хумаринского городища, как было отмечено, имело более оживленные связи с различными культурными центрами Северного Причерноморья. В этой связи важно отметить, что строительная техника нашего городища имеет много общего с памятниками Крыма. Так, самые близкие аналогии с Хумарой имеет крепостная архитектура Херсона, Мангуп-Кала, Эски-Кермен, Чуфрут —

Кала и т. д. Для крепостных сооружений указанных памятников, возведенных начиная с VI в., также характерна квадратная кладка по системе точек и ложков из тесаных блоков,⁵⁰ т. е. как Хумаре. Правда, последние относятся к VI в. н. э., т. е. сооружены раньше, чем Хумаринская крепость. Но если учесть существование в рассматриваемый период тесных связей населения Хумары с Крымом и близость строительной техники названных памятников, на наш взгляд, нельзя исключать влияние архитектуры Крыма на нашу крепость. Тем более в начале VIII в. в связи с арабской угрозой произошло сближение Хазарии и Византии.⁵²

Но если говорить вообще где зародилась рассматриваемая архитектурная традиция, то следует предпочтительно отдать Ближневосточному культурному региону, т. е. восточным провинциям Византии, ибо здесь (в Сирии и Малой Азии) она прочно бытовала еще в памятниках римского времени.⁵³ Очевидно оттуда она проникла в страны Закавказья, Причерноморья, на Подонье и на Северный Кавказ.

Таким образом, при сооружении Хумаринской крепости использованы передовые фортификационные приемы того времени и учтен весь опыт строительной практики, уровень военной техники. На основе исследования последних лет можно сказать, что крепостные сооружения Хумаринского городища имеют все основные элементы передовой средневековой фортификации (большую оборонительную стену, передовую стену — протейхизму, сильно укрепленные ворота и вылазные калитки, неприступную цитадель, глубокий ров) характерные для крупных городов и крепостей Азии и Европы. По мощности и сложности планировки, а также по неприступности сооружений Хумаринское городище полностью отвечает рекомендациям Витрувия, Ф. Вегеция, Л. Б. Альберти и Ц. Кюня⁵⁴.

В этой связи представляет большой интерес вопрос — кем когда и для каких целей была построена крепость. Сперва несколько слов о датировке памятника. Главным датирующим материалом является керамика. Кухонная керамика, главным образом, представлена многочисленными обломками горшков черного или темно-серого цвета. Горшки имели различные размеры. Но по форме и фактуре они отличаются друг от друга только в деталях, имеют яйцевидную или шарообразную форму, небольшое плоское дно и едва отогнутый венчик. Стенки их часто имеют нагар и сажу, так как

употреблялись для приготовления пицци. Характерной особенностью этих сосудов является орнамент на тулове в виде линейно-зональных горизонтальных, линейно-волнистых полосок.

Имеются горшки, тулова которых покрыты сплошным рифлением. В некоторых экземплярах венчики тоже орнаментированы косой насечкой, наколами штампа или гребенчатой волной. Горшки описанного типа в целом не характерны для инвентаря средневековых памятников Карачаево-Черкесии. Они являются обязательной находкой в инвентаре памятников салтово-маяцкой культуры⁵⁵.

По мнению С. А. Плетневой⁵⁶, которая специально и основательно занималась средневековой археологией Юго-Восточной Европы, эти горшки датируются VIII—X вв. н. э. и характерны для степных болгарских городищ и поселений указанной культуры⁵⁶. Столовая керамика представлена обломками кувшинов серого или серо-желтого цвета. Обычно они изготовлены из плотного, хорошо отмученного теста. Как правило, имеют яйцевидное и шаровидное тулово и снабжены носиком-сливом. Ручки прикреплены к тулову и к изогнутому венчику. Некоторые экземпляры орнаментированы вертикальными или горизонтальными полосами лощения, проходящими по их корпусу. Кувшины указанного типа хорошо представлены в аланских памятниках Северного Кавказа VIII—X вв. н. э. Такие сосуды также хорошо известны на обширной территории салтово-маяцкой культуры⁵⁷.

Наряду с описанной посудой, в составе керамики в небольшом количестве попадают обломки кувшинов с небольшим дном и плоской ручкой, которая, как правило, прикреплялась к средней части горла и плечу. Они изготовлены из плотного теста, черепок в изломе имеет кирпично-красный цвет. Судя по фрагментам, их горло и верхняя часть тулова украшалась орнаментом из врезанных линий. Описанные кувшины также известны в памятниках салтово-маяцкой культуры⁵⁸.

После кухонных горшков в процентном отношении самым массовым материалом являются красноглиняные привозные амфоры яйцевидной формы. Среди их обломков встречаются много экземпляров с зонами мелкого и частого рифления по плечикам и верхней части тулова. Все найден-

ные типы амфор имеют прямые аналогии в материале салтово-маяцких памятников Нижнего Подонья и Крыма⁵⁹. Эти находки хорошо датируются в рамках VIII—середины X вв. II. Э.

Керамика Хумаринского городища, за исключением отдельных типов (кувшины), в целом отличаются от аланской керамики Северного Кавказа и идентично керамике салтово-маяцкой культуры (степной-болгарский вариант). Она датируется VIII—X вв. нашей эры, следовательно, в этих рамках можно датировать и исследованные участки городища. Такой датировке не противоречат и другие материалы, собранные на исследованных участках городища. Так, наконечник стрелы ромбовидной формы, найденный в верхнем слое раскопа «А», характерен для X века⁶⁰. Этой дате не противоречат также приемы строительства крепостных сооружений, исследованных на Хумаринском городище, о чем уже говорилось выше. То же самое можно сказать о юртах, полуземлянках и жилищах на каменном цоколе, открытых и исследованных в раскопе «А». Аналогичные жилища известны опять-таки в памятниках салтово-маяцкой культуры⁶¹. Итак, крепость была сооружена в VIII веке и в X веке перестала существовать. Керамический комплекс, формы жилищ и приемы строительства крепостных сооружений, а также рунические надписи, найденные в процессе раскопок, свидетельствуют, что крепость была сооружена в эпоху господства в юго-восточной Европе Хазарского каганата, основное население которого составляли болгары. Она была сооружена хазарами, как справедливо полагает В. А. Кузнецов⁶², на важном стратегическом пункте в связи с усилением арабской угрозы, чтоб перекрыть перевальные пути из Закавказья на Север. Строительство такой грандиозной крепости, не имеющей себе равных среди средневековых памятников района, сооруженных до и после неё, могло быть под силу только этносу, который обладал сильной государственной властью. Такой властью обладали в этот период на Северном Кавказе только хазары, подчинившие себе все остальные племена и народы. Последние не имели централизованной власти и им не под силу было возведение такого мощного сооружения. В пользу постройки крепости хазарами свидетельствует и хронологические рамки существования крепости. Возникновение и прекращение жизни на кре-

пости по времени совпадает с возвышением и гибелью Хазарского Каганата.

В период существования Хазарского Каганата, особенно в период усиления арабо-хазарских войн на многих пунктах Хазарии, заселенных различными народами, возникло большое количество крепостей, призванных защищать границы государства. Особенно много крепостей были сооружены в Дагестане⁶³ и на Дону⁶⁴. По словам М. Г. Магомедова «арабским завоеваниям на Кавказе хазары противопоставили глубоко эшелонированную оборону, состоящую из многочисленных городов и крепостей»⁶⁵. Именно создавшаяся политическая ситуация в VII—VIII вв. была причиной возникновения хумаринского комплекса, ибо арабы стремились овладеть перевалами через Кавказский хребет, проникнуть в степи и ударить в тыл хазар.

Итак Хумаринское городище — остатки одной из многочисленных крепостей, сооруженных на территории Хазарского каганата в VIII в. в связи с усилением арабо-хазарских войн.

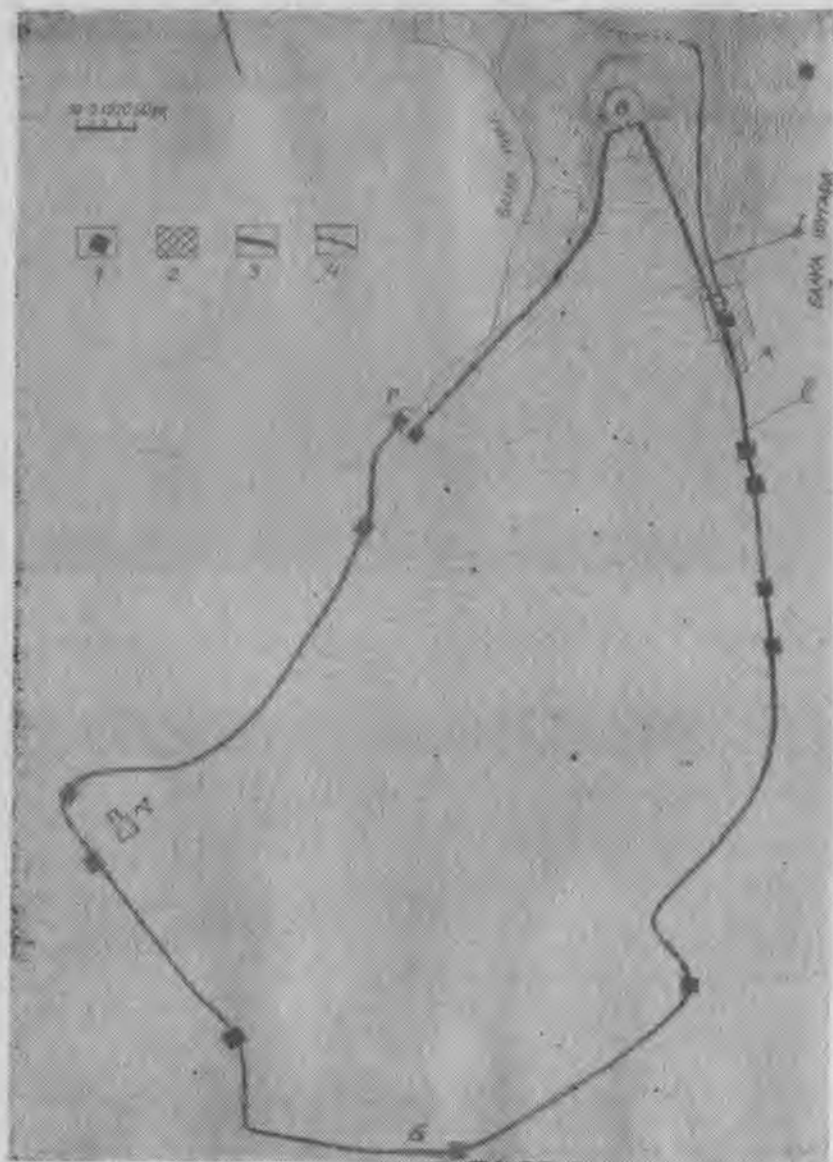

Рис. 1. План Хумаринского городища: 1 — башня, 2 — раскопы, 3 — зубчатая стена, 4 — ров, В — цитадель, Г — главные ворота.

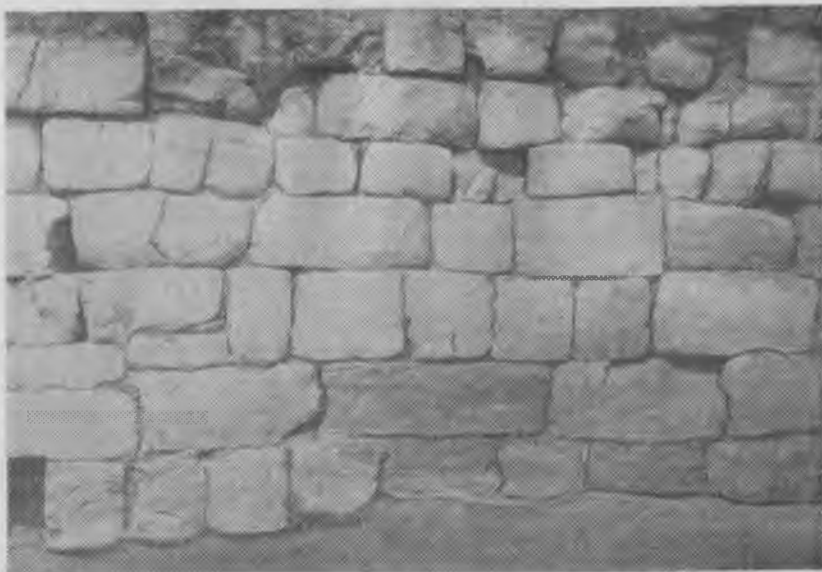

Рис. 2. Раскоп А. Крепостная стена.

Рис. 3. Раскоп А. Остатки башни.

Рис. 4. Раскоп Б. Общий вид остатков крепостной стены, башни с лестницей и калитки над балкой Шуагра.

Рис. 5. Остатки главных ворот городища.

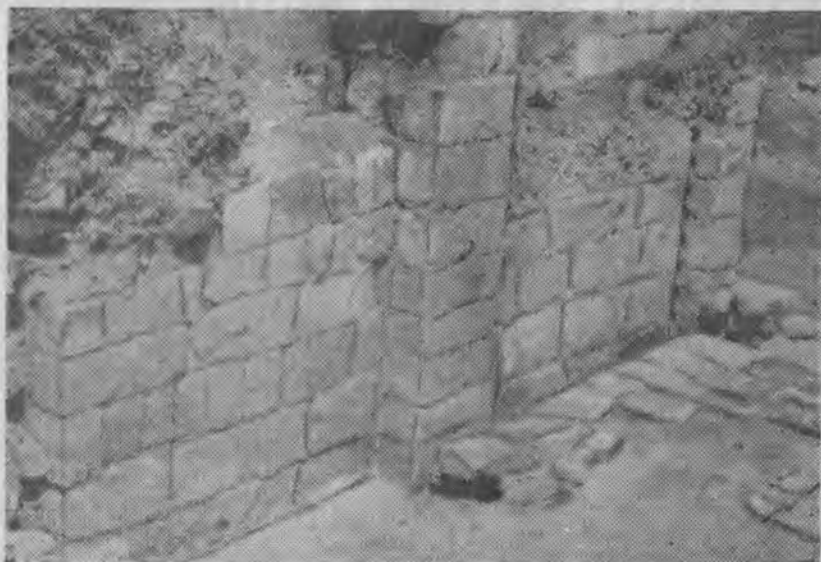

Рис. 6. Северный пролет главных ворот с выступами для дверного полотна (вид с юга).

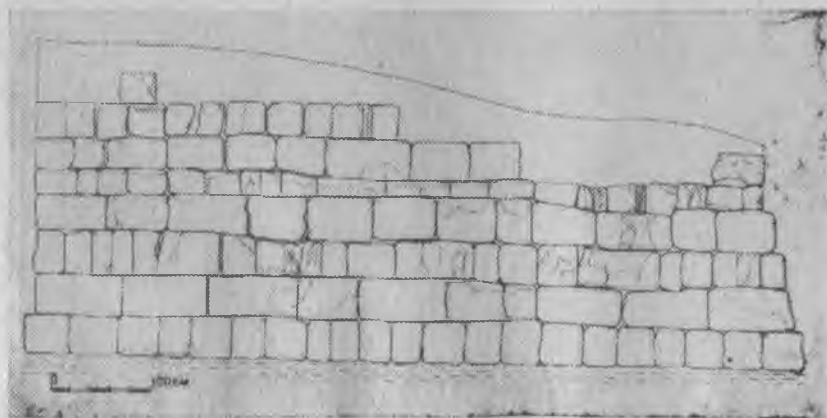

Рис. 7. Фасировка восточной стены выпосной башни у главных ворот.

Рис. 8. Крепостная стена городища у главных ворот по раскопкам 1979 г.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Открытое поселение примыкает к городищу с северной стороны и располагается на склоне балки Инал.

² С. А. Плетнева. От кочевий к городам. М., 1967, с. 75.

³ Х. Х. Биджиев, А. В. Гадло. Раскопки Хумаринского городища в 1974 г. Археология и этнография Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1979, с. 45.

⁴ Е. П. Алексеева. Указ. соч., с. 133.

⁵ Н. И. Репников. Подъемная дорога Эски-Кермена. Материалы Эски-Керменской экспедиции. 1931—1933 гг. М.-Л., 1935, вып. 117, с. 20—41.

⁶ П. А. Рапипорт. Крепостные сооружения Саркела. МИА, № 75. М.-Л., 1959, с. 27, рис. 23.

⁷ С. Х. Халпахчян. Архитектура Армении. Всеобщая история архитектуры. Т. 3. М.-Л., 1966, с. 226.

⁸ Е. В. Веймарн. Оборонительные сооружения Эски-Кермана. Сб. «История и археология средневекового Крыма». М., 1958, с. 45.

⁹ Л. Б. Альберти. Десять книг о зодчестве, т. 1. М., 1935, с. 141: Цезарь Кюри. Краткий исторический очерк долговременной фортификации. СПб, 1889, с. 23.

¹⁰ Л. Б. Альберти. Указ. соч., с. 140.

¹¹ Е. П. Алексеева. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971, с. 127.

¹² В. А. Кузнецов. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V—XIII вв. СА, 1973, № 2, с. 71.

¹³ Т. М. Минаева. К истории алан верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971, с. 89.

¹⁴ Х. Х. Биджиев. Газета «Ленинское знамя» от 12.02.1980.

¹⁵ С. А. Плетнева. От кочевий к городам. М., 1967, с. 35. Г. Е. Афанасьев. Некоторые предварительные итоги изучения Маяцкой крепости. X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). М., 1980, с. 50.

¹⁶ В. Л. Воронина. Раннесредневековый город Средней Азии. СА, 1959, № 1, с. 90.

¹⁷ ВИА, т. 1. М., 1958, с. 25, 29, 282.

¹⁸ М. Усейнов, Л. Бретаницкий, А. Саламзаде. История архитектуры Азербайджана. М., 1963, с. 120—121.

¹⁹ В. Л. Воронина. Указ. соч., там же.

²⁰ О. Х. Халпахчян. Указ. соч., там же.

²¹ О. Х. Халпахчян. Указ. соч., там же.

²² ВИА, т. 1. М., 1958, с. 25, 29, 282.

²³ М. Усейнов, Л. Бретаницкий, А. Саламзаде. История архитектуры Азербайджана. М., 1963, с. 120—121.

²⁴ В. Л. Воронина. Указ. соч., там же.

²⁵ О. Х. Халпахчян. Указ. соч., там же.

²⁶ О. Х. Халпахчян. Указ. соч., там же.

²⁷ Т. М. Минаева. Археологические памятники на реке Гиляч в верховьях Кубани. МИА, № 23. М.-Л., 1951, с. 274—275; В. А. Кузнецов. Алания X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971, с. 132—135; Е. П. Алексеева. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии, с. 126—128.

²⁸ В. А. Кузнецов. Алания X—XIII вв., с. 135.

²⁹ Т. М. Минаева. Правда, башню и стену Узункольского поселения относит к V—VII вв. н. э., но, как пишет автор, Узункольское поселение, как и другие памятники края, многослойное, там имеются слои

более позднего времени. Поэтому датировку поселения вплоть до публикации всех материалов о нем, следует считать открытой.

³⁰ Д. М. Атаев, М. Г. Магомедов. Андреаульское городище. Древности Дагестана. Махачкала, 1974, с. 137—138; А. В. Гадло. Указ. соч., с. 142; М. Г. Магомедов. Верхне-Чирюртовское городище. Уз. ИИЯЛ, т. XIX. Махачкала, 1969, с. 154; В. Г. Котович. О местоположении раннесредневековых городов Варачана, Белсиджера и Таргу. Древности Дагестана, 1974, с. 185, 223; В. Г. Котович. Археологические данные к вопросу о местоположении Смендера. Указ. сборник, с. 239; А. Кудрявцев. Город, не подвластный векам. Махачкала, 1976, с. 125.

³¹ М. Г. Магомедов. Древние и средневековые оборонительные сооружения Дагестана. Авторсф. канд. дис. Махачкала, 1970, с. 7. Он же. Оборонительные сооружения древней Хазарии, с. 39.

³² М. Г. Магомедов. Указ. соч., с. 39.

³³ М. Г. Магомедов. Верхне-Чирюртовское городище, с. 150, рис. 3, 4.

³⁴ А. Кудрявцев. Указ. соч., с. 111.

³⁵ А. Кудрявцев. Указ. соч., там же.

³⁶ А. Кудрявцев. Указ. соч., там же.

³⁷ И. М. Чеченов. Средневековые городища Кабардино-Балкарии. Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР. Тбилиси, с. 205; В. А. Кузнецов. Аланская культура, с. 66; М. Х. Багаев. Раннесредневековая материальная культура Чечено-Ингушетии. Авторсферат кандидатской диссертации. М., 1970, с. 7—8.

³⁸ Об этом подробно см.: Х. Х. Биджиев, А. В. Гадло. Раскопки Хумаринского городища в 1974 году, с. 50—51; Х. Х. Биджиев. Средневековая керамика Хумаринского городища. Вопросы средневековой истории народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1979.

³⁹ А. В. Гадло. Новые материалы к этнической истории Восточного Предкавказья. Древности Дагестана. Махачкала, 1974, с. 148; Д. М. Атаев, М. Г. Магомедов. Андреаульское городище. Указ. сб., с. 134.

⁴⁰ А. В. Гадло. Салтово-маяцкие (протоболгарские) памятники в восточной части Ставрополя. X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. М., 1980, с. 63—64.

⁴¹ С. А. Плетнева. От кочевий к городам. М., 1967, с. 25—43; Г. Е. Афанасьев. Некоторые итоги изучения Маяцкой крепости. X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. М., 1980, с. 51—53.

⁴² С. А. Плетнева. Указ. соч., с. 36; Г. Е. Афанасьев. Указ. соч., с. 53.

⁴³ С. А. Плетнева. Указ. соч., с. 58—59.

⁴⁴ С. А. Плетнева. Указ. соч., с. 44.

⁴⁵ К. Миятев. Архитектурата в средновековна България. София, 1965, с. 32—47.

⁴⁶ С. А. Плетнева. Указ. соч., с. 44.

⁴⁷ Серафим Северняк. Прабългари на брега на Дон. Жур. «Отечество». София, 1980, № 16, с. 23. Письмо Д. Дмитрова автору от 17 июня 1980 г.

⁴⁸ С. А. Плетнева. От кочевий к городам, с. 47.

⁴⁹ Вахтанг Беридзе. Грузинская архитектура с древнейших времен до начала XX века. Тбилиси, 1967, с. 9—20, 37—59, табл. 1, 2, 18, 29, 32.

⁵⁰ Н. М. Токарский. Архитектура Армении IV—XIV вв. Ереван, 1961, с. 24, 39, 46—192.

⁵¹ А. Я. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. МИА, № 63. М.-Л., 1963, с. 70—124

⁵² С. А. Плетнева. Хазары. М., 1976, с. 24.

⁵³ А. Я. Якобсон. Указ. соч., с. 71.

⁵⁴ Витрувий. Десять книг об архитектуре. Перевод Ф. А. Петровского. М., 1936, с. 32—33; Ф. Вегеций. Краткос изложение военного дела. Перевод С. П. Кондратьева ВДИ, 1940, № 1, с. 281—283; Л. Б. Альберти. Десять книг о зодчестве. Перевод В. П. Зубова. М., 1935, с. 85—154; Цезарь Кюи. Краткий исторический очерк долговременной фортификации. СПб, 1889, с. 3—23.

⁵⁵ И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. МИА, № 62, 1958.

⁵⁶ С. А. Плетнева. Керамика Саркела-Белой Вежи. МИА, № 75, 1959, с. 212; *см. жс.* От кочевья к городам. М., 1967, с. 104—108.

⁵⁷ С. А. Плетнева. Указ. соч., с. 115—116.

⁵⁸ С. А. Плетнева. Указ. соч., с. 131—132.

⁵⁹ С. А. Плетнева. Указ. соч., с. 128—130; Е. А. Поршина. Указ., соч., с. 59—61.

Б

⁶⁰ С. С. Сорокин. Железные изделия Саркела-Белой Вежи. МИА, № 75. М., 1959, с. 147.

⁶¹ С. А. Плетнева. Указ. соч., с. 58—65.

⁶² В. А. Кузнецов. Аланы и тюрки в верховьях Кубани. Археолого-этнографический сборник КБНИИ. Нальчик, 1974, с. 92.

⁶³ М. Г. Магомедов. Оборонительные сооружения древней Хазарии. IX Крупновские чтения (тезисы докладов). Элиста, 1979, с. 38—40.

⁶⁴ С. А. Плетнева. Хазары. М., 1977, с. 75.

⁶⁵ М. Г. Магомедов. Указ. соч., с. 39.

Х. Х. БИДЖИЕВ
Н. П. СОВОЛАЙЦЕН

КЕРАМИКА ХУМАРИНСКОГО ГОРОДИЩА VIII — X вв. н. э.

Большое значение для изучения керамического комплекса Северного Кавказа имеют материалы Хумаринского городища — первоклассного памятника с мощными культурными напластованиями, насыщенными разнообразными материалами. Городище расположено на левом берегу р. Кубани в 11 км. к северу от г. Карачаевска Карачаево-Черкесской автономной области.

Хумаринское городище давно привлекло к себе внимание ученых. Во второй половине XIX-начале XX вв. им интересовались известные кавказоведы А. Фиркович,¹ Е. Д. Фелицын,² В. М. Сысоев³, Н. Е. Талицкий⁴, А. Н. Дьячков-Тарасов⁵.

Обследование его проводили В. А. Кузнецов⁶ и Е. П. Алексеева⁷, а планомерные раскопки начались только с 1974 г. объединенной экспедицией Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института и ЛГУ под руководством Х. Х. Биджиева и А. В. Гадло⁸.

Раскопками пяти полевых сезонов (1974—1975, 1977, 1979—1980 гг) установлено, что культурный слой городища делится на три подслоя. Нижний слой, более древний, датируется VII—VI вв. до н. э., средний, образовавшийся до постройки крепостных сооружений городища датируется ориентировочно IV—VII вв. н. э., верхний — VIII—X вв., соответствующий времени наибольшей застройки, интенсивной жизни и гибели крепости.

Наиболее массовым материалом из городища является разнообразная керамика, которая служит основным источником для суждения о ремесле, о внешних связях и этническом составе обитателей городища. Предварительный их анализ проведен в публикациях Х. Х. Биджиева и А. В. Гадло⁹. Однако специального изучения керамики городища не производилось, хотя давно назрела такая необходимость.

Данная статья посвящена анализу керамики третьего, более позднего периода — времени постройки и интенсивной жизни Хумаринской крепости.

Керамика Хумаринского городища VIII—X н. э. делится по функциональному назначению на три группы: кухонную, столовую, тарную.

Кухонная керамика

1. Кухонная керамика в материалах Хумаринского городища представлена особенно богато и наиболее распространенное место занимают горшки, изготовленные на ручном гончарном круге. Они имеют яйцевидную или шарообразную форму, отогнутый венчик и плоское дно. В керамическом тесте в качестве примеси имеется значительное количество крупного кварцевого песка. Специфическим признаком посуды, найденной на городище, является наличие в тесте блесток слюды. Обычно горшки темно-серого или серо-черного цвета, черепок в изломе серый. Их размеры варьируют в пределах: высота от 10 до 42 см, диаметр дна от 7 до 20 см, диаметр горловины 9—21 см, толщина стенок от 0,5 до 1,5 см. Большинство горшков украшены по тулову гребенчатым декором (горизонтальное рифление, волнистые линии, пучки волнистых линий, ряды отпечатков гребня). Встречаются случаи орнаментации сосудов косыми насечками по горлу и по краю венчика. В некоторых случаях они сделаны ногтем путем нажатия. В некоторых экземплярах по венчику идут слегка заметные косые вдавления, напоминающие ложный «витой» жгут.

Интересным видом орнамента является орнаментация по «срезанному» краю венчика: это врезная многолинейная волна и оттиски гребенчатого штампа.

Вообще же орнаментация по краю венчика на кухонных горшках городища встречается очень часто. В основном, это, как уже было сказано, косые насечки, вдавления, оттиски штампа. Подобный вид декора: в виде косых насечек, накола штампа, волны встречаются в Подонье.¹⁰

Встречаются горшки с остросереберным валиком и косыми насечками по венчику.¹¹

Территория распространения гончарных горшков с линейно-волнистым орнаментом охватывает огромное пространство — от Волги до Дуная. На Северном Кавказе они известны в протобулгарских поселениях VIII—X вв Ставропольской возвышенности по работам А. В. Гадло,¹² а также разведкам

археолога краеведческого музея г. Ставрополя И. А. Отыцкого.¹³ Последним, в 1977 году собран выразительный керамический комплекс из поселений в окрестности с. Китаевка на р. Томузловка. В его составе преобладают обломки горшков, описываемого типа. Гончарные горшки известны и в погребальных памятниках Ставрополя. Так, в музее краеведения г. Ставрополя хранится комплекс вещей, в том числе горшок со сплошным горизонтально-линейным орнаментом, сланный в 1965 году учителем истории Л. А. Глобенко¹⁴, и согласно сведениям которой происходящий из разрушенного погребения у с. Труновское Изобильянского района.

По форме и орнаменту горшки из с. Китаевки и с. Труновское, тождественны сосудам из Хумаринского городища. Они отличаются от наших сосудов тем, что песок в составе теста хоть и значителен, но мелкозернистый. Поэтому обжиг придает этим сосудам светло-черный цвет, тогда как на Хумаре они темно-серые или черные. В составе теста у них, в отличие от наших сосудов, отсутствуют также блестящие слюды.

Горшки описанного типа характерны и памятникам VIII—X вв. степных районов Краснодарского края. Особенно близки нашим горшки из поселений, расположенных в окрестности г. Армавира.

В частности обломки горшков богато представлены в инвентаре городища Кизиловая Балка и известны благодаря усилиям П. И. Навротского¹⁵. Благодаря любезности последнего мы имели возможность ознакомиться с материалами из указанного городища. Они по всем основным признакам тождественны нашим сосудам. Отличаются они, как и Ставропольские горшки от наших сосудов по цвету и отсутствием блесков слюды. Важно отметить, что здесь представлены все формы и типы керамики, бытующие в Хумаре в VIII—X веках.

Территориальная близость памятников степного Предкавказья (Ставропольского и Краснодарского краев) к Хумаринскому городищу и тождественность их материала, свидетельствует об этнической близости населения их, о высоком уровне развития производства и единых установившихся традициях.

Горшки указанного типа в значительном количестве встречаются также в соответствующих слоях средневековых городищ Дагестана.¹⁶

Гончарные горшки, аналогичные нашим сосудам, богато представлены в памятниках салтово-маяцкой культуры Подонья, Приазовья¹⁷ и Восточной Таврики¹⁸.

Такого рода горшки со сплошным линейным орнаментом распространены были и широко бытовали в Болгарии в изучаемый период.¹⁹ Гончарные горшки в указанных районах в целом по форме и орнаменту близки сосудам Хумаринского городища, хотя в каждом районе они имеют часто и различия друг от друга. Так, у большинства горшков Хумаринского городища нижняя часть тулова часто не украшена. Такая орнаментация характерна для эливкинских сосудов и отсутствует в Саркеле и Карнауховском поселении.²⁰ Наряду с этим в материалах Подонья встречается орнаментация внутренней стороны венчика²¹ (орнамент — линейный, волнистый, отпечатки зубцов гребенки), чего нет на Хумаринском городище.

То же самое можно сказать о составе теста, имеющего, как справедливо пишет С. А. Плетнева, специфические особенности в каждом районе.²²

Исследования, проведенные И. И. Ляпушкиным и С. А. Плетневой, позволили установить, что гончарные горшки с линейно-волнистым орнаментом — принадлежность южного (стенного) варианта сартово-маяцкой культуры.²³

Материалы из Северного Кавказа, собранные в последние годы, подтверждают правильность мнения авторов. Здесь они также прочно бытуют в степных поселениях и Хумаринском городище тождественных по ведущим элементам с южным вариантом салтово-маяцкой культуры. В других памятниках, синхронных им, Центрального Кавказа, они за редким исключением, не встречаются. Для них характерна хотя близкая, но другая форма кухонной керамики. Нет горшков указанного типа и в инвентаре памятников Карачаево-Черкесии.

II. Наряду с гончарной кухонной посудой при раскопках Хумаринского городища попадаются в небольшом количестве и деревянные горшки. Несмотря на немногочисленность находок деревянных сосудов, все же можно по некоторым почти целым горшкам, найденным в 1974 и 1980 г. составить представление о их форме. Это сосуды с яйцевидным гладким туловом, с прямым широким горлом и плоским дном.

Некоторые экземпляры, судя по горшку из раскопа «А», найденного в 1980 г., имеют баночную форму с сильно расширенным туловом, немного сужающемся к низу и плавно переходящее в широкое горло, венчик не выражен.

Отдельные экземпляры снабжены ручкой, прикрепленной одним концом к верхней, а другим в нижней части тулова.

Горшки изготовлены из некачественного рыхлого теста с примесью песка, обжиг слабый, неравномерный, черепок в изломе серый или темный, поверхность гладкая, заглажена.

Обычно, лепные горшки встречаются в самых верхних слоях памятника. Это свидетельствует о том, что они относятся к самому последнему периоду жизни на городище.

Такого рода лепные горшки хорошо известны в памятниках салтово-маяцкой культуры. По словам С. А. Плетневой «они попадают на всех поселениях болгарских племен VIII—IX вв н. в.»²⁴ Кроме того, лепные горшки описанного типа изредка встречаются в сельских поселениях юго-западной Таврики.²⁵

Лепная посуда описанного типа была характерна различным тюркоязычным племенам, начиная с первых веков до XIII в. н. э. включительно, от Алтая до Дуная.

III. Другим видом кухонной керамики в материалах Хумарниского городища являются сковороды.

Описываемый тип сковородок в технологическом отношении ничем не отличается от кухонных горшков. Их тесто содержит в своем составе в качестве примеси крупнозернистый песок. Цвет сковородок оранжево-серый, пятнистый и аналогичен некоторым горшкам, дно слегка покрыто нагаром.

В Подонье известны сковороды, изготовленные на круге из глины с примесью крупнозернистого песка или дресвы, цвет их серый. Они имеют невысокие, прямые, слегка отогнутые наружу стенки и плоское дно. Высота 3—5 см, диаметр 25—30 см. Стенки с внешней стороны в некоторых случаях покрывались у них линейным орнаментом, а по срезу наносились насечки или оттиски зубцов гребенки, иногда орнаментировались и с внутренней стороны дна.²⁶

Столовая керамика

Обломки столовой посуды в материалах Хумарниского городища составляет значительную часть всей керамики. В основном, она представлена фрагментами сосудов, поэтому их нелегко дифференцировать и дать описание всех форм этой группы. По хорошо сохранившимся верхним частям сосудов можно выделить следующие формы: кувшины (или кувшинообразные сосуды), кружки, корчаги, горшочки, миски и сковороды.

Объединение всех этих форм в одну группу и ее наиме-

пование условны. Как и при анализе первой группы керамики кухонной, так и здесь мы используем метод функционально-технологической классификации. Посуда всех указанных форм использовалась, в основном, для приема пицци. Технологическое объединение состоит в том, что она изготовлена из хорошей, чистой глины с измельченными примесями (песок, известковая крошка), хорошо обожжены, черепок в изломе серый и покрыты лощением — или сплошным, или в виде полос.

I. Особенно часто среди фрагментов столовой керамики встречаются обломки кувшинов так называемого салтовского типа, хорошо известных по памятникам Северного Донца, Подонья, Приазовья, Восточного Крыма и Ставропольской возвышенности.²⁷ Среди материалов городища встретилось несколько крупных обломков таких кувшинов, позволяющих судить о форме их верхней части. Они имеют узкое горло с хорошо выраженным сливом, которое отделяется от тулова, тремя горизонтальными каннелюрами, идущими параллельно друг другу. Внешняя сторона горла и тулова покрыта вертикальными полосами лощения, внутренняя сторона горла заложена.

Ручки описываемых кувшинов имеют в сочетании характерный овальный контур. Они прикреплены к тулову, не посредством штыря, входящего в стену сосуда, как это практиковалось в аланской керамике, а особым образом — примазывая к телу сосуда расплюснутых концов глиняного катышка, из которого целиком формовалась ручка.

II. Кувшины второго вида представляют собой сосуды с раздутым туловом и высоким горлом-сливом. Поверхность тулова и горла покрыта сетчатым, вертикальным и горизонтальным орнаментом из лощенных полос.

III. Кувшины третьего вида представляют собой небольшие чернолощенные сосуды с раздутым туловом и низким горлом (согласно типологии салтово-маяцкой керамики это кружки)²⁸. Они имеют одну довольно длинную ручку, прикрепленную одним концом к нижней части тулова, а другим концом — к верхней части горла. В большинстве случаев они представлены мелкими фрагментами. Правда, в 1974 г. в раскопе «А» был найден чернолощенный кувшинчик указанного типа с прочерченными на поверхности тамгообразным знаком в виде кружка с отходящими вниз в разные стороны двумя черточками-угольниками.²⁹

Кувшины перечисленных видов, хорошо известны в памятниках всего Северного Кавказа³⁰.

Важно отметить, что они имеют глубокие местные корни и основные формы их функционируют с первых веков раннего средневековья до X в., включительно³¹. Ранние формы кувшинов перечисленных типов особенно богато представлены в Джамагатском могильнике, исследованном в 1978 году³².

Кувшины первых двух типов хорошо известны также в памятниках степного Предкавказья (Ставропольский и Краснодарский края) по материалам А. В. Гадло,³³ И. А. Отюцкого и Н. И. Навротского.

Кувшины всех перечисленных видов широко известны также в памятниках Подонья, Приазовья³⁴ и Волжской Болгарии.³⁵

За пределами СССР они известны на территории Болгарской Народной Республики³⁶. Среди посуды, собранной на городище, есть обломки, принадлежащие к другим формам кувшинов, но, к сожалению, восстановить их невозможно.

IV. Другим видом столовой керамики, фрагменты которой часто встречаются на Хумаре, являются корчаги. В нашем распоряжении целых сосудов нет, однако, имеется несколько крупных фрагмента тулова, которые можно причислить к корчагам. Эти фрагменты имеют по небольшой ручке, круглой в сечении, прикрепленные к плечикам сосуда, тесто хорошего качества, обжиг равномерный, черепок звонкий черно-серого или оранжево-коричневого цвета³⁷.

Большая часть, обнаруженных в Хумаринском городище корчаг, снабжены резным линейно-волнистым орнаментом.

Сосуды указанного типа не свойственны синхронным Хумаринскому городищу, памятникам Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. Но корчаги были широко распространены в салтово-маяцких памятниках Подонья и Приазовья.³⁸

Другим видом столовой керамики, фрагменты которой редко встречаются в составе инвентаря городища, являются сковороды. Они изготовлены из плотного тонкоотмученного глиняного теста, характерного для столовой посуды и имеют темно-серый цвет. Аналогичная по форме и тесту сковорода известна по материалам Ставропольских селищ,³⁹ обломки ее покрыты горизонтально-линейным орнаментом. По-

добного же типа сосуды, иногда украшенные линейным орнаментом, известны среди материалов Саркела.⁴⁰

Другие виды столовой керамики — горшки, кружки и миски представлены единичными фрагментами. Орнаментального декора они не имеют, отсутствует также и залощенность. В технологическом отношении они ничем не отличаются от кувшинов и корчаг и выделены нами лишь функционально.

Вся столовая керамика, несмотря на индивидуальное различие, является в целом проявлением одного ремесленно-художественного направления. Она связана едиными приемами приготовления глиняного теста, способами форм, общими приемами орнаментации. Ее объединяет одинаковая техника, нанесение полос лощения и равномерный довольно качественный обжиг.

Тарная керамика

1. Наиболее полно в этой группе представлены амфоры. Красно-глиняные амфоры VIII—X вв. — массовый материал в городище. Они в процентном отношении занимают второе место после кухонных горшков. К сожалению, в основном это фрагменты, но часть амфор удалось почти полностью реконструировать, а от множества других сохранились верхние части с венчиком и ручками, сохранились также и днища, поэтому можно довольно полно и четко воспроизвести форму данных сосудов. Все они имеют красный обжиг и изготовлены из чистой плотной глины. У некоторых экземпляров поверхность покрыта ангобом.

В составе амфор Хумаринского городища по форме тулова, ручек, венчика, по характеру орнамента и цветовой окраске черепка, можно выделить пять видов сосудов, хорошо известных в литературе и твердо датированных VIII—X вв. н. э.

К первому виду относятся большие бороздчатые амфоры (высотой 60—70 см) с высоким горлом и плавно суживающимися к низу туловом. Они круглодонные, имеют две длинные ручки, прикрепленные одним концом к венчику, а другим — к верхней части плечика. Ручки в большинстве случаев посередине имеют продольное ребро или выступ гребень. По имеющим материалам можно говорить о двух типах оформления венчика амфор.

У первого типа, обычно, венчик имеет плоский верхний край, выступающий в виде тонкого валика. У второго типа венчики валикообразной формы. Причем амфоры с венчи-

ком первого типа преимущественно встречаются в нижних горизонтах, а второго типа — в верхних пластах культурного слоя VIII—X вв. Очевидно, амфоры с венчиком первого типа более ранние, чем вторые. Характерно для этих сосудов сильно выраженная борозчатость. Они изготовлены из чистой глины, тесто плотное, с примесью мелкодробленного шамота, обжиг качественный, равномерный, черепок краснокирпичного цвета.

Ко второму виду амфор (высота 50—60 см.) мы относим сосуды с зонами рифления. Это круглодонные яйцевидной формы сосуды с крутыми плечиками, высоким горлом, пухлым венчиком (встречаются амфоры и с коротким горлом) и двумя ручками, плавно опускающимися на плечи.

Ручки, прикрепленные к венчику и плечикам сосуда так же, как и вышеописанных амфорах, и имеют выступ — гребень посередине. Указанные амфоры имеют гладкое округло-раздутое тулово, украшенное в верхней части зонами мелко-частого рифления. Они изготовлены из плотного и хорошо отмученного теста с примесью мелкодробного шамота, обжиг качественный красный, равномерный.

Указанные амфоры после первого вида, наиболее многочисленны в материалах Хумары.

Следующий вид амфор по форме аналогичен, судя по имеющимся фрагментам, только что описанным. Характерной особенностью их тулова также является орнамент — мелкие зоны рифления. Только поверхность последних, в отличие от предыдущих, покрыта белым ангобом. Они изготовлены из очень плотного хорошо отмученного теста, глина светлого тона и покрыта белым ангобом, содержит примесь шамота.

К четвертому виду относятся яркокрасные амфоры с характерной примесью в тесте мелкого песка и желтовато-золотистой слюды. Сосуды этого типа также представлены фрагментами, целых амфор нет. Поэтому трудно точно установить их форму. В 1975 году нами обнаружен фрагмент такой амфоры, на котором прочерчен тамгообразный знак в виде трезубца, подобный знакам, встреченным на камнях в кладке стен Хумаринского городища.⁴⁷ Однако, судя по более крупным обломкам, эти амфоры по форме тулова, венчика и ручек были близки другим видам сосудов описанным выше. Тесто амфор напоминает Фаногорийскую античную глину.

Наконец, к пятому виду относятся сосуды, близкие к первому, но отличающиеся от всех других видов небольшим размером (высота 38—42 см.) Эти амфоры представляют

собой круглодонные яйцевидные сосуды с крутыми плечиками, коротким туловом и горлом, венчиком в виде валика, двумя ручками, примыкающими к горлу непосредственно под венчиком. Они имеют выступ-ребро, образующий на наружной части ребро, только с выступом посередине. Поверхность тулова указанных амфор украшена горизонтальными линиями — бороздами.

Следует отметить, что многие фрагменты амфор, найденные на городище, имеют на тулове два и более отверстия, а стенки с внутренней стороны покрыты тонким слоем черного вещества.

Амфоры перечисленных видов не характерны для инвентаря средневековых памятников Карачаево-Черкесии. Как, выше отмечали, благодаря усилиям советских археологов в Карачаево-Черкесии, открыто и исследовано большое количество поселений. Но ни в одном из них нет амфор, за исключением Нижне-Архызского городища⁴² и городища «Указатель».⁴³ Но амфоры Нижнеархызского городища относятся к более позднему времени (X—XIII вв.), а материалы из второго памятника пока не опубликованы. Амфоры не встречаются также и в инвентаре памятников Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечено-Ингушетии и Дагестана.

На Северном Кавказе амфоры изучаемого типа известны в болгарских поселениях VIII—X вв и на Ставропольской возвышенности, которые стали известны в науке благодаря разведкам А. В. Гадло.⁴⁴ В большом количестве фрагменты амфор попадают в поселениях VIII—X вв. Краснодарского края. В частности, они известны в инвентаре поселения, расположенного в окрестности г. Армавира по материалам С. А. Навротского. Амфоры из этого поселения по форме, составу теста, по цвету и другим признакам имеют самые близкие аналогии посуде, найденной в Хумаринском городище.

Вне Северного Кавказа совершенно тождественно нашим сосудам амфоры найдены в памятниках Таврики, Приазовья и на Нижнем Дону.

Так амфоры, аналогичные первому типу наших амфор найдены в восточной части Крыма в Чабан-Куле, в Канакской балке, в Херсонесе⁴⁵, в Приазовье⁴⁶, в хазарском слое Саркела на Дону⁴⁷, в Салтове и на некоторых славянских поселениях.⁴⁸

Причем в Таврике (в Чабан-Куле, Канакской балке и в Херсонесе) обнаружены гончарные мастерские, где производили этот вид амфор⁴⁹. По мнению А. Л. Якобсона и С. А.

Плетневой амфоры, производимые в гончарных центрах Восточного Крыма развозились по Причерноморью и по всему Подонью⁵⁰.

Совершенная тождественность наших амфор с посудой Восточного Крыма и наличие там крупных мастерских по производству тары, дает основание полагать, что первый вид Хумаринских амфор привозился также оттуда.

Амфоры второго, третьего и четвертого типа Хумаринского городища имеют очень близкие аналогии в памятниках вышеназванных районов. Так амфоры с зонами рифления найдены в Керчи⁵¹, на Керченском⁵² и на Таманском⁵³ полуостровах, Саркеле⁵⁴ и в Карнаухском поселении на Дону,⁵⁵ на Северном Донце,⁵⁶ на Маныче.

По мнению А. Л. Якобсона амфоры с зонами рифления производилось в восточной Таврике.⁵⁷ Амфоры, поверхность которых покрыта белым агнобом и плечики украшены линейным орнаментом прочно бытовали и на Таманском полуострове⁵⁸. Причем они, как и некоторые типы амфор нашего памятника, в тесте содержали примесь шамота.

То же самое следует сказать о небольших бороздчатых амфорах, выделенных нами в пятую группу. Аналогичные амфоры в VIII—IX вв. были широко распространены в Северном Причерноморье⁵⁹ и Приазовье.⁶⁰

Итак, вышеприведенные аналогии свидетельствуют о том, что в целом амфоры для центральных районов Северного Кавказа и Дагестана не типичны. Амфоры Хумаринского городища тождественны аналогичной посуде Северного Причерноморья и Приазовья, а также Подонья. Причем амфоры аналогичные первому, второму и пятому типу Хумаринских амфор, изготовлялись в гончарных центрах Таврики.⁶¹ Надо полагать, что они завозились на городище из этих районов. Очевидно, Хумара, как крупный военно-политический центр Хазарии на Северном Кавказе была тесно связана с юго-западными районами каганата. Прежде всего из них в городище поступали вино, оливковое масло, различные пряности.

Амфоры с их содержимым были доступны не всем слоям населения. Об этом красноречиво говорят материалы Хумаринского городища: массовость фрагментов амфор внутри больших оборонительных стен — в собственно крепости, и полное отсутствие их на территории поселений, примыкающих к крепости с северной стороны и являющихся составной частью Хумаринского городища. Очевидно, это свидетельствует в пользу глубокой социальной дифференциации общества.

В этой связи заслуживает внимание вывод С. А. Плетневой, сделанный на основе изучения амфор Подонья и Приазовья. Она в результате многолетних исследований салтово-маяцких памятников пришла к заключению, что обломки амфор попадают почти на каждом городище-замке, однако, на большинстве прилегающих к городищам поселений их нет или почти нет. Это подчеркивает разницу между населением замков, имевшим возможность покупать дорогие продукты, и населением поселков, в руки которого они не попадали.

Большой интерес представляет датировка амфор для определения хронологических рамок хазарского слоя нашего городища.

И. И. Дялушкин⁶³, А. Л. Якобсон⁶⁴ и С. А. Плетнева амфоры Подонья, Приазовья и Таврики, тождественные нашим, относят к VIII—X вв. н. э. Такая датировка предложена на основе твердых факторов (монеты, петрографический анализ, состав комплекса), массового материала и не вызывает сомнения. Суммарно к этому времени относятся и амфоры Хумаринского городища. Такой датировке не противоречат и другие материалы, найденные в слое, где бытуют амфоры. Так, они найдены вместе с кухонными горшками и столовой посудой, датирующихся VIII—X вв. н. э. Следует отметить, что 1 и 5 тип наших амфор встречается во всех пластах слоя VIII—X вв, следовательно, они бытовали весь указанный период. Амфоры с зонами рифления чаще встречаются в верхних горизонтах слоя, поэтому их предпочтительно отнести к IX—X вв. н. э.

II. Кроме амфор, в составе керамики городища VIII—X вв. встречаются фрагменты красноглиняных кувшинов. Правда они представлены слабо и по сравнению с другими типами керамики, незначительны. Несколько фрагментов стенок и венчика от кувшина обнаружены в 1977 г. в раскопе «I» в цитадели. Верхняя часть, венчик и ручка от другого кувшина найдены в 1980 г. в раскопе «А». Судя по этим фрагментам, кувшины изготовлены из рыхлого теста, в котором значительная примесь песка, черепок в изломе слоистый темнокрасного цвета при толщине около 1 см. По имеющимся фрагментам, кувшины имели венчик в виде плоского валика. Такие кувшины не характерны для Северного Кавказа. В инвентаре памятников Кавказа, синхронных Хумаринскому городищу, они вообще не встречаются.

Однако они хорошо известны по работам С. А. Плетневой⁶⁶ и А. Л. Якобсона, посвященных памятникам Приазовья.

Подонья и Северного Причерноморья. По мнению С. А. Плетневой и А. Л. Якобсона, специально занимавшихся изучением средневековой керамики Восточной Европы, центры их производства находились в Таматархе, Саркеле и Херсонесе. Поэтому надо полагать, эти кувшины на Хумару привозились или с Северного Причерноморья или из Приазовья.

III. В материалах Хумаринского городища встречаются фрагменты больших сероглиняных толстостенных пифосов. Правда их немного и фрагментарность находок не позволяет составить полное представление о их форме. Можно только отметить, что это были большие сосуды с яйцевидным туловом, широким горлом, треугольным в сечении венчиком, изготовленные из плотного теста. Судя по имеющимся фрагментам, бытовали желобчатые и гладкостенные пифосы. Если учесть «устойчивость форм пифосов, державшихся очень долго и изменявшихся очень медленно»⁶⁹, то можно допустить, что хумаринские пифосы были аналогичны сосудам, широко распространенным в средние века в различных районах Юго-Восточной Европы. В частности, пифосы часто встречаются в памятниках Северного Кавказа.⁷⁰

По справедливому заключению В. А. Кузнецова, в бытовой керамике городищ Северного Кавказа VIII—XII вв. они составляют массовый материал.⁷¹ В Карачаево-Черкесии пифосы, помимо Хумары, найдены нами в Римгорском и Инджургатинском городищах.

Кроме того, обломки сосудов тождественных описываемым найдены нами в 1977 и 1979 гг. на поселении у аула Новый Карачай, расположенное недалеко от Хумаринского городища. В 1973 г. разбитый большой пифос был найден нами в Кубинском городище. Фрагменты сероглиняных и красоглиняных пифосов с горизонтальными⁷², треугольными в сечении валиками найдены В. Б. Ковалевской в городище «Указатель».

Наши наблюдения позволяют полагать, что в VIII—X вв. в Карачаево-Черкесии изготавливали сероглиняные пифосы с яйцевидным туловом с резко отогнутым плоским венчиком, в некоторых экземплярах их тулова были снабжены желобками и валиками.

Пифосы широко бытовали в изучаемый период и в памятниках Подонья и Приазовья,⁷³ сближающихся с Хумарой по культуре и этническому составу населения.

В Таврике в изучаемый период были распространены большие пифосы нескольких типов: шаровидный или яйце-

видной формы с желобками, гладкостенные, а также с обручами — валиками.⁷⁴

Несмотря на то, что пифосы являлись сосудами местного производства, в материалах Хумары, как мы говорили, они встречаются редко и немногочисленны. Очевидно, основным типом большой тары являлись пифосообразные сосуды, достаточно богато представленные в составе керамики Хумаринского городища, к рассмотрению которых мы и переходим.

Пифосообразные сосуды по форме и по тесту напоминают кухонные горшки, но отличаются от них большими размерами. Они представляют собой большие сосуды яйцевидной формы с постепенно суживающимся ко дну туловом массивным отогнутым венчиком (диаметр венчика 50—60 см.)

Характерной особенностью и отличием является то, что их шейка выражена очень слабо или почти отсутствует, поэтому венчик непосредственно переходит в тулово. Изготовлены сосуды из очень рыхлого и грубого теста, в которое в качестве примеси в большом количестве добавлен крупнозернистый песок, цвет серый, толщина стенок 1,5—3 см. Поверхность сосудов обычно орнаментирована: корпус целиком покрыт горизонтальными, реже вертикальными линиями рифления, а по венчику наносилась ложновитая композиция с глубокими косыми вмятинами. В составе керамики этого типа иногда встречаются обломки сосудов, имеющих, наряду с линейным орнаментом, линейно-волнистый пояс в верхней части тулова. Описываемые сосуды более характерны для нижних пластов, хотя они изредка встречаются и в верхних пластах культурного слоя памятника.

Пифосообразные сосуды не имеют аналогий в керамическом комплексе памятников Центрального Кавказа, в том числе Карачаево-Черкесии. Они известны в поселениях VIII—X вв, расположенных в окрестностях г. Армавира и в протобулгарских селищах Ставропольской возвышенности⁷⁵. Пифосообразные сосуды описанного нами типа были широко распространены в поселениях VIII—X вв. Подонья. Так, по мнению И. И. Ляпушкина они найдены почти на всех поселениях⁷⁶ в бассейне р. Дона. Пифосообразные сосуды изредка встречаются в хазарском слое Саркела.⁷⁷ На основе тщательного и глубокого анализа керамического комплекса памятников Подонья, С. А. Плетнева пришла к заключению, что эти сосуды наиболее характерны для поселения VIII—IX вв. Северного Дона; «к началу X в. они, по ви-

димому, исчезают — этим объясняется тот факт, что в Саркеле их очень мало».⁷⁸

Наши материалы из раскопок Хумаринского городища, кажется, подтверждает вывод С. А. Плетневой. Как выше уже отмечалось, пифосообразные сосуды встречаются в нижних слоях, датирующихся VIII—IX вв, а в верхних слоях их мало.

Итак, обзор керамики Хумары VIII—X вв. свидетельствует о том, что она в целом представляет комплекс, типичный для многочисленных салтово-маяцких памятников Нижнего Подонья, Восточного Крыма, степного Предкавказья, Тамани. Амфоры и красноглиняные кувшины завезены в Хумару из ремесленных центров Крыма и Приазовья. Обилие фрагментов этих сосудов, в целом не типичных для Центрального Кавказа и Дагестана, объясняется тем, что Хумаринское городище было расположено на международной торговой трассе и было тесно связано с юго-западными районами Хазарии.

Вся остальная керамика является продуктом производства хазаро-болгарского населения, обитавшего в VIII—X вв. в предкавказских степях. Очевидно именно этому населению и принадлежала Хумаринская крепость, бывшая крупным военно-политическим центром каганата.

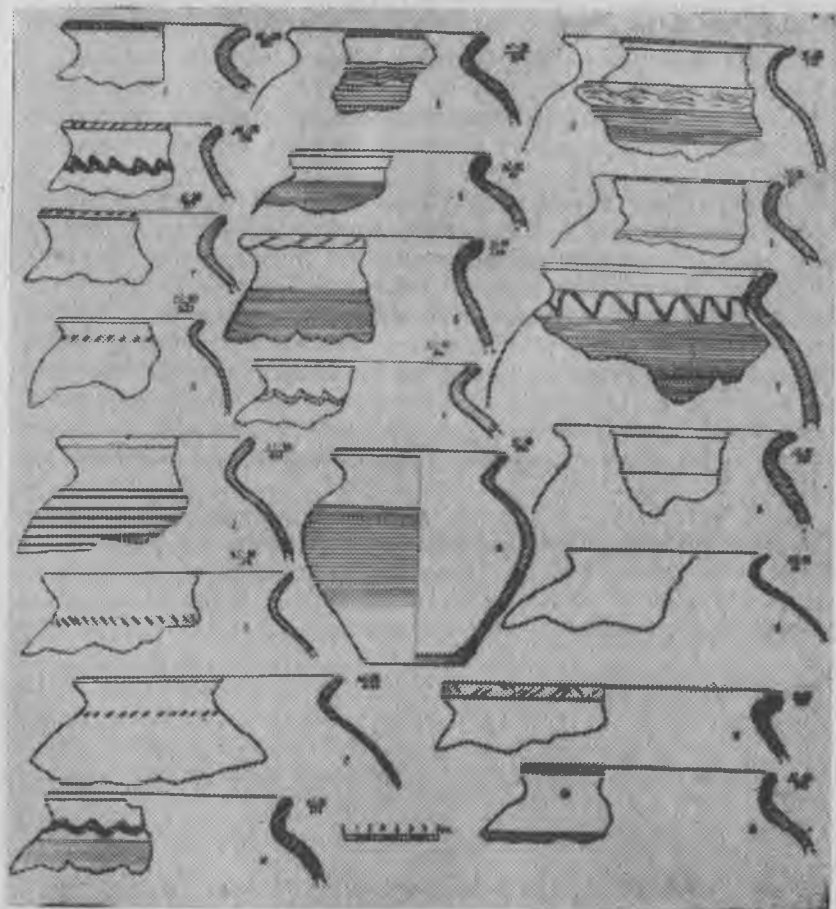

Рис. 1. Кухонная керамика Хумаринского городища по раскопкам 1980 г.: 10, 15, 16, 17, 18, 20 — VIII—VI вв. до н. э., остальные относятся к VIII—X вв. н. э.

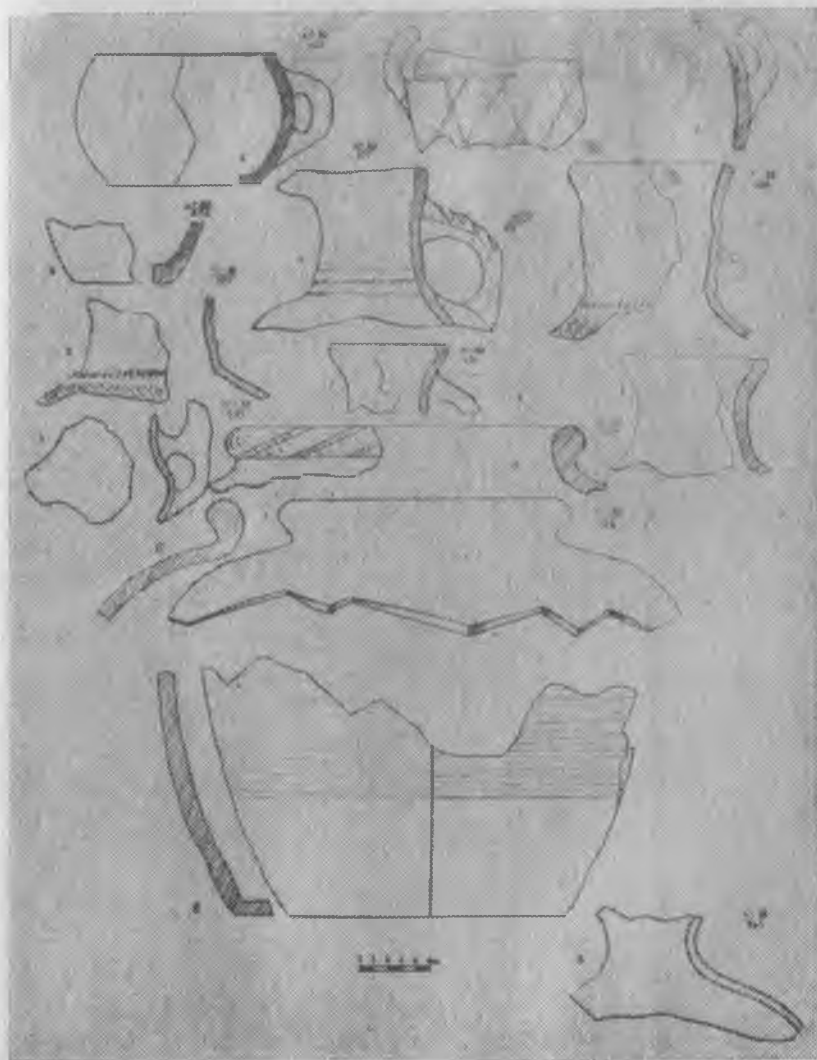

Рис. 2. Некоторые типы керамики из раскопа А по раскопкам 1980 г.: 1 — лепной горшок, 2 — корчага, 3—9 — кувшины, 10 — пифосообразный сосуд, 11—12 — пифосы, 13 — кувшин.

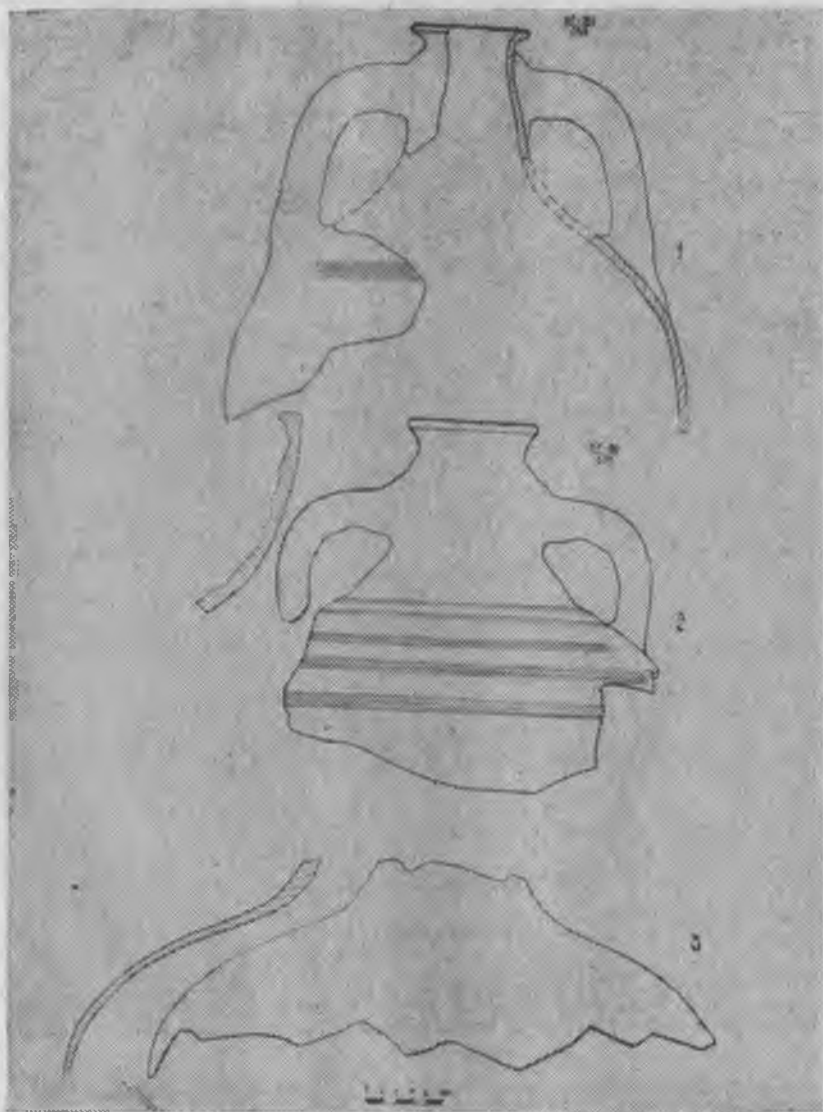

Рис. 3. Амфоры и пифос из раскопа А.

ПРИМЕЧАНИЕ

- ¹ А. Фиркович. Археологические разведки на Кавказе. Записки Императорского археологического общества. СПб, 1857, т. IX, с. 385—388.
- ² Е. Д. Фелицын. Некоторые сведения о средневековых генуезских поселениях в Крыму и Кубанской области. «Кубанский сборник», т. V. Екатеринодар, 1889, с. 1—24.
- ³ В. М. Сысоев. Поездка на реки Зеленчук, Кубань и Теберду летом 1895 г. МАК, 1904, вып. IX, с. 143—146.
- ⁴ Н. Е. Галицкий. Очерки Карачая. СМОМПК, 1909, вып. 40, с. 6—8.
- ⁵ А. П. Дьячков-Тарасов. Неизвестный торговый путь из Хорезма в Византию через Кавказ. «Новый Восток». М., 1930, т. 28, с. 148—156.
- ⁶ В. А. Кузнецов. Надписи Хумаринского городища. СА, 1963, № 1, с. 303.
- ⁷ Е. П. Алексеева. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971, с. 132—135.
- ⁸ Х. Х. Биджиев, А. В. Гадло. Раскопки Хумаринского городища в 1974 г. Археология и этнография Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1979, с. 27—51.
- ⁹ Х. Х. Биджиев, А. В. Гадло. Раскопки Хумаринского городища в 1975 г. Вопросы средневековой истории Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1979, с. 14—33.
- ¹⁰ И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона, с. 108; С. А. Плетнева. От кочевий к городам, с. 166.
- ¹¹ В. А. Кузнецов. Считает подобные сосуды характерными для аланской керамики VIII—IX вв. Пятигорья, Кабардино-Балкарии и Северной Осетии, см.: В. А. Кузнецов. Глиняные котлы Северного Кавказа. КСИА, 99, 1967, с. 36; он же. Змеиный катакомбный могильник, МАДИСО, т. 1, 1961, с. 63.
- ¹² А. В. Гадло. Археолого-этнографические исследования 1972 г. в западных районах Ставропольского края. МИСК, вып. 14. Ставрополь, 1976, с. 157.
- ¹³ Пользуюсь случаем выразить благодарность И. А. Отюцкому за ознакомление с керамикой из с. Китаевка.
- ¹⁴ Ставропольский краеведческий музей, инв. № 249.
- ¹⁵ Пользуюсь случаем выразить благодарность Н. И. Навротскому за любезное ознакомление с материалами из его раскопок, хранящихся во Дворце пионеров г. Армавира.
- ¹⁶ А. В. Гадло. Городище Казар-Кала. КСИА, 144, М., 1975, с. 65—66.
- ¹⁷ С. А. Плетнева. От кочевий к городам, с. 106—108; И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне Дона. ТВДАЭ, т. 1. МИА, 62, с. 106.
- ¹⁸ А. Л. Якобсон. Средневековая керамика и керамическое производство средневековой Таврики! Л., 1979, с. 60—61, 80—81.
- ¹⁹ Ж. Вь. Жарова. Славяно-българскомо селище край с Пониню Силистренско. София, 1956, с. 20, рис. 11; Ст. Станчев. Некропъм до Нови Назар. София, 1958, с. 56—63, рис. 5, 6, 8, 1—4, табл. XIV, 1; И. Чангова. Средневековна битова керамика от България (VIII—XI вв.) — Археология (София), 1959, кн. 1—2, с. 135, рис. 123, 1.
- ²⁰ С. А. Плетнева. От кочевий к городам, с. 108.
- ²¹ И. И. Ляпушкин. Указ. соч., с. 103.
- ²² С. А. Плетнева. От кочевий к городам, с. 106.

- ²³ И. И. Ляпушкин. Указ. соч., с. 106; С. А. Плетнева, Указ. соч., с. 112.
- ²⁴ С. А. Плетнева. От кочевий к городам, с. 104.
- ²⁵ А. Л. Якобсон. Средневековая керамика и керамическое производство средневековой Таврики, с. 64; С. А. Плетнева. Указ. соч., с. 106.
- ²⁶ И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона, с. 110, рис. 6—1.
- ²⁷ С. А. Плетнева. Указ. соч., с. 117, рис. 28; А. В. Гадло. Указ. соч., там же.
- ²⁸ С. А. Плетнева. Указ. соч., с. 116, рис. 29, 1, 2, 57.
- ²⁹ Х. Х. Биджиев, А. В. Гадло. Раскопки Хумаринского городища в 1974 г. Археология и этнография Карачаево-Черкесии, Черкесск, 1979, с. 42, рис. 14.
- ³⁰ В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа, МИА, 1962, № 106. М., рис. 24, 27.
- ³¹ В. А. Кузнецов. Указ. соч., рис. 15—А, Б.
- ³² Х. Х. Биджиев. Отчет археологической экспедиции КЧНИИ за 1978 г., с. 22. Архив КЧНИИ, Рукописный фонд.
- ³³ А. В. Гадло. Салтово-маяцкие (протоболгарские) селища северо-восточного Ставрополя. X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). М., 1980, с. 30.
- ³⁴ С. А. Плетнева. От кочевий к городам, с. 117, рис. 28.
- ³⁵ В. Ф. Генинг, О. Х. Халиков. Ранние болгары на Волге. М., 1964, с. 47, рис. 5.
- ³⁶ С. А. Плетнева. От кочевий к городам, с. 118.
- ³⁷ Х. Х. Биджиев. Средневековая керамика Хумаринского городища, с. 159.
- ³⁸ С. А. Плетнева. От кочевий к городам, с. 118—121.
- ³⁹ Х. Х. Биджиев. Средневековая керамика Хумаринского городища, с. 157.
- ⁴⁰ С. А. Плетнева. Указ. соч., с. 122, рис. 30, 4.
- ⁴¹ Х. Х. Биджиев, А. В. Гадло. Раскопки Хумаринского городища в 1975 г. Вопросы средневековой истории Карачаево-Черкесии, 1979, с. 33, рис. 8.
- ⁴² В. А. Кузнецов. Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1970.
- ⁴³ В. А. Ковалевская. О работах средневекового отряда Ставропольской экспедиции. АО, 1977, с. 102.
- ⁴⁴ А. В. Гадло. Памятники салтово-маяцкой культуры, с. 105.
- ⁴⁵ А. Л. Якобсон. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979, с. 12—1, 2, 4, 5.
- ⁴⁶ С. А. Плетнева. Номедские поселения през VII—IX вв. в Приазовии в бассейнах на р. Дон. Археология. София, 1964, кн. 4, с. 3, рис. 2.
- ⁴⁷ С. А. Плетнева. Керамика Саркела-Белой Всы. ТВДАЭ, т. II, 1959. МИА, № 75, с. 240, рис. 28—3, 7, 50, 13—15.
- ⁴⁸ Т. И. Артамонов. Средневековые поселения на Дону. Л., 1935, с. 71, рис. 35; И. И. Ляпушкин. Славянские поселения на территории хутора Ближняя Мельница. ТВДАЭ. МИА, № 62, 1958, т. 1, с. 345, рис. 13, 14.
- ⁴⁹ А. Л. Якобсон. Указ. соч., с. 30.
- ⁵⁰ А. Л. Якобсон. Указ. соч., с. 30—31; С. А. Плетнева. От кочевий к городам, с. 129.
- ⁵¹ А. Л. Якобсон. Указ. соч., с. 32.

- ⁵² Д. Б. Шелов. Раскопки средневекового поселения в Восточном Крыму. КСИИМК, вып. 68, 1957, рис. 39, 1.
- ⁵³ Н. В. Аппимов. Средневековые амфоры с нефтью с Таманского полуострова. КСИИМК, вып. 49, 1953, с. 151.
- ⁵⁴ С. А. Плетнева. Керамика Саркале-Белой Вежи, с. 243, рис. 29, 5.
- ⁵⁵ И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. ТВДАЭ, т. 1. МИА, № 62, 1958, с. 114, рис. 8.
- ⁵⁶ И. И. Ляпушкин. Указ. соч., там же.
- ⁵⁷ С. А. Плетнева. От кочевий к городам, с. 129.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ А. Л. Якобсон. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма. Боспорские города, т. II. МИА, № 85, 1958, с. 473, рис. 2, 1; А. В. Гадло. Средневековое селище на берегу Керчинского пролива. КСИА, вып. 113, 1968.
- ⁶⁰ С. А. Плетнева. От кочевий к городам, с. 129, рис. 33, 1.
- ⁶¹ А. Л. Якобсон. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики, с. 32. В пользу крымского происхождения основной части наших амфор говорят также составы их теста. В результате сопоставления данных петрографического анализа амфор городища с данными по другим памятникам, удалось установить, что IV группа наших амфор соответствует I группе крымских амфор (Г. М. Ковцурко. Петрографический анализ средневековых амфор из Крыма и Приазовья. КСИА, вып. 113, 1968, с. 119—121). К сожалению, анализ, произведенный Г. М. Ковцурко, не охватил достаточное количество амфор Крыма и Приазовья, поэтому амфоры остальных групп нашего городища не находят в них аналогий.
- ⁶² С. А. Плетнева. От кочевий к городам, с. 131.
- ⁶³ И. И. Ляпушкин. Указ. соч., с. 116.
- ⁶⁴ Л. А. Якобсон. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики, с. 32—33.
- ⁶⁵ С. А. Плетнева. Указ. соч., с. 130—132.
- ⁶⁶ С. А. Плетнева. Указ. соч., с. 131—133.
- ⁶⁷ С. А. Плетнева. Указ. соч., там же.
- ⁶⁸ А. Л. Якобсон. Указ. соч., с. 33.
- ⁶⁹ А. Л. Якобсон. Средневековая керамика и керамическое производство средневековой Таврики, с. 33.
- ⁷⁰ В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа, с. 113.
- ⁷¹ В. А. Кузнецов. Алалия в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971, с. 126.
- ⁷² В. Б. Ковалевская. Указ. соч., с. 102.
- ⁷³ С. А. Плетнева. Указ. соч., с. 121.
- ⁷⁴ А. Л. Якобсон. Указ. соч., с. 34—36.
- ⁷⁵ А. В. Гадло. Салтово-маяцкие (протоболгарские) памятники в восточной части Ставрополя. X Крушиновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы). М., 1980, с. 112.
- ⁷⁶ И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне Дона. ТВДАЭ, т. 1, с. 112.
- ⁷⁷ С. А. Плетнева. Керамика Саркела-Белой Вежи. ТВДАЭ, т. II, с. 222.
- ⁷⁸ С. А. Плетнева. Указ. соч., там же.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ АБАЗИН

Известно, что общность в традиционной одежде народов Северо-Западного Кавказа складывалась в течение длительного исторического периода. Идеально приспособленная к условиям жизни горца, одежда вместе с тем не останавливалась в своём развитии. Качественный скачок в этом отношении произошёл в конце XIX — начале XX веков, когда Северный Кавказ, присоединённый к России, начал активно втягиваться в товарно-денежные отношения. Значительно расширилось количество ярмарок, которые капиталистическая промышленность царской России использовала для расширения рынков сбыта своей продукции, в частности, тканей различного сорта, от самых дешёвых бумажных до дорогих шелков, бархата, парчи, а также сукна фабричной выделки.

Известную роль в развитии одежды на Северо-Западном Кавказе играли кабардинцы. Н. Данилевский отмечал, что они служили «представителями просвещения и образованности между племенами горцев, а потому всякий раз, как кабардинцы меняют покррой своего платья, что случается довольно часто, то такая перемена тотчас входит в употребление у всех других горцев.»¹

Изучение традиционной абазинской одежды имеет неменьшие трудности, чем изучение других элементов материальной культуры абазин. Традиционная одежда в комплексе не сохранилась. Можно встретить лишь одежду старинного покроя, но довольно упрощённо сшитую в наши дни из современных материалов. К сожалению, нет ни описаний, ни иллюстраций абазинской одежды в дореволюционной литературе. Имеются

лишь отрывочные сведения, по которым невозможно воссоздать одежду целиком.

Не было и нет в настоящее время исследований по данной теме и в советской этнографии. Все это затрудняет выявление специфических черт одежды абазин (а они, конечно, были), в историческом плане. В XIX веке Н. Н. Дубровин писал, что «в домашней жизни и вооружении абазины не только мало отличаются, но совершенно сходны с черкесами, и только две особенности весьма приметные для жителя юр отличают черкеса от абазина: кафтан и башлык. Кафтан с нашитыми на груди патронами абазины носят гораздо короче черкес и обвивают башлык около шапки в виде чалмы, когда концы его распущены по плечам в защиту от дождя. Черкесы подобным образом башлык никогда не носят. Черкесы всегда носят башлык белого цвета, абазины и абхазцы предпочитают башлык темных тонов: жители собственно Абхазии носят башлыки подобно черкесам с распущенными концами».² Ту же особенность отмечали Ф. Торнау, Н. Данилевский³. Но уже в конце XIX в. эти различия исчезли и на вопрос к абазинам старшего поколения: «Можно ли было отличить по одежде абазина от черкеса?» — следовал один и тот же ответ, что различия не было. Надо также учесть то обстоятельство, что между абазинами и черкесами были широко распространены межнациональные браки. После переселения во второй половине XIX в. на плоскость контакты этих народов значительно расширились. Естественно, что жена шила мужу и всей семье одежду так, как её учили, не видя в ней большой разницы. Это обстоятельство особенно затрудняет выявление мастериц — абазинок в шитье и вышивке платья, а также абазинского сюжета вышивок, орнамента.

Полевые материалы Северо-Кавказской экспедиции кафедры этнографии МГУ им. М. В. Ломоносова, которые стали основой для написания статьи, к сожалению, уже не дают достаточно полной картины специфики развития абазинской одежды. Это естественно, так как возраст информаторов позволяет воспроизвести лишь конец XIX — начало XX вв., когда различия в одежде между абазинами и черкесами практически сгладились. Упущено время и многое безвозвратно ушло. Поэтому для написания статьи были привлечены труды ученых, путешественников, военных, так или иначе, в своих трудах упоминающих об одежде абазин. Это труды А. П. Берже, М. Пейсонеля, Ф. Торнау, Н. Н. Дубровина, И. Щукина и др.⁴ Развитие материальной культуры абазин шло в тесной связи с адыгейцами, черкесами, абхазами, кабардинцами. Порой в

русских источниках трудно установить, о каком народе идет речь, так как почти всех называли черкесами, а абазин зачастую отождествляли с абхазами. По сравнению с другими абхазо-адыгскими народами в изучении материальной культуры абазинам повезло меньше всего. Полно и глубоко исследована кабардинская, черкесская, адыгейская, абхазская одежда как в общих работах, посвященных истории и этнографии этих народов, так и в специальных трудах советских ученых Г. Х. Мамбетова, И. Х. Калмыкова, Е. Студенецкой, Ш. Д. Инал-Ипа, И. А. Аджинджала.⁵ Эти исследования оказали большую помощь в написании данной работы. Некоторые аспекты изучения абазинской одежды затронуты в работе Л. И. Лаврова «Абазины», кандидатской диссертации Л. З. Кунижевой «Домашние промыслы и ремесла абазин в XIX — начале XX веков», в рукописи диссертации Т. Ф. Агеевой «Семья и семейные отношения абазин», хранящейся в архиве кафедры этнографии МГУ.⁶

Как и у всех горских народов изготовление одежды, обуви было обязанностью абазинков. А. П. Берже писал, что горские женщины отличались большим трудолюбием, «ткали сукно для домашнего обихода, делали войлоки, шили на мужчин платья и обувь».⁷ Это был не только трудоемкий процесс, но он отнимал и много времени. Так, на изготовление куска сукна на одну черкеску шло 19—20 дней, на изготовление одной бурки — 11 дней. Обычно женщины широко использовали традицию взаимопомощи. Особенно это необходимо было при валянии бурки. Хозяйки заранее готовились к этому дню. Этот день был шумным как праздник. Во время валяния пели песню, которая исполнялась при такой работе.⁸ На шитье одежды использовали и покупные ткани, которые до присоединения Кавказа к России приобретали путем меновой торговли с турками. М. Пейсонель писал о большом рынке у абазин, который существовал в XVIII в. на побережье Черного моря у Кодоше. Он отмечал, что к числу прочих товаров, имевших сбыт у абазин, принадлежали: сафьян разных цветов и крашенные овечьи шкуры красного, желтого и черного цветов, мелкие железные и медные вещи, ружья, пистолеты, кинжалы, персидские ситцы, крашенные полотна. Ввозили также «краски для притирания: белила и румяна. Все черкешанки, абазинки, ногайки употребляют их в большом количестве».⁹

В обмен на ввозимые товары вывозили шерсть, сыромятные кожи, мед. Одним из главных предметов торговли была продажа рабов. Аулы зачастую были так бедны, что, это

являлось единственной возможностью получить в обмен привозные товары. Ф. Торнау, находясь в плену у горцев наблюдал, как в одном из аулов украли девочку, «продали туркам, а на вырученные деньги купили материи и одели всех женщин в ауле».¹⁰

После присоединения Кавказа к России начала развиваться торговля с русскими. Организовывались меповые дворы, в первой половине XIX в. трижды в год открывалась ярмарка в г. Ставрополе, куда для горских народов привозили шелковые и полшелковые материи, китайку, нанку, холст, позументы, стеклянные и медные изделия.¹¹

Позже ярмарки весной и осенью проходили в станицах Баталпашинской, Суворовской, Отрадной, Невинномысской, а к XIX в. лавки торговцев стали появляться и в аулах. С расширением торговых связей шире стала использоваться для одежды покупная ткань.

Во все времена полный костюм горца мог иметь далеко не каждый. Больших запасов одежды у простого населения не было. Она изготовлялась по мере изнашивания старой, а старую перешивали детям. От старой одежды на новую перешивали лишь металлические пуговицы, украшения, которые берегли, особенно серебряные. Их передавали по наследству вместе с праздничной одеждой, серебряными поясами, оружием. О том что сырье для изготовления одежды и сама одежда высоко ценились, говорит тот факт, что они были одним из видов расплаты владельца с зависимыми крестьянами. Существовал определенный порядок раздела шерсти при стрижке овец. Так, «в Лабинском и Зеленчукском округах, а также у кумских абазинцев Эльбрусского округа владельцу поступает вся шерсть от баранов и валухов, а из овечьей шерсти он берет только на бурку, остальная же часть после того, как жена владельца отберет из нее лучшую белую на одну черкесску, делилась между владельцем и крестьянами по числу членов их семейств».¹² По адату пастух кроме пищи должен был получать ежедневно от 20 до 30 рун шерсти на бурку и черкесску.³ В а. Лоовско-Зеленчукском амыста Лиев платил своим табунщикам за труд не только деньгами, но и одеждой. Его табун пасли 5—6 табунщиков, которым он платил по 5 руб каждому, давал шубу—хъамы, бурку—уапла, обувь. То же самое наблюдалось и в других аулах.¹⁴

Отношение к одежде высшего сословия абазинского общества в разные времена было различным. Так, в XVI—XVII

ив, знатные появлялись в народе в простом крестьянском платье. Это было признаком хорошего тона. Но в XVIII в. «наоборот, всячески старались выделиться».¹⁵ В XIX в. стремление подчеркнуть свое высокое положение князья и их амыста особенно проявляли в одежде. Не отличавшаяся по покрою и фасону от простонародной, она выделялась тем, что ее шили из хорошей покупной ткани, женскую одежду богато орнаментировали золотой и серебряной вышивкой. Некоторые детали одежды нарочито подчеркивали, что владелец или владелица не занимаются физическим трудом. Например, удлиненные рукава мужской черкески, наличие широких в виде лопасти нарукавных подвесок в женском платье.

Об одежде же бедняков говорили: «Небо его шапка, земля его чувяки» (АжвГІванд йхъылпапІ, ачІвыла йамГІапІ).¹⁶

Основу абазинского мужского костюма, так же как и у других народов Северо-Западного Кавказа составляли: рубаша — асы и штаны из домотканного сукна — айква. Рубашку шили из покупной ткани — ситца или бязи. Покрой ее был туникообразным, длиной немного выше колен, с разрезом на груди. Ворот делали со стоячим воротником, застегивающемся на пуговицу. Штаны были прямого покроя, между штанинами вшивался ромбовидный клин, книзу они зауживались. Носили штаны на очкуре — айквацІгъа. Иногда одевали и две пары штанов — верхние (хъахъквцІайква) нижние (цІаІхъцІацІайква), изготовлявшихся по одному и тоже крою, но из разных материалов. Нижние штаны были обычно из домотканного сукна, а верхние из покупной плотной ткани. На зиму из хорошо выделанных овечьих шкур с коротко подстриженной шерстью шили зимние штаны — уасчва айква. Заканчивались штаны штрипками из той же материи. Покрой штанов имеет давнюю традицию и прослеживается археологически.¹⁷

Несмотря на то, что рубашку одевали не все и не всегда, она очевидно имеет древнее происхождение. На это указывает существование отдельного термина, а также то обстоятельство, что именно он вошел в ряд пословиц и поговорок. Например: об очень дружных людях говорят «асыкІ йацтачвитІ, рпсы кысаІ йацтапІ» — в одной рубашке спят, в одном кисете живут» или — «ас апхъа айква» — сперва штаны нужны, а потом рубашка».¹⁸

Рубашку шили на подкладке, особенно в тех местах, где

она быстро изнашивалась — на спине, груди (у выреза), по низу рукавов. Это говорит о том, что она не была нижним бельем. Только зажиточные слои населения шили рубашки из более тонких тканей белого, как правило цвета, превратив ее таким образом в нижнее белье.

Поверх рубахи, а иногда и прямо на голое тело мужчины надевали бешмет — каптал также широко распространенный на Северном Кавказе. «Бешмет вместе с буркой является одним из старейших элементов горско-кавказского костюма».¹⁹ Покрой бешмета был точно таким же как у соседних горских народов: цельнокроенная спина и плечи плотно облегли фигуру; у талии по бокам имелись небольшие складки — углы. Спереди — продольный разрез, как и на рубашке, но с застежкой от воротника-стойки и до пояса, состоящей из тесемных петель и маленьких вывязанных пуговиц. На груди с обеих сторон нашивали большие открытые карманы, а в фалдах ниже талии внутренние, глубокие карманы. Рукава у кисти суживались и застегались на пуговицы. Весь бешмет обшивали самотканной тесьмой в тон самого изделия. Традиционно бешмет шили из домотканного сукна, но с расширением торговли стали использовать более разнообразную по фактуре и цвету ткань. Однако, в основном, преобладали темные тона. Это было наиболее практично для работы. Но праздничные бешметы были и более ярких расцветок. Особенно нарядным считали красный цвет, но употребление этого цвета в одежде долгое время было привилегией знатных фамилий, и только с конца XIX — начала XX вв. он стал широко использоваться всеми слоями населения.

Помимо обычного бешмета, который шили несколько выше колен, в качестве рабочей одежды носили удлинненный бешмет. Хотя он не имел собственного названия, прав И. А. Аджинджал, считая, что эту одежду нельзя отождествлять с бешметом — он звал его удлинненной черкеской²⁰. Длинный бешмет шили из плотной ткани на подкладке. Он был удобен при всех обстоятельствах — дома, на работе, на людях, и, вместе с тем, скромнее, чем черкеска, выглядевшая более парадной. Неслучайно именно в таком виде удлинненный бешмет сохранился в наши дни у некоторых стариков.

Повседневный костюм, дополненный черкеской, становился праздничным. Черкеска хорошо известна на Кавказе. Как уже говорилось выше, абазинский вариант черкески — квымжвы до второй половины XIX в. лишь по длине отли-

чался от соседней кабардинской и черкесской, которые описаны в работах И. Х. Калмыкова и Г. Х. Мамбетова²¹. Хотелось бы еще раз подчеркнуть престижный характер черкески. Их имели далеко не все, но в то же время без нее неприлично было выйти за пределы аула, появиться на собрании, зайти в мечеть. Выработанные с годами нормы поведения, в данном случае, связанные с ношением одежды, искусственно поддерживали замкнутый в пределах аула образ жизни определенной части населения. Видимо, этот обычай сформировался в более отдаленные времена, когда выезд за пределы селения превращал мирного жителя в воина (полный костюм горца — это костюм воина-всадника), в любой момент ждавшего нападения и всегда готового его отразить. В случае необходимости черкеску можно было одолжить. Отказать в такой просьбе было нельзя. Небрежность в ношении черкески не допускалась. Она должна была всегда быть застегнута и подпоясана наборным поясом — мъя (исключенье делали только для стариков). Пояс был обязательной принадлежностью костюма, одевали его и на бешмет. Обладание поясом диктовалось не только модой. Н. Дубровин писал: «Он (горец — Ю. З.) мог ходить босой, в лохмотьях, но, если при этом был перетянут хотя бы по собственной шкуре кушаком с серебряным узором, владел кинжалом с черневою насечкою — он пользовался всеобщим уважением и почетом».²²

Ношение поясов с металлическим набором также имеет глубокие традиции, которые прослеживаются археологией в XIV—XV вв. на материале адыгских погребений.²³ Серебряные украшения для поясов покупали у заезжих торговцев из Дагестана и у местных мастеров. В своей работе об абазинских ремеслах Л. З. Кунижева пишет о том, что ювелирное дело было довольно развитой отраслью ремесла абазин. Абазинским мастерам были известны такие трудоемкие виды его техники как скань, филигрань, зернь.²⁴ Были мастера своего дела. Известные кузнецы из а. Лоовско-Кубанского Салех Курачинов и Эриджиб Шебзухов занимались и ювелирным мастерством²⁵.

Кинжал на наборном поясе не был только украшением его. В XIX в. наряду с ружьем он составлял вооружение мужчины. Но в средневековье помимо кинжала мужчины были вооружены дротиками, шашками, копьями, стрелами, луками. Голову защищали кольчатым шишаком, закрывавшим лицо, на тело надевали кольчугу.²⁶

Мужской зимней одеждой были шуба — усачва хьамы и бурка — уапIа. По покрою шуба была похожа на черкеску, но с закрытой грудью. Носили ее мехом внутрь. Шуба была двубортной и застегивалась справа налево. В начале XX в. застегками служили металлические петли и крючки, но раньше застегка была из тесемочных пуговиц и петель. В большинстве случаев шубы не покрывали тканью, но богатые старались и шубу сделать нарядной, покрывая ее фабричными тканями.

Широко распространена была на Кавказе в качестве верхней зимней одежды бурка — уапIа. Производство бурок у абазин, как и у всех народов Кавказа было хорошо развито. Нет нужды излагать процесс изготовления бурок, так как он хорошо описан в литературе и был общепринятым.²⁷ Бурки шили трапецевидного покроя гладкими и с начесом. Более нарядными были бурки с начесом, но доступны они были не всем. Бурки валяли из шерсти осеннего настрига, но эту работу можно было выполнить лишь в теплое время года — летом, в начале осени. Поэтому шерсть готовили с осени, хранили в прохладном, хорошо проветриваемом помещении. Ворот и борта бурки обшивали тканью или кожей, на спину подшивали подкладку. Для застегки пришивали петли сердцевидной формы из кожи или галуна. Под петли пришивали шнуры из кожи или тесьмы.

Как бы ни была удобна и универсальна для жизни горца бурка, она не годилась для пастухов. Поэтому у них была специальная пастушеская одежда, похожая на бурку — гвабанакь. Но в отличие от бурки, она была значительно короче, с капюшоном и застегкой до пояса. Делали ее из грубой валяной шерсти. Даже поношенные бурки и гвабанакь приносили пользу. Из них делали чехлы для ружей, голенища для ноговиц.

Ноговицы были одной из составных частей одежды. Ноговицы — амсы надевали поверх штанов, и они плотно облегли ноги от ступней, заходя выше колен. Под коленями их подвязывали ремешками — тлаткIапс, а под ступней их удерживали штрипки, которые делали из той же материи, что и ноговицы. Обычно ноговицы шили из сукна — абчвамс или войлока. (в зависимости от времени года), но нарядные ноговицы шили из сафьяна, украшая теснением. Ноговицы не были самостоятельным видом обуви. Поверх их надевали чувяки — чвамгIа, которые шили из сыромятной кожи со швом от пятки до носка, без каблучков. Если подошва изна-

шивалась, к чувяку пришивали новую. С появлением галош амсы стали носить с галошами — уабчвамси к'алоши. Ф. Торнау писал об изготовлении чувяк: «Шьются они обычно меньше ноги, при надевании размачиваются в воде, натираются внутри мылом и натягиваются на ноги, подобно перчаткам. После того, надевший новые чувяки, должен лежать выждать, пока они, высохнув примут форму ноги. По чувякам впоследствии пришивается самая мягкая и легкая подошва»²⁸. Одной из разновидностей чувяк, служивших повседневной рабочей обувью были поршни — гванчрыкк'в, которые также шили из сыромятной кожи. Они были сшиты из одного куска кожи со швом на заднике и на носке (иногда задник был высоким и завязывался шнурком — шхъваш'орпага). Подошву этой обуви делали из плетенных ремешков или вшивали кусок кожи с остатком шкуры, ворсом вперед. Это предохраняло от скольжения. В горах обувь дополняли металлические «кошки», которые особенно удобны были для охотников и пастухов. В зимнее время гванчрыкк'в утепляли, подкладывая внутрь сухую траву.

Широко распространенной обувью были мягкие сафьяновые сапоги с коротким голенищем, прямыми носками и без каблуков — майыст, которые также носили в сочетании с чувяками, а позже галошами.

Особо следует сказать о деревянной обуви. Известно, что на Кавказе еще в XIX веке бытовала обувь типа сандалии на деревянной подошве. Об этом писали Н. Дамилевский, И. А. Аджинджал, Г. Ф. Чурсин и др.²⁹ Хотя об абазинах в связи с этим нигде не упоминается прямо, и полевой материал не дает сведений, но на наш взгляд правомерно считать, что и у них была такая обувь. По мнению И. А. Аджинджала именно этот вид обуви превратился у женщин в подставочники-ходули, которые бытовали и у абазинок.

Головные уборы абазин были также сходны с головными уборами остальных горцев. В холодное время года, а в праздничные дни и летом, на похороны, по торжественным дням носили высокую овчинную шапку — хъылпа, называемую русскими палахой. В обычные дни летом надевали войлочную шляпу — уабчвахъылпа с широкими полями (до 15—20 см. шириной). Обшивали шляпы тесьмой. От макушки к основанию пришивали 4—6 полосок тесьмы белого, черного или серого цвета. Эти шляпы изготовляли на специальных болванках — хъылпа ркъацага, которые сохраняются и сейчас.

Эти виды головных уборов сохранились и в наши дни, но их носят только старики.

К мужским головным уборам относятся и башлык — также принадлежность традиционного горского костюма. Разницы в способе повязывания башлыка, о которой говорилось выше в начале XX в. уже не было. Покрой башлыка был таким же как у черкесов и других кавказских народов. Для изготовления башлыков выделявали специальное сукно, имевшее свое название — башлыкъыс. По цвету он отличался от остальной одежды. Он мог быть белым — башлыкъ шкIвакIва, черным — башлыкъ квайчIва. Башлыки были будничными и праздничными. Последние украшали галуном, плетеными кистями с золотыми, цветными нитями.

О мужской прическе абазин до XIX в. в литературе не встречено никаких описаний, но можно предположить, что абазины, как черкесы и абхазцы в старину выбривали голову, оставляя на макушке чуб. В XIX в. известно, что мужчины брили голову наголо с детства. Большое значение придавалось первому подстриганию. Его делали, когда мальчику исполнялся один год. Первое подстригание мог делать любой приглашенный мужчина, но обязательно первенец в своей семье. Чтобы предохранить ребенка от сглаза, во время стрижки в волосы вкладывали кусочек земли. Первые волосы хранили всю жизнь до самой смерти и хоронили с ними, чтобы облегчить путь в «рай».³⁰

В настоящее время старики бреют голову наголо, молодежь носит современные прически.

Женская одежда была более разнообразной, чем мужская, но также совпадала по покрою с черкесской. Основу женского костюма составляли: длинная рубаша — асы туникообразного покроя с разрезом на груди, маленьким воротником — стойкой 2—3 см. высотой, застегивавшимся на пуговицу, и штаны — айква, совпадавшие по покрою с мужскими, но с более широкими штанинами, собиравшимися у шиколоток в сборку на обшлажок. Девушкам одевали под рубашу корсет — чхвыба, чтобы сохранить стройность и изящество фигуры. Полевые материалы дают противоречивые сведения относительно того — было ли обязательным ношение корсета всеми девушками или лишь привилегией знатных. Это естественно, так как память нынешних информаторов воспроизводит сведения не далее конца XIX — начала XX вв., когда по свидетельству Н. Караулова «у крестьян замечается пренебрежение этих обычаев».³¹ Мы же склонны

считать, что ношение в старину корсета не было привилегией знатных девушек уже и потому, что снятие его с невесты в первую брачную ночь женихом было одной из обязательных церемоний свадебного обряда. Потому как был снят корсет (использовался ли жених кинжалом, чтобы разрезать шнуровку или нет), давали оценку достоинствам жениха, его выдержке. Корсет шили либо из сафьяна, либо из ткани, вшивая деревянные пластики. Повседневные рубахи и штаны шили из покупной бумажной ткани скромной, неяркой расцветки, но праздничные шили из шелка ярких тонов. Иногда женщины, занимаясь домашней работой в повседневной жизни (особенно беднейших слоев), а девочки и девушки постоянно, ничего, кроме этой одежды и не носили. При этом рубаху подпоясывали плетеным пояском.

Но более полный женский костюм дополнялся коротким до середины бедра кафтанчиком — айшыс, т. е. короткий, по покрою похожим на бешмет и застегивавшимся на мелкие серебряные пуговицы, а затем и на параллельно расположенные серебряные застёжки. Впервые такой кафтанчик одевали девушке в 10—12 лет. Его шили из дорогой ткани, особенно излюбленным был бархат. В конце XIX—начале XX в. спинку айшыс шили уже из другой, более тонкой, простой материи, а под остальные части подшивали подкладку. Кафтанчик украшали вышивкой золотой или серебряной нитью, аппликацией. Наиболее шарядным был кафтанчик красного цвета и его оттенков. Так же как и в мужской одежде, так и в женской красный цвет был привилегией знатных, но к началу XX в. это положение нарушилось, а затем было полностью утрачено. Красный цвет стал просто нарядным, праздничным. Такой нарядный кафтанчик малинового бархата с серебрянными нагрудными застёжками и красивой вышивкой золотой нитью хранится в семье жителя г. Черкесска А. А. Хуранова. Для нас он интересен тем, что он пока найден единственный, который можно документировать как абазинский, известно время его изготовления. Он был сшит Марчануковой Цуцей Эльмурзовной — жительницей а. Шахгиреевский (ныне Аисуа) в 1914—1915 гг. (родилась в а. Клычевский ныне Псаучье-Дахе) как часть будущего свадебного костюма. Как и у других кавказских народов в процессе своего развития кафтанчик распался на отдельные части. Сохранились по существу только те, которые были видны в разрезе платья: нагрудник — хывичвара и нарядно расшитые полочки.

Поверх кафтанчика надевали платье — цкгы, ьахтан. Платье было распашное с разрезом до земли с открытой грудью. Покроем напоминало черкеску. Фасон платья, традиционный для горцев прошел те же этапы развития, что черкесское, кабардинское, адыгейское.³² Повседневное платье шили с узким рукавом, почти не украшали. Рукава праздничного платья расширялись книзу и заканчивались большими округлыми лопастями, которые впоследствии стали отдельной деталью платья и пристегивались в нужный момент. Чтобы придать платью нарядность, лопасти богато орнаментировали вышивкой, аппликацией. Превращение части рукавов в пристегивающиеся лопасти говорит о том, что в конце XIX — начале XX в. гардероб основной части женщин был невелик. То немногое, что было, шили из добротных тканей, бархата, шелка. Праздничные платья богатых женщин украшали вышивкой, галуном по углам полочек, подолу. Орнамент был традиционный растительный или геометрический. Не все женщины одинаково обладали мастерством вышивки. Были и свои мастерицы. Имена многих уже утрачены и восстановить их невозможно, но некоторые известны. Так, в экспозиции Карачаево Черкесского областного краеведческого музея экспонируются изделия мастерицы Ионовой из а. Абазакт.

Платье такого же покроя, но из простой ткани, простеганное на тонком слое ваты или шерсти надевали в холодное время года, так как зимней одежды у женщин, как правило, не было. Замкнутый в пределах семьи образ жизни способствовал тому, что и нужды в верхней одежде не было. По словам женщин-абазинок старшего поколения «пальто одедали только князья». Только в годы советской власти, когда женщины активно включились в общественную жизнь и общественное производство, на повестку дня встал вопрос — обеспечить женщинам зимнюю одежду. Этот вопрос имел большое социальное и политическое значение. Широко известная кампания «пальто — горянке» была проведена в конце 20-х годов Советским правительством.

Что касается женской обуви, то она почти не отличалась от мужской. Женщины носили суконные ноговицы (но более короткие) в сочетании с сафьяновыми чувяками. С течением времени эти два вида обуви слились в один, так называемые бурки (кожаные сапоги с войлочным голенищем, отделанным полосками кожи, на жесткой подошве и с каблуком). Эти бурки носят и сейчас, а называют также как и ногови-

цы — амсы. Выше уже говорилось о сапожках майыст, которые носили мужчины. Женщины носили также сапоги, только более изящные. Некоторые представляют не гладкую поверхность, а сделанную как бы сборками, на других орнамент в виде кружочков и т. п. Цвет их преимущественно коричневым с оттенками». ³³ Женщины украшали сапожки вышивкой, теснением кожи. Женской обувью считали сафьяновые чуваки с небольшой выемкой у подъема, на кожаной подошве. Женщины носили и шлепанцы без задников, шитые из сафьяна на самодельной кожаной подошве — папыц. Верхнюю часть украшали вышивкой. ³⁴

Напоминанием о том, что в старину женщины носили обувь типа сандалий на деревянной подошве, служат деревянные подставки — ходули. Н. Ф. Грабовский писал о них: «Ходули эти по большей части деревянные, но бывают и серебрянные; устроены они из двух стременообразных дощечек высотой 3—4 вершка, к которым прикрепляется третья плоская дощечка длиной 5—6 вершков; эта последняя дощечка имеет форму подошвы или просто четырехугольника, посередине ее прикреплен ремень, в который вставляют ногу, становясь на ходули». ³⁵ Постепенно деревянная обувь вышла из употребления, но во время свадьбы такие ходули одевала невеста. Их богато украшали бархатом, серебром, вышивкой и делали подчеркнуто высокими, чтобы возвысить невесту над всеми остальными. Передвигаться на таких ходулях самостоятельно невеста могла только с посторонней помощью. Таким образом, эти ходули уже не могли выполнять функцию обуви. В обыденной жизни носить подставки-ходули могла только знатная женщина, но ввиду неудобства в передвижении, и она надевала их только в торжественных случаях.

В женских головных уборах абазинок прослеживаются заметные возрастные различия. До совершеннолетия девочки носили платки, а вступая в пору девичества надевали невысокую с плоским дном шапочку, расшитую золотом (хъапц хъылпа) или серебром (рызна хъылпа), украшенную кистями. Поверх шапочки набрасывали большие покупные платки или шали. Замужней женщине разрешалось носить такую шапочку до рождения первого ребенка, обычно это было в течение года после свадьбы. Ношение таких шапочек у абазинок бытовало долго, даже на фотографиях 50-х годов XX века можно видеть иногда изображения женщин в платье европейского покроя, но в традиционной шапочке.

Женщины из княжеского сословия носили более высокие шапочки «в форме сахарной головы». Головной убор среди прочих деталей одежды должен был подчеркнуть ее высокое происхождение. Надо отметить, что и головные уборы абазинки не отличались от кабардинских, черкесских.

После рождения первого ребенка женщина надевала платки — нижний (хъарна) и верхний (кIасы). Нижним платком тщательно закрывали волосы, закрученные в жгут. Концы платка перекручивали крест накрест и завязывали на темени своеобразным узлом наподобие жгута. Если волосы все-таки не удавалось спрятать полностью, то видимые места подбрасывали. Поверх нижнего платка надевали верхний, концы которого либо закидывали на спину, либо завязывали на шее сзади. Праздничными верхними платками были покупные шали с длинной бахромой белого цвета — хъвакIа зшу кIасы. В начале XX века очень популярны стали вязанные белые шали фабричного производства. Волосы иногда, как уже говорили, скручивали в жгут или заплетали в косу, а в концы вплетали небольшие ленточки, пшуровочки с серебряными украшениями на конце. Их заплетали длиннее волос, и они выглядывали из-под платка. Девушки заплетали волосы в одну или две косы.

Большой шерстяной платок-шаль заменял женщине-горянке зимнюю одежду. Он мог быть покупным, но чаще его делали из домотканного сукна, крашенного в черный, коричневый цвет.

Традиционный свадебный наряд абазинки имел много общего с таковым же у других народов Северного Кавказа. По- существу это было праздничное платье, но дополненное некоторыми деталями. Он состоял из шелковой рубахи и ситцевых штанов. Поверх рубахи надевали бархатный, расшитый кафтанчик с серебряными застежками, а затем припаленное раскошенное к низу платье, с открытой грудью, распашное до пола. По талии надевали пояс — мъа, который мог быть полностью серебряным или золотым, украшенным чернью, тканью или же состоял из двух частей — нарядной пряжи и собственно пояса из той же ткани, что и платье.

Длинный узкий рукав заканчивался округлой подвеской, закрывавшей руку ниже кисти. На пояс невесте одевали платок — шамхъакIа, в обеих руках она держала по платку — нанцаIа. Эти платки продегивали в кольца, которые чаще всего были серебряными. Их называли «батлын». На голову невесте одевали упомянутую выше шапочку. Поверх

шапочки голову невесты покрывали платком — кIата и большим покрывалом — паквапса, которое закрывало и лицо невесты. В свадебный наряд невесту одевали только близкие родственники жениха — сестры, невестки. Свадебный наряд невесты по своему комплексу был одинаковым у всех слоев населения, но отличался по качеству материала, богатству вышивки, длине рукава и величине подвески — лопасти, высотой шапочки, высотой и орнаментацией подставочек-ходуль, а также богатству украшений.

Одежда, которую невеста привозила с собой вплоть до свадебного наряда, после свадьбы раздавались родственникам мужа, а ее переодевали в заранее подготовленное платье. Это еще раз подчеркивало то обстоятельство, что женщина полностью теряла контакты со своей семьей и входила в новую. Снятие с невесты свадебного покрывала — кIата сопровождалось особым обрядом — кIата хъххра. Совершала его одна из родственниц мужа и брала покрывало в качестве подарка, но и сама делала ответный дар.³⁶

Следует сказать, что свадебный наряд также как и вся одежда в целом не был статичен. Его отдельные детали менялись в зависимости от моды. Например, с течением времени вместо целого кафтанчика стали надевать нагрудник и отдельно полочки, вместо целой шелковой рубахи, юбку с шелковой вставкой, которая была видна в разрезе платья. Некоторые же детали свадебного наряда не были подвержены веяниям моды и дошли до наших дней. Это, конечно, платки — головные, поясной и платочки в руках.

Женщины любили украшать себя кольцами — ьатлын, браслетами — ьахв, украшенными гравировкой, насечкой, филигранью со вставками из драгоценных и полудрагоценных камней. Наряду с покупными изделиями дагестанских мастеров были распространены и изделия местных умельцев. В XX в. получили распространение литые изделия — перстни, состоящие из кольца и венчика, спаянные воедино. Венчики были круглые, овальные, многогранные с вставками из камней или целиком из серебра. Орнамент украшений был растительного или геометрического характера.³⁷

Детская одежда, по-существу, была лишь воспроизведением взрослой, отличалась от нее размерами. До трех месяцев ребенка только пеленали, а затем шили ему первую рубашку — асы, такого же покроя как и у взрослых. Иногда ее вышивали. День, когда одевали первую рубашку отмечали как праздник. Когда дети были в состоянии самостоятель-

но ходить им одевали и штаны, но из практических соображений не зашитые и без ромбиковой вставки.

Похоронная одежда абазии имеет много общего с одеждой других мусульманских народов. Покойника облачают в погребальный саван из белой хлопчатобумажной материи. Саван состоит из 2-х частей: длинной рубахи — ахратас (у мужчин до колен, у женщин до щиколотки). Поверх него одевают шитый также из белой хлопчатобумажной ткани мешок — чахун или кяхун, по длине больший, чем рост покойника. Есть незначительные различия в крое его в разных аулах. Например, в а. Старо-Кувинский его кроют из одного полотна так, чтобы получились наглухо зашитые рукава. Верхняя и нижняя часть чахуна не застрачивается, а на расстоянии 15—20 см от края продевается тесемка из бязи, которой чахун затягивается у головы и ног покойного, когда его выносят из дома. Тесемки развязывают, когда кладут в могилу. Головной убор покойника напоминает чалму — оставляя открытым лицо, несколько раз оборачивают голову белой бязью. Женщинам на голову одевают платок — сарык. Когда покойник лежит в доме, его накрывают шелковым платком-покрывалом (хадатенхва) красного цвета, которое потом отдают мулле. Одежду покойника — чеп стирают и вывешивают сушить так, чтобы всем было видно, что в доме покойник. Через 7—10 дней ее раздают в первую очередь тем, кто принимал участие в приготовлениях к погребению, малоимущим. Этот обычай, существующий и до сих пор, называется — чгвчыштхыра.³⁸

Начиная с конца XIX — начала XX вв. начался процесс сближения кавказской одежды с общеевропейской. Он подробно исследован в указанной работе Е. Н. Студенецкой. Процесс этот шел одинаково у всех народов Северного Кавказа. В 1913 году И. Шукки писал о своих наблюдениях в а. Лоовско-Кубанском: «На женщинах очень часто можно видеть, вместо национального костюма, обычное «городское» платье, которое скупается горскими евреями в городах и перепродается местным щеголихам».³⁹

Некоторые женщины из богатых сословий уже в первом десятилетии XX в. полностью перешли на европейский костюм, носили модные длинные цепочки с серебряными часами. Об этом говорят сохранившиеся в некоторых семьях фотографии тех лет.

С начала XX века можно говорить о сосуществовании горского и общеевропейского стиля одежды. Этот период был

длительным. Особенно консервативной оказалась мужская одежда. Если проанализировать развитие женской и мужской одежды у народов Северо-Западного Кавказа, нетрудно заметить, что женская одежда была более богатой по ассортименту, колориту, чаще меняла фасон и более быстрыми темпами перешла к одежде городского типа. Вместе с тем, замкнутый образ жизни, который вели женщины в пределах аула, усадьбы, семьи казалось бы должен был препятствовать этому. Но, женщина преодолевала эту замкнутость опосредствовано, через одежду, богато украшая ее, видоизменяя фасон, упрощая и удешевляя (чтобы все-таки сохранить традиции) некоторые детали традиционного платья и вводя новые элементы городской одежды.

Что же касается мужской одежды, то переход ее на общевосточный фасон задержался не только из-за большого удобства ее, но и из-за моды возникшей на кавказскую одежду. Кроме того, в первые годы советской власти из-за экономических трудностей почти не производилось тканей, обуви, готовой одежды. Был даже такой трудный период, когда пришлось снова вернуться к шитью одежды из домотканного сукна, даже женских платьев чего раньше не делали. Процесс стандартизации одежды принял необратимый характер, но в аулах шел неравномерно. М. Аджиев из а. Старо-Кувинский рассказывал, что его отец в 1929 г. привез из Армавира русские сапоги и «комсомольскую» одежду (слова информатора — Ю. З.) и все были удивлены ею и приходили смотреть.

Современная одежда не отличается от городской как по выбору ткани, покрою, так и по фасону. Нет смысла даже перечислять тот ассортимент, который имеется в гардеробе каждого жителя аула, не говоря уже о горожанине. Это практически ассортимент наших магазинов. Можно отметить постоянное стремление к покупкам новых тканей и изделий из них, приобретению импортных товаров. В зависимости от моды меняется гардероб невесты и жениха; ассортимент одежды, предназначенной по традиции для дарения родственникам жениха.

Для жителей аула старшего поколения — мужчин, чья молодость пришлась на 20—30-е годы, характерно ношение брюк-галифе и верхней рубашки типа бешмета с карманами на груди из плотной ткани, подпоясанных ремнем или наборным традиционным ремешком (если сохранился). Старики носят и сапожки майяст, дополняя их галошами, но они ма-

ло у кого сохранились. Широко распространены сейчас и вязаные вещи, носки. Вязание у абазинков вошло в быт лишь в конце XIX в., но очень быстро способные к рукоделию женщины достигли в нем совершенства. Платья старух сохраняют фасон начала XX века. Это — длинное отрезное по талии платье со складками, с глухим воротом и воротником-стойкой; разрезом на груди до талии и застежкой. Иногда надевают юбку с кофтой, по фасону сохраняющей лиф платья. Для тепла короткую до талии безрукавку. На голове — обязательны два платка. Одежда людей пожилого возраста темных тонов — вишневого, темнозеленого, коричневого. Повседневные платья шьют из недорогих тканей — вельвета, различных тканей с лавсаном, но праздничные — из хорошей шерсти.

Исключая старшее поколение, возрастных различий в мужской и женской одежде нет. Вместе с тем, как бы не менялся стиль одежды, продолжают сохраняться и поддерживаться традиции в пошиве ее. Особенно это касается женщин разного возраста.

Девочки-подростки до 13—14 лет носят платья в соответствии с модой, даже, если модно мпни. Вступление в девический возраст требует уже удлинения платья, но желание быть ближе к моде оставляет его коротким. Поэтому, находясь со старшими, дома, девушки дополняют свой костюм тренировочными брюками, длинными рейтузами. Многие носят джинсы или брюки, сшитые из различных тканей модного покроя. Замужние женщины носят платья ниже колен и обязательно надевают чулки. Подростки и девушки носят платья с рукавами или совсем без рукавов, но молодая женщина платье без рукавов не наденет (их длина зависит от сезона и фасона платья). Женщины средних лет носят как с коротким, так и с длинным рукавом, но пожилые только с длинным.

Платок на голове обязателен для женщин любого возраста, хотя уже и не преследует цель полностью скрыть волосы. В аулах этот порядок поддерживается неукоснительно. Если в городе молодая женщина может его и не носить, то приезжая в аул, наденет его обязательно. Платки могут быть из прозрачной ткани — капрона, нейлопа, шифона, так и не прозрачной самых разнообразных расцветок. По-прежнему женщины любят украшать себя ювелирными изделиями — серьгами, кольцами, золотыми цепочками. Предпочитают изделия, украшенные рубиновыми камнями. Надо отметить,

что женщины обладают хорошим вкусом, не допуская чрезмерности в этом вопросе.

Существенно изменилось отношение к детской одежде. Здесь большую роль сыграло промышленное ее производство. В настоящее время детской одежде уделяется большое внимание.

В заключении можно отметить, что одновременно с одеждой всех северокавказских народов, одежда абазин прошла длительный этап перестройки в сторону сближения с общеевропейской модой. Тем не менее оставшиеся в настоящее время немногие элементы, традиции в пошиве ее различными половозрастными группами представляют важный элемент культурного наследия абазинского народа.

ПРИМЕЧАНИЕ

- ¹ Н. Данилевский. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. М., 1846, с. 133.
- ² Н. Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871, т. 1, кн. II, с. 40.
- ³ Ф. Торнау. Воспоминание кавказского офицера, ч. 1. М., 1864, с. 61; Н. Данилевский. Указ соч., с. 131.
- ⁴ А. П. Берже. Выселение горцев с Кавказа. «Русская старина», т. 33, 1882; его же. Горские племена Кавказа, «Живописная Россия», № IX. СПб. М., 1883; М. Пейссонель. Исследование торговли на черкесском берегу Черного моря в 1751—1762 гг. МПЧШ, вып. 2. Краснодар, 1927; Ф. Торнау и Н. Н. Дубровин. Указ. соч.; Н. Щукин. Из поездок по Верхней Кубани. «Землеведение», ж-л, кн. III. М., 1914.
- ⁵ Груды этих ученых будут названы в ходе изложения.
- ⁶ Л. И. Лавров. Абзины. «Кавказский этнографический сборник», т. 1. М., 1955; Л. З. Кунижева. Указ. раб. М., 1974.
- ⁷ А. П. Берже. Горские племена Кавказа, с. 80.
- ⁸ Л. З. Кунижева. Указ. соч., с. 19, 28, 30, 35, 46.
- ⁹ М. Пейссонель. Указ. соч., с. 29, 30.
- ¹⁰ Ф. Торнау. Указ. соч., ч. II, с. 120.
- ¹¹ П. Зубов. Картина Кавказского края. СПб., 1835, ч. II, с. 64—65.
- ¹² О зависимых сословиях в горском населении Кубанской области. Екатеринбург, 1867, с. 22, 23.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Е. Н. Данилова. Сельская община абазин в 40—90-е годы XIX в. М., 1974, с. 101.
- ¹⁵ А. П. Берже. Выселение горцев с Кавказа, с. 88.
- ¹⁶ Абазинско-русский словарь. М., 1967, с. 74.
- ¹⁷ Л. И. Лавров. Кабардино-адыгейская культура XIII—XV вв. СЭ, 1957, № 4, с. 14.
- ¹⁸ Русско-абазинский словарь, с. 84—85.
- ¹⁹ Л. И. Лавров. Указ. соч., с. 14.
- ²⁰ И. А. Аджидал. Из этнографии Абхазии. Сухуми, 1969, с. 356—357.
- ²¹ И. Х. Калмыков. Черкесы. Черкесск, 1974, с. 166; Г. Х. Мамбетов. Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1971, с. 263—264.
- ²² Н. Н. Дубровин. Указ. соч., т. 1, кн. II, с. 52.
- ²³ Л. И. Лавров. Указ. соч., с. 16.
- ²⁴ Л. З. Кунижева. Автореферат диссертации, с. 19—20.
- ²⁵ Л. З. Кунижева. Домашние промыслы и ремесла абазин в XIX—п. XX вв. М., 1974, диссертация, с. 131—132.
- ²⁶ Е. А. Алексеева. Очерки по экономике и культуре народов Черкесии в XVI—XVII вв. Черкесск, 1957, с. 85.
- ²⁷ А. П. Пожидаев. Горцы Северного Кавказа. М.-Л., 1926, с. 66; Л. З. Кунижева. Указ. соч., с. 28—35.
- ²⁸ Ф. Торнау. Указ. соч., ч. 1, с. 109.
- ²⁹ Н. Данилевский. Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис, 1913, с. 10; Очерки истории Адыгов, т. 1. Майкоп, 1957, с. 242.
- ³⁰ Т. Агеева. Указ. соч., с. 178.
- ³¹ Газета «Терские ведомости», 1894, 11 декабря.

³² Е. Н. Студенецкая. Одежда. Сб. «Культура и быт народов Северного Кавказа». М., 1968, с. 162—163.

³³ Интериано. О быте и нравах черкесов. Записки ИРГО по отделу этнографии, т. II. СПб., 1869, с. 734.

³⁴ Л. З. Куннижева. Указ. соч., с. 68.

³⁵ Н. Ф. Грабовский. Свадьба в горских обществах. ССКГ, вып. V, 1869. Тифлис, с. 5.

⁸⁶ Т. Агеева. Указ. соч., с. 141, 157.

³⁷ Л. З. Куннижева. Указ. соч., с. 136, 138.

⁴⁸ Т. Агеева. Указ. соч., с. 196; Полевые материалы С-КЭЭ, 1975.

³⁹ И. Щуккин. Из поездок по Верхней Кубани. Журнал «Землеведение», 1914, кн. III, с. 33.

ДРЕВНЕТЮРКСКОЕ ВЕРХОВНОЕ БОЖЕСТВО ТЕНГРИ (ТЕЙРИ) В КАРАЧАЕ И БАЛКАРИИ

Общезвестно, что выявление и анализ специфических черт религиозных верований и обрядных действий, в которых устойчиво сохраняются или же прослеживаются пережиточные явления духовной культуры, играет важную роль в изучении вопросов этнокультурных и этногенетических связей.

Выявление степени и характера переживания карачаевцами древнетюркского верховного божества Тейри представляется весьма плодотворным при аргументации ряда многочисленных гипотез происхождения карачаевцев и балкарцев.¹

В своем историческом развитии, как свидетельствуют различные источники, верования карачаевцев и балкарцев подвергались влиянию различных религиозных представлений: первобытного язычества, средневекового христианства, иудаизма и мусульманства. При анализе древних верований карачаевцев и балкарцев Л. И. Лавров отчетливо и глубоко аргументировано выделяет несколько пластов: древнетюркский, алапский и кавказский.² О характере некоторых доисламских верований карачаевцев и балкарцев дают представления отдельные письменные известия XVII—XVIII вв. и многочисленные пережитки, бытовавшие в Карачае в недавнем прошлом. Впервые этнографические сведения, связанные с переживанием культа древнетюркского верховного божества Тейри среди карачаевцев, были отмечены в начале XIX в. Ю. Клапротом. Он писал, что «балкары и карачаевцы почитают бога, именуемого не аллахом, а Тенгри в качестве подателя всякого добра».³

С тех пор среди исследователей проблемы происхождения карачаевцев и балкарцев ни у кого не вызывает сомнения, что устойчивое сохранение в этнографической действительности этих народов столь характерного общетюркского феномена лишний раз служит подтверждением того, что они являются наследниками раннесредневековых тюркских племен. Споры ведутся лишь об удельном весе местного кавказского и алапского субстратов в формировании карачаево-балкарского этноса. Совершенно очевидно, что фольклорно-этнографический материал, собранный нами, призван всего-лишь подчеркнуть глубокую историческую связь карачаево-балкарского этноса с древнетюркской средой, но никак не может дать ответа об их подоснове, т. к. пока мы не располагаем исторически достаточно обоснованным материалом, чтобы с полным правом возводить слово Тейри к Тенгри того или иного древнетюркского этноса. Здесь мы ограничимся констатацией общезвестного факта возведения названия божества Тейри к широкому кругу древнетюркского и монгольского наименования Тенгри в смысле «небо» и «бог».

Известно, что впервые прочесть это слово в орхонских рунических текстах удалось М. Томсену. При этом он констатировал, что это слово, известное и тюркским и монгольским языкам, обозначает «бог», «небо»⁴.

Другой известный тюрколог В. В. Радлов собрал и опубликовал многочисленные варианты этого слова на разных тюркских языках, в том числе и варианты рунических орхонских надписей. Как видно из словаря В. Радлова, «Тенгри» являлся верховным божеством у всех тюркских народов, которые обитали в домонгольское время на обширной территории Средней Азии, Алтая и Монголии⁵.

Видный советский историк М. И. Артамонов, ссылаясь на «Историю» Феофилакты Симокатты (VII в), дает следующую характеристику религии тюркоязычных племен: «Тюрки превыше всего чтут огонь, почитают воздух и воду, поют гимны земле, поклоняются же единственно тому, кто создал небо и землю, и называют его богом»⁶.

Источники отмечают, что в прошлом в древнетюркской среде титул Тенгри бытовал в значении слов «бог» (небожитель) и «небо» и «высшие миры»⁷. Сходная ситуация складывается и при рассмотрении северо-кавказского материала. Как и на обширной территории Центральной и Восточной Азии, т. е. в той среде, в которой происходило формирование древнетюркских племен, почитание неба и соответствующие мо-

ления и жертвоприношения были характерны как среди ранних, так и среди поздних тюрков Кавказа. Так, упомянутый нами исследователь М. И. Артамонов, рассказывая о религии хуннов и болгар отмечает, что у них особым почитанием «пользовался бог Тенгри хан, которого они представляли в образе героя исполина, и что «этот бог соответствует — вкладыке неба Тенгри, известному еще у гуннов и тюркютов, и явно занесен на Кавказ теми или другими пришельцами из Азии»⁸.

Армянский историк X века М. Каланкатуйский, говоря о заключении военного союза между «гуишкими» племенами Северного Кавказа, замечает, что они скрепляли этот союз клятвой по закону неба»⁹. Он же рассказывает, что именно гуины, почитая небо, «приносили в жертву жареных лошадей, какому-то чудовищу, громадному герою, называя его богом «Тангри-Ханом»¹⁰.

Это свидетельство полностью согласуется со сведениями древнетюркских источников о почитании гуишкими племенами «бога неба» Кок-Тенгри¹¹. Точно также, упоминавшиеся в источниках II—X вв. многочисленные народы-савиры, гуины и другие тюркоязычные племена, обитавшие около «кавказских гор», в первую очередь почитали «бога Тегрихана»¹², дод Tangri¹³.

Ссылаясь на работу В. Д. Каховского (Происхождение Чувацкого народа. Чебоксары, 1965, с. 285), который полагает, что Тенгри был верховным богом болгар и савир, Е. П. Алексеева допускает возможность занесения на Северный Кавказ, культа Тенгри болгарами¹⁴.

Источники более позднего времени культ Тенгри отмечают среди кимаков (X—XI вв) и их западных соседей-половцев (куманов) — XIII—XIV вв¹⁵. Среди современных народов Монголии, бурят и юго-восточных тувинцев и по сей день небо именуется Тенгри¹⁶. По свидетельству Л. Гумилева, «обряд принесения жертвы небу (т. е. «духу неба») — Тенгри — И. Ш.) был зафиксирован даже в конце XIX в. у качинцев»¹⁷.

Как отмечает Ц. Номинханов, исследователь тюркских и калмыцких лексических соответствий, в современном калмыцком языке Тенгри сохраняет свое древнее значение — «небо» божество, небеса¹⁸. В значении «бог» употребляется слово «танри» (таньры, теньри, тенори) в современном караимском языке, сохраняющем как и карачаево-балкарский, особенности таких древних тюркских языков, как хуннский, болгаро-хазарский, кипчакско-половецкий¹⁹.

Культ Тенгри (неба, небожителя) у древних тюрков был

настолько устойчив, что несмотря на усиленную проповедническую деятельность различного рода миссионеров, а также миграционные волны древняя религия — язычество с культом Тенгри продолжала сохраняться среди различных представителей тюркоязычного этноса.

Так, например, исследователи древних болгар полагают, что проникновение христианства в их среду связано со временем пребывания болгарских племен на Северном Кавказе (нач. VI в), но культ вождя-владыки (хана) неба и земли — Тенгри (Тенгри-хана) устойчиво сохранялось и после переселения Великой Булгарии на Дунай²⁰. Так например, в древнеболгарской надписи хана Омуртага есть упоминание верховного божества в форме Тангра²¹.

Советский археолог С. А. Плетнева, всесторонне исследовавшая кочевников южно-русских степей, отмечает, что к концу VIII в., когда в Хазарии появилась необходимость замены разнородных языческих культов всеобщей государственной религией, хазарские правители «прежде всего попытались внедрить культ единого бога неба — Тенгри хана»²².

Устойчивость бытования высшего божества среди всех известных нам ранее феодальных тюркских государств (у гушнов²³, болгар, хазар, позже половцев) обусловил переживание культа Тейри (Тенгри) и среди карачаевцев и балкарцев.

«В жизни и смерти человека волен один Тейри, — так часто говорят карачаевцы»²⁴, — замечает Н. С. Иваненков в начале нынешнего столетия. Знаток карачаевского быта Г. Ф. Чурсин, выступая на I тюркологическом съезде (Баку. 1926 г.) подчеркивал, что представление Тейри, хорошо известное древним и средневековым тюркам Средней Азии, Алтая и Монголии, на Кавказе бытует только среди карачаевцев и балкарцев²⁵.

Исследователь-кавказовед Л. И. Лавров в 1936 году зафиксировал культ Тейри среди балкарцев. Причем, обнаружив его следы среди других народов Кавказа, Л. И. Лавров пришел к твердому убеждению, что карачаевцы и балкарцы по своему происхождению восходят к тюркам, обитавшим на Северном Кавказе до нашествия монголов — кипчакам²⁶.

Неоднократно возвращаясь к конкретизации кипчакской подосновы карачаевцев и балкарцев, Л. И. Лавров, а затем Х. О. Лайпанов, Я. А. Федоров и Е. Н. Студенецкая сохранение культа верховного существа Тейри у карачаевцев и

балкарцев рассматривают как унаследованное от половцев. Именно этот факт служит для них наиболее весомым аргументом в защите кипчакской (половецкой) этногенетической гипотезы²⁷.

Этнографический материал, собранный нами, всецело подтверждает тот факт, что карачаево-балкарское представление о Тейри наделяется теми же качествами и свойствами, что и древнетюркское Тенгри — это божество всех божеств, источник и податель добра и радостей, вершитель судьбы людей. Это владыка земли и неба. Будучи наиболее архаичным божеством, как верно замечает Ф. А. Урусбиева, оно «не получило ни зооморфного, ни антропоморфного облика и наделено универсальными космическими функциями»²⁸. Точно также высшее божество древних тюрков «характеризуется как невидимое и не участвующее в повседневных обыденных событиях жизни человека»²⁹.

Как и у древних тюркоязычных предков в сохранившихся до наших дней народных преданиях, песнях, здравницах-алгышах карачаевцев и балкарцев имя Тейри выступает как «творец и податель добра и блага»³⁰

Содержание понятия Тейри у карачаевцев аналогично древним тюркам, т. е. культ неба переплетается и даже сливается, составляя одно единое целое с культом земли: «Кек Тейриси (Тейри неба) «джер Тейри» (Тейри земли). Нераздельность божеств неба и земли ясно вырисовывается в «Плаче по убитому молнией», где Тейри выступает в стихии добра «джер тейри» (тейри земли), противопоставляемого злему божеству «кек тейри» (тейри неба)³¹.

Джер тейриси сени арлу кѳргенди...
«Кек Тейриси сени эрши кѳргенди,
Небесный Тейри не возлюбил тебя,
Земной Тейри тебя полюбил...

А в «Плаче по употшему» параллельно участвуют несколько божеств — Суу Тейриси (Тейри воды), покровитель воды суу анасы (мать воды), выступающие как носители злоключения и носитель добра — Тейри земли (джер Тейриси), выступающий как более могущественный герой³².

В некоторых фольклорных текстах Тейри представлено как универсальное существо:

Тейри! Халал Тейри!
Сен отда, сен сууда,
Сен тауда, тюзде,
Сен кекде, джерде,
Сен онгда, солда.

Тейри, Милостивый Тейри!
Ты — в огне, ты — в реке (воде),
Ты — в горах и на равнине,
Ты — на небе и на земле,
Ты — справа и слева.

Тейри существо — вездесущее, всемогущее, всему начало. Поэтому-то так много сохранилось заклинаний, молитвенных формул, проклятий, связанных с именем Тейри. И среди них особое место занимает здравница «алгыш» — благопожелание, возникшее, как верно замечено А. И. Караевой, в языческой древности как гимн богу Тейри — верховному божеству³³.

Тейри онг айландырсын,
Тейри джал барсын (онг джюрютсюн)
Игиликни бери этсин,
Аманлыкны керси этсин³⁴.

Пусть Тейри проявит благосклонность,
Пусть (он) блага дарует,
Пусть Тейри даст благополучие,
Пусть (он) от зла (несчастья) избавит...!

Возникнув на заре языческого миропонимания как главная здравница — благопожелание, алгыш впоследствии мало изменил свое основное целеназначение; не утратив своего верховного героя с его именем продолжает обслуживать семейную обрядность карачаевцев и балкарцев:

Кесибиз суйген кибик
тейри этсин...
Бу жи адамны кеслери суйген кибик
тейри этсин...

(этих двух молодых людей) пусть осчастливит тейри на столько, сколько мы их любим, пусть тейри сделает такими, какими они себе хотят пожелать) — такова обычная концовка благопожелания молодой чете³⁶.

После произношения слов здравницы-гимна отправлялись на священное дело древние охотники. Обычно их благослаивали напутственными словами умудренные старцы. Они же,

произносятся слова древней здравницы (алгыш), первыми поздравляют с чашей бузы в руках молодую семью.

Имя Тейри призывали в проклятиях, при заклинаниях, клятвенных заверениях и обычных благопожеланиях. Так, и в настоящее время в быту карачаевцев и балкарцев существуют такие клятвенные формулировки и заклинания, как «Тейри бла ант этеме» (клянусь (присягаю) именем тейри), «Тейри адамы» (клянусь, дословно: тейри-человек), «Тейри, адамыча» («Тейри, по-человечески»), «Былайчыкъда ды, тейри адамы»³⁷ (Вдесь, недалеко, честное слово (клянусь)).

«Тейри де!» (Скажи, тейри), т. е. подтверди именем, честью Тейри. Другая клятвенная сторона — обычно произносит одно лишь имя «Тейри». Если же не требуется клятвенного заверения в правильности чего-либо, то говорят: «Тейри, керти айтама». (Тейри (клянусь), правду говорю).

Если же хотят заклясть злопожелание, то используют такие формулировки, как Тейри урсун (Пусть накажет (ударит Тейри), «Тейри онгдурмасын» (чтобы Тейри не благословил тебя). В очень хорошем ходу архаические формулы благопожелания «Тейри онг берсин» (Да принесет тейри удачи)³⁸, «Тейри берсин ол насыбны» (Да подаст это благо Тейри)³⁹.

Заметим, что клятвенная формула с именем Тейри имеет одну особенность: у карачаевцев в отличие от балкарцев ее употребляют представители только мужского пола, а проклятия, состоящие из слов с именем Тейри, являются характерными формулами для женского пола.

В наши дни наряду с именем Тейри параллельно бытует и мусульманская формула: «аллах бла ант этериме» (Клянусь аллахом), «Тейри, табсыз хапар айтды» (клянусь, поведал неприглядную весть), тоже самое «Аллах, аллах, табсыз хапар айтдынгда» (аллах, аллах поведал же ты неприятную весть).

На нашу многократную попытку выявить разницу в использовании имени Тейри и аллаха, наши осведомители обычно говорят, что тейри один из 99 эпитетов аллаха. Они же заявляют, что в прошлом через заклинания именем тейри карачаевцы якобы пытались достигнуть желаемого. В подтверждение приводят следующий текст заклинания (заговора) недуга людей, и домашних животных (тукюрген адет):⁴⁰

Акъ къойну башы,
Къара къойну башы,
Къалтыраукъ чѣб башы —

Барындан да тейри ашхы,
Сен муну ауруундан сакъла!

Белой овцы голова,
Черной овцы голова,
Дрожащая верхушка злака
Тейри всех милей (всем хорош) —
Сохрани его от недугов.

Магическая сила заклинания очевидна: именно слово Тейри, а не словосочетания, придают «силу» обряду, т. к. именно образу Тейри-богу, герою приписывается чудодейственная сила, величие и удачи.

В народных космогонических знаниях карачаевцев и балкарцев наряду с понятиями «солнце» (кюн) и «луна» (ай), «свет луны и солнца» (айны, кюнню джарыгъы) и по сей день бытуют выражения «Тейри джарыгъы» (свет тейри), «тейри белгиси бла» (Заря тейри), которые обозначают утреннюю и вечернюю, зарю. Тюрколог Х. И. Суюнчев, хотя и находит ограниченный круг выражений со словом тейри, но в данном словосочетании считает, что сохраняется наиболее древний оттенок своего значения «небо»: «небесный свет, божий свет».⁴¹

Термин народного календаря «Тейри джарыкъ» в смысле «свет неба» используется в современной художественной литературе. Например, в первом карачаевском романе «Черный сундук» Х. Аппаева говорится, что «Силуэт Канамата промелькнул на фоне света тейри (неба)»⁴² То же самое выражение встречается во всех современных изданиях карачаевской литературы: К. Кокмазов «Нож горда»,⁴³ Х. Байрамукова «Чолпан»⁴⁴ и т. д. Следует заметить, что в художественной литературе, как бы продолжая традиции фольклора Тейри, довольно часто употребляется в своем широком значении — в смысле верховного божества. Так, в поэме «В горах Карачая» Азрета Семенова находим следующие строки:

«Тейри ары деб, мени бери деб

Джаны тартыб, ол келгинчи къой мени», — деб, ариу айтыб, аджал мени, мен да сени сакълай — сакълай, бюгечеге джетди заман»⁴⁵

В прежнее время в Карачае и Балкарии, как и во многих местах Кавказа и сопредельных земледельческих районах, во время засухи устраивались коллективные моления вызывания

дождя, имевшие чисто магический характер. В сохранившихся до наших дней отрывках текстов заклинания имя Тейри выступает как распорядитель воды, хозяин земли и неба.

«Боз тубанла, чачакъ тубанла,
Суулагъа киригиз, тубанла.
Чыкъчыгъыз, суулагъа кириб,
Силкнигиз джитилеге миниб.

Ой Уллу Тейри, хан Тейри!
Булутланы ий, Тейри,
Джаумланы джаудур, Тейри,

Сабанларынг болсунла мал бизге,
Кёз тиймесин джер исинде бизге...

Серые туманы, лохматые туманы,
Окунитесь, тучи-туманы, в реки (воды),
Напившись воды, тучи встряхнитесь
с острых вершин,
Ой великий Тейри, хан Тейри!

Ниспошли нам тучи, тейри,
Дожди ниспошли, тейри,
Да насытятся табуны дюдюрю-лошадей, Тейри,
Пусть сабаны (пашни) нальются богатым зерном
И спаси нас от дурного глаза...

А в песне молитве-бесплодных женщин, обращенных к покровителю деторождения Байрыму (матери Марии), «богоматерь» выступает распорядителем дождя.

Но для того, чтобы магически воздействовать на божество плодородия, бездетные женщины, явившись к «священному дереву» и принося умиловительные и благодарственные жертвоприношения, сравнивают его с именем бога Тейри.

«Байрым-княгиня, дарительница добра⁴⁶,
Наделяющая землю дождем, а мужчину силой,
Верю в твою божественную силу
(Сени тейрилигинге ийнапыбма).

И эта вера освещает меня». — так говорили бесплодные женщины, посещавшие неприкосновенное («священное») одинокое дерево в Хурзуке — «Джангыз терек», которому приписывалось управление силами природы, и с которым были связаны представления о Тейри и Байрыме. Как и в религи-

озных представлениях гуннов, здесь мы, вероятно можем говорить о связи между почитаемыми деревьями и образом бога Тейри.⁴⁷

Связь карачаевского Тейри с небом и солнцем (его солярное происхождение) довольно ясно выступает в поверье, связанное с периодом летнего солнцестояния. Согласно существующего поверья, в этот период времени, если Тейри смилостивится дать кому-либо из праведных людей счастье, то последний становится очевидцем «ночи открытия дверей Тейри» (Тейри эинги ачылгъан кече). Если при виде этого явления человек сумеет высказать какое-либо желание, то просьба его якобы непременно исполняется.⁴⁸

Аналогичное поверье, бытующее у абхазцев, описано Г. Ф. Чурсиным, который отмечает, что «поверье относительно того, что небо разверзается и высказанные в то время желания исполняются, известно многим народам Азии и Европы — всем картвельским народам, азербайджанцам, карачаевцам, аварцам, армянам, осетинам, персам, чувашам, румынам, сербам и т. д.»⁴⁹ Но, в отличие от других народов, у карачаевцев и балкарцев поверье связано с представлением о Тейри как о боге неба и света.

«Божеские двери» (двери Тейри) упоминаются и в старинной карачаевской песне «Къаншаубий», имеющей прямые сюжетные параллели у кабардинцев-черкесов, и в современной песне, повествующей о социалистических преобразованиях:

«Бизге Тейри эинги ачылды,
Хурмет бизге чачъылды...»

Нам открылись двери Тейри, и все блага нам рассыпались..., — поется в песне «Новая жизнь».

Г. Ф. Чурсиным первым также было замечено, что радугу карачаевцы называют не иначе, как «саблей Тейри» (Тейри къылыч). Легенда, записанная Г. Чурсиным, гласит, что согласно космогоническим воззрениям карачаевцев, если женщина перепрыгнет через «Тейри къылыч», то она якобы, превратится в мужчину.⁵⁰

Современный балкарский фольклорист А. И. Холаев также отмечает, что «балкарцы и карачаевцы и ныне называют радугу «Тейри къылыч».⁵¹ Подтверждением сказанного служит балкарский вариант «партовского выражения»: Тейри къылыч-кибик, не арнуса (Красивый (красивая) словно радуга-меч Тейри).⁵²

Будучи верховным божеством, Тейри в ряде случаев властно вторгается в волеизъявления некоторых божеств, находясь на иерархической ступени меньшего почета. Трагическая история легендарного охотника Бийнегера связана с «проклятием» красавицы Фатимы, дочери божества охоты и дичи — Апсаты.

За то, что ненасытный Бийнегер уничтожил много дичи, дочь Апсаты, покровительствуемая не только божеством-матерью, но и Тейри, погубила жизнь охотника.⁵³

Традиция поклонения богу Тейри у карачаевцев и балкарцев нашла свое отражение и в таких формулах, как: «Эки тели бир болсала Тейри зауьун (кююн) кёрюле» (Если два глухца сойдутся, то они увидят день Тейри, т. е. будут блаженны) или «Эки тели бир болсала Тейри эшги ачылыр» (Если два дурака сойдутся, то для них раскроются двери Тейри, т. е. они будут безмерно счастливыми).

«Эл ашагъан эмегден, эл тейриси кючлюдю» (Тейри селения сильнее дракона (эмегена), пожирающего селение). Пословица эта обычно употребляется для характеристики человека, который пользуясь своим положением, действует в ущерб обществу, коллективу.

Фразеологические сочетания: «Джарлыгъа тейри эшик ачылса, мал татымаз» (Если перед бедняком раскроются двери Тейри, то ему не насытиться. «Тейри бла тамада кирди» (Тейри и тамада одно и то же, т. е. власть: тамады (старшего, главы) равносильна власти Тейри) емко характеризуют далекую патриархальную жизнь горцев. Интересно и следующее выражение из скотоводческого быта «Мал тейриси — адамды» (Тейри для скотины — человек).

Следы культа неба как сферы обитания верховного божества можно проследить и в следующих фразеологизмах-поговорках: «Кёстени кек тейриге сыйымайды» (Высокомерие не уменьшается (не подчиняется) небесному Тейри); «Тели кьоркьканы Тейри урур». (Безрассудно струсившего накажет Тейри); «Тейри бир джауар, терек эки джауар» (Тейри (небо) навалит бедков один раз, а с дерева посыпится дважды), «Маллы бокьну Тейри урду, малсыз бокьля кюн тууду» (Скотовладельца наказал Тейри, а для не имеющего скота засияло солнце). Так обыкновенно говорили скотоводы во время зимних или ранневесенних непогожих дней. Во всех этих словосочетаниях Тейри выступает в виде синтеза всех астральных представлений карачаевцев и балкарцев. А фразеологическое сочетание «Гитче Тейри кьар

джауар» (Идет снег — малый Тейри) служит отражением давней этнокультурной связи карачаевцев и балкарцев с древнетюркской мифологией.

Имя Тейри отражается и в загадках. Например, в загадке о деревянной лопате говорится: «Бир замаида терек эдим, сау элге керек эдим, Тейри урду да туар бокьгъа джыкьды» (некогда был деревом, нужным всему селению, рассердился (ударил) Тейри и повалил на коровий навоз).

Несколько ослабленной обрядовая сторона выступает во фразеологизмах типа — «Хо, Тейри» (клятвенное утверждение чего-нибудь), «огъай, тейри» (категорический отказ в смысле нет, ей богу), «Къайдам тейри» (сомнительное утверждение, требующее проверки), «Тейри барыrsa» (Тейри, пойдёшь) и т. д.

Определенный интерес представляют ономастические и топонимистические термины со словом Тейри. Так, в Карачае, в ущелье Худес урочище носит название «Тейри» (къул) тюбю», там же имеется «Тейри къол» (ущелье Тейри, букв: «рукав Тейри»), приток реки Худес — «Тейри къул тюбю», там же — «Тейрикъул къышлыгъы» (Зимовник Тейрикул). Аналогичного рода словосочетание с именем Тейри зафиксировано в горах Осетии — «Тешгирцау» (Небесная гора).⁵⁴

В старинных народных песнях и в современном быту часто встречаются имена «Тейрикъул» (раб Тейри), «Тейри къыз» (дочь Тейри).

«...Окъ тийгенди джарлы Алини бутуна,
Башчы къызы менден ичли къалгъанды,
Ол джаш табмай, къыз табса,
Итле чачсышла атам Тейрикъулу
Толу джуртуна...

Пуля сразила бедного Алия,
Дочь Башчы осталась в положении,
Если родит она дочь, а не сына
Отца Тейрикула полное хозяйство
Да испоганят дворовые собаки.

Заметим также, что народная этимология возводит фамилию Тейриболатовых к словосочетанию «Тейриболады» (Клянуть, сбудется).

И, наконец, к числу древних обрядовых фразеологизмов относится оборот с именем Тейри: «Да пошлет вам Тейри много овец» (Тейри кѣб берси!), связанный с хозяйственной

практикой горца — пастуха. Как показывают полевые записи, овцеводы практиковали обычай коллективной стрижки овец. При завершении стрижки стригали хором произносили: «Да подадут нам овец!» Вместо ожидаемого ответа, что овец, предназначенных к стрижке, больше нет, другая часть работников отвечала: «Да пошлет вам Тейри много овец!» Чтобы ублажить божество Тейри скотоводы всячески избегали выражения «Нет больше в стаде овец». Из табунистических соображений полагалось произносить формулу «Тейриге табула болсун!» (Табу Тейри!).

Итак, систематизация материалов, связанных с почитанием Тенгри (Тейри) в Карачае и Балкарии, позволяет сделать некоторые выводы общего характера.

1. Реликтовые данные о почитании древнетюркского верховного божества среди карачаевцев и балкарцев лишены раз подтверждают древнетюркскую основу этих народов. Карачаевцы и балкарцы не заимствовали, а унаследовали тюркскую мифологию в ее древнетюркской этнокультурной среде.

2. Для нас остаются резонным указания Г. Ф. Чурсина и Л. И. Лаврова, что культ Тейри «не имеет существенных аналогий в религиозных верованиях других народов Кавказа»⁵⁵, т. к. нами выявлены лишь фрагментарные сведения о бытовании Тенгри у ногайцев, кумыков и азербайджанцев⁵⁶.

У карачаевцев и балкарцев слово «Тейри» употребляется в значениях «неба» и «божества». Рудименты древнетюркского верховного божества прослеживаются во всех жанрах фольклорного наследия карачаевцев и балкарцев: это гимно-молитва охотников, заклинания и клятвенные формулы скотоводов и земледельцев, проклятия и здравницы мужчин и женщины, табу, поговорки, пословицы и загадки, космогонические и топонимические словосочетания — весь комплекс хозяйственно-культурного мира человека.

3. Соотношение приводимого нами материала о языческом божестве Тейри к определенному протокарачаево-балкарскому пласту всецело зависит от дальнейшего комплексного изучения различных видов источников и окончательного решения проблемы этногенеза карачаево-балкарского народа.

В свою очередь, дальнейшее изучение «Тейри» — тенгрианской религии — в Карачае и Балкарии даст больше новых материалов для детализации этого сложного вопроса.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ О происхождении балкарцев и карачаевцев (в дальнейшем—МНС). Нальчик, 1960.

² Л. И. Лавров. Из поездки в Балкарию. СЭ, II, 1939, с. 176—181; его же. Эпиграфические памятники Северного Кавказа XVIII—XIX вв., ч. II. М., 1968, с. 127—133; его же. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. КЭС. М., 1969, вып. IV, с. 106—107.

³ Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIV вв. Нальчик. 1974, с. 245.

⁴ Журнал «Советская тюркология», 1974, № 1, с. 59.

⁵ В. В. Радлов. Опыт словаря древнетюркских наречий, т. 3, ч. 1. СПб., 1905, с. 832, 1043, 1044, 1048.

⁶ Ф. Симокатте. История. М., 1957, с. 161; М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, с. 188, 187.

⁷ В. В. Радлов. Опыт словаря древнетюркских наречий, т. 3, ч. 1. СПб., 1905, с. 832, 1043, 1044, 1047, 1048; «Тюркологический сборник». М., 1971, т. I, с. 214; Х.-М. И. Хаджилаев. Очерки по лексикологии карачаево-балкарского языка. Черкесск, 1971, с. 62; Л. П. Потапов. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969, с. 7, 149, 189—190; С. М. Абрамзон. Киргизы. Л., 1969, с. 290—293.

⁸ М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, с. 187.

⁹ История агван Моисея Каганкатваца. СПб., 1861, с. 88.

¹⁰ История агван Моисея Каганкатваца. СПб., 1861, с. 193, 200; М. Г. Магомедов. К вопросу о «веротерпимости» хазарского каганата. Х Крупновские чтения. М., 1980, с. 47; Л. Б. Гмыря. Языческие культы у гуинов Северо-Восточного Кавказа. Там же, с. 42—44.

¹¹ Л. Н. Гумилев. Древние тюрки. М., 1967, 78.

¹² Прокопий из Кесарий. Война с готами. М., 1950, с. 407; Агафист. О царствовании Юстиниана. М.-Л., 1953, с. 163—164.

¹³ Е. П. Алексеева. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., «Наука», 1971, с. 169; П. В. Денисов. Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей. Чебоксары, 1969, с. 15.

¹⁴ Б. Е. Кумекоев. Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972, с. 109—110; Документы на половецком языке XVI в. М., 1967, ч. III, с. 140.

¹⁵ В. П. Дьяконова. Культ природы у тувишцев. — «Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР», 1972—1973. Л., 1974, с. 172.

¹⁶ Л. Н. Гумилев. Древние тюрки. М., 1967, с. 78; И. В. Стеблева. К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы. — «Тюркологический сборник», 1971. М., 1972, с. 215.

¹⁷ Ц. Д. Номханов. Материалы к изучению истории калмыцкого языка. М., 1975, с. 40.

¹⁸ Караниско-русско-польский словарь. М., 1974, с. 511.

¹⁹ Веселин Бешевлиев. Врата на първобългарите. София, 1939, с. 34.

²⁰ Геза Фехер. Культурата на брабългарите. София, 1929, с. 46.

²¹ С. А. Плетнева. «Исчезнувшие народы». Хазары. — «Природа», 1980, № 1, с. 68; ее же. От кочевий к городам. М., 1967, с. 178.

²² В данном случае имеется в виду государственное образование у гуинов на территории нынешнего Дагестана.

²⁴ И. С. Иваненков. Карачаевцы. — «ЮЛИКО». Екатеринодар, вып. V, 1912, с. 53.

²⁵ Г. Ф. Чурени. Ближайшие задачи этнографического изучения кавказских тюрков. I Всесоюзный тюркологический съезд (стенографический отчет). Баку, 1926, с. 73.

²⁶ Л. И. Лавров. Из поездки в Балкарию, с. 177—181; его же. Происхождение балкарцев и карачаевцев. — «Краткие сообщения института этнографии». М., 1959, вып. 32, с. 5—6; его же. Этнографические памятники Северного Кавказа, ч. II, с. 130.

²⁷ Л. И. Лавров. О некоторых этнографических данных по вопросу происхождения балкарцев и карачаевцев. — «О происхождении балкарцев и карачаевцев» (МПС), с. 64—65; его же. Этнографические памятники Северного Кавказа, ч. II, с. 130; его же. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в., с. 70—71, 108; Х. О. Лайпанов. К истории карачаевцев и балкарцев. Черкесск, 1957, с. 19—20; Я. А. Федоров. Половецкое наследие в Приэльбрусье. — «Кавказ и Восточная Европа в древности». М., 1973, с. 223; Я. А. Федоров, Г. С. Федоров. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978, с. 272; Карачаевцы. Черкесск, 1978, с. 273.

²⁸ Ф. А. Урусбиева. Карачаево-балкарский фольклор. Черкесск, 1979, с. 10.

²⁹ Н. В. Стеблова. К реконструкции древне-тюркской религиозно-мифологической системы. — «Тюркологический сборник», 1971. М., 1972, с. 214; Здесь же см. отечественную и зарубежную литературу по тюркской религии. Указ. соч., с. 213—215. См. также С. М. Абрамзон. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971, с. 290—293.

³⁰ Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XVI—XIX вв. Пальчик, 1974, с. 245; Х. О. Лайпанов. К истории, с. 20; Л. И. Лавров. Карачай и Балкария, с. 71, др. работы; А. Н. Караева. О фольклорном наследии карачаевцев и балкарцев. Черкесск, 1961, с. 27; А. З. Холаев. Карачаево-балкарский партецкий эпос. Пальчик, 1974, с. 68; Ф. А. Урусбиева. Карачаево-балкарский фольклор, с. 11.

³¹ Ф. А. Урусбиева. Карачаево-балкарский фольклор, с. 11

³² Ф. А. Урусбиева. Карачаево-балкарский фольклор, с. 11

³³ А. Н. Караева. О фольклорном наследии карачаево-балкарского народа, с. 27; ее же. «Фольклор», в книге «Карачаевцы». Черкесск, 1978, с. 315; А. З. Холаев. Карачаево-балкарский партецкий эпос, с. 69; Х. О. Лайпанов. К истории карачаевцев и балкарцев, с. 21.

³⁴ Старинные карачаевские песни. Микоян-Шахар, 1940, с. 78—79; Антология карачаевской поэзии. Ставрополь, 1965, с. 33—34.

³⁵ Х. О. Лайпанов находит, что культ тейри записан в Карачай и Балкарию половцами (кипчаками) и приводит свой вариант молитвенной речи, который был записан им в конце 30-х годов нашего столетия:

«тейри пусть благословит,
тейри пусть от несчастья избавит,
тейри пусть счастье нам дарует,
тейри пусть даст нам дорогу счастливую,
кто произнесет имя тейри, пусть скажет амин».

См. его раб. «К вопросу о происхождении карачаевцев и балкарцев».

³⁶ А. Н. Караева. О фольклорном наследии..., с. 27; А. З. Холаев. Карачаево-балкарский..., с. 69; Очерки истории балкарского народа. Пальчик, 1961, с. 177; Р. Ортабаева. Карачаево-балкарские народные пес-

- ни. Черкесск, 1977, с. 34—36, 38; Къарачай халкъ джырла. М., 1969, с. 51—56.
- ³⁷ А. Тепиев. Рум тауу, — Газ. «Коммунизмге жол», 1979, 11 января.
- ³⁸ А. И. Холаев. Карачаево-балкарский..., с. 69.
- ³⁹ А. И. Караева. О фольклорном наследии..., с. 25; Къарачай халкъ джырла. М., 1969, с. 55.
- ⁴⁰ Пенильный текст этого заговора впервые публикует Ф. А. Урусбиева. Указ. соч., с. 12.
- ⁴¹ Х. И. Суюнчев. Карачаево-балкарские и монгольские лексические параллели. Черкесск, 1977, с. 48.
- ⁴² Х. Аппасев. Черный сундук. Черкесск, 1960, с. 254 (на карач. яз.).
- ⁴³ К. Коркмазов. Нож горда. Черкесск, 1970, с. 76, 163 (на карач. языке).
- ⁴⁴ Х. Байрамукова. Чолпан. Черкесск, 1970, с. 212.
- ⁴⁵ А. Семенов. Руки матери. Черкесск, 1964, с. 68 (на карач. яз.).
- ⁴⁶ Ф. А. Урусбиева. Карачаево-балкарский фольклор, с. 18, 21; Л. И. Лавров. Из поездки в Балкарию, с. 17; Историко-этимологический словарь осетинского языка. М., 1973, т. 2, с. 67.
- ⁴⁷ Х. Крупновские чтения. М., 1980, с. 44, 47.
- ⁴⁸ И. М. Шаманов. Народный календарь карачаевцев. СЭ, 1971, № 5; то же. В ст. «Из истории Карачаево-Черкессии», вып. VII. Черкесск, 1974, с. 318.
- ⁴⁹ Г. Ф. Чурсин. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1957, с. 156.
- ⁵⁰ Г. Ф. Чурсин. Обычай и предрассудки карачаевцев (отношение к женщине). — «Кавказ», 1903, № 24.
- ⁵¹ А. И. Холаев. Карачаево-балкарский нартский эпос, с. 69.
- ⁵² Малкъар нарт сёзле. Пальчик, 1965, с. 189.
- ⁵³ Х. О. Лайлапов. К истории карачаевцев и балкарцев, с. 35. Антология карачаевской поэзии, с. 43—45.
- ⁵⁴ А. Д. Цагаева. Топонимия Северной Осетии. Орджоникидзе, 1971, с. 151.
- ⁵⁵ Г. Ф. Чурсин. Ближайшие задачи этнографического изучения..., с. 72—73; Л. И. Лавров. Эпиграфические памятники Северного Кавказа XVIII—XIX вв., ч. II. М., 1968, с. 130.
- ⁵⁶ А. Сикалиев. Если спросите, сною (на погайском языке). Черкесск, 1971, с. 92. В. М. Жирмунский. Тюркский героический эпос. Л., 1974, с. 269, 270, 274, 294.

ПОЧИТАНИЕ ОГНЯ (МАФИЭ) И ДОМАШНЕГО ОЧАГА (ЖЬЭГУ) У АДЫГОВ

Почитание огня восходит к древнейшей эпохе существования человеческого общества, но его пережитки дожили почти-что до наших дней, несмотря на те колоссальные преобразования, которые произошли в жизни народов СССР за годы строительства развитого социалистического общества. Даже сегодня в адыгских регионах Северного Кавказа можно встретить отдельные семьи, которые по определенным дням отказываются давать огонь из очага своим соседям или же спички, чтобы прикурить их знакомым лицам. Соблюдают этот запрет большей частью пожилые мужчины и женщины, чьи детские и юношеские годы прошли в семьях с патриархальным укладом, в рамках строгих адатных норм «адыгэ хэбзэ» (адыгский этикет).

О почитании огня адыгами в далеком прошлом свидетельствует фольклор и прежде всего его наиболее древние пласты. В действиях таких персонажей как Тленш, Сосруко, Насырей Жаче, Батраз и других любимых героев народа четко видны следы почитания огня. «В Сосруко, — пишет А. Шортанов, — можно усматривать своеобразный символ огня и металла. И рождение его из камня, и закалка (после которой он становится «железным»), и похищение огня, наконец, его гибель от железного колеса-джан-шерха — все это с большой очевидностью говорит в пользу такой трактовки этого образа».¹

Культ огня особенно ярко выражен в таких фольклорных текстах, как «Сказание об огне» и в цикле «О Машуке-охотнике». В первом тексте повествуется о том, как адыги почитали огонь и очаг, и какие обряды были связаны с ними². Во втором прослеживается не только культ огня, но и культ-

ты Солнца, грома, земли и металла. В нем говорится, что Машуко родился от Солнца и грома, а нашел его Карданов в раскаленном состоянии на горе Машук в районе Пятигорска. Через двенадцать лет Машуко стал знаменитым охотником и охотничьим промыслом он начал заниматься в окрестностях Машука. С каждым днем он возвращался в аул Джетежовых с огромной добычей. Кроме охотничьего сырья он еще приносил в аул благородные металлы, добывая их у подножья горы. Вскоре жители села разбогатели, но вместе с тем и сыновья владельца аула сделались непристойно жадными и ленивыми. После очередной охоты Машуко, возвращаясь домой увидел, что братья Джетежовы не могут поделить между собой благородные металлы и горячие источники. И в этой связи Машуко покинул аул и навсегда ушел в тот лес, где его когда-то обнаружил Карданов. С его уходом Джетежовы вскоре обеднели и они вынуждены были вместе с подданными покинуть Пятигорье.³

В отдаленную эпоху адыги, как и другие народы мира, весьма почитали огонь, очаг и предметы очажной принадлежности. Как известно, добывание огня и его сохранение в прошлом были связаны с огромной затратой человеческого труда. Получали его трением двух деревянных палочек, а также с помощью огнива. Последний раз адыги добывали огонь трением двух палочек в 1928 г. для использования его в магическом обряде. Через костер, зажженный таким способом, прогоняли в прошлом скот, чтобы оградить его от заболеваний во время эпидемий.⁴ Такой обряд бытовал и у других народов Кавказа, и в частности у абхазов. По словам Н. Джанашия «при появлении мора животных абхазы тушат все огни и раздобывают священный огонь; потом разводят большие костры, между которыми проводят всех домашних животных и людей. Священный огонь добывается трением сухих фундуковых палочек, причем при трении поют несплю огня. Все должны развести у себя дома вновь огонь от этого священного огня, для чего каждый берет по головешке»⁵. В этих же целях у адыгов практиковался и другой способ, но не связанный с огнем. Весь сельский скот прогоняли сквозь земляные врата, возникшие естественным путем под воздействием природных явлений или же через оголенные отверстия корней многовековых деревьев. Аналогичный обряд был также известен абхазам, карачаевцам, волжским татарам и их соседям — чувашам, бурятам, якутам и жителям русского

населения Вологодской, Воронежской, Нижегородской, Тульской и других областей.⁶

Особенно священными считался огонь, возникший в результате удара молнии. Им обычно каждая семья старалась развести в своем очаге «небесный» огонь, погасив горящие угли от прежнего «земного» огня.

В очаге дома адыги поддерживали огонь постоянно и ответственным лицом за его горение являлась самая старшая хозяйка семьи, а для этого мужчины обязаны были регулярно обеспечивать ее необходимым топливом. В старину хозяйкой дома признавали ту, у которой ни разу не погас огонь в очаге. Относительно таких женщин говорили: «Ей а фызыр и гъащы!эм маф!э мысэхъущ, абы пэхъун щы!э?» (букв. Ей, (обращение) у этой женщины за всю жизнь не погас огонь, разве кто может с нею равняться?)

Огонь в очаге считался символом жизни и благополучия семьи. И в этой связи в их среде бытовал ряд обычаев. В честь невесты, например, в новобрачной комнате (лэгъунэ) свекровь разжигала огонь. При этом она, обращаясь к невесте, говорила: «Мысэхыжыр — ум маф!эу, мужьыхыжыр — уи жьэгуу, у жьэгур нэхурэ хуабэу, гъави ягъави ущымышц!эу тхъэм унгъэпсэу, си т!аса!» («букв: не угасая твой огонь, не угасая — твой очаг, очаг твой светился бы и теплился, не пуждаясь в несваренной и сваренной пище, чтобы бог дал тебе жизнь, моя таса!») После свадьбы возле очага также совершался специальный обряд «!анэгъэудж» в честь принятия невестки в «род» новобрачного⁷.

Кроме того, если в течение года в очаге не погас огонь, каждая адыгская семья совершала жертвоприношение (тыхъ). Устраивали его в день наступления нового года — 21 марта. Этот день у предков адыгов считался одновременно и праздником вечного огня, и праздником первого дня нового года. По случаю этих общественных праздников совершали два обряда, носившие названия: «маф!ащхъэ тыхъ» и «маф!ащхъэ джэдк!э».

В день праздника тамада стола, обращаясь к собравшимся на торжестве, обычно говорил:

Ди маф!ащхъэ мысэхыжу,
Ди жьэгулащхъэ мыужьыхыжу,
Гъанэрэ ягъавэрэ дышымышц!эу,
Ди жьэгур-нэхурэ хуабэу,
Ет!анэгъэ п!алъэ тхъэм
дынгъэе!

Чтобы наш огонь не погас,
Чтобы наш очаг не погас,
В урожай и в пище не имел
недостатка
Пусть бог даст, чтобы мы дожили
до следующего года

Почитание огня адыгами нашло отражение и в уже теперь забытом народом приветственном выражении. В далеком прошлом адыги обычно обращались друг к другу с таким приветствием: «МафЮхъу апыщий!» (букв, Чтобы твой огонь горел).⁸

Огонь в очаге использовали не только для приготовления пищи и обогрева, но и в качестве освещения. Освещали жилище пламенем древесной сосны (уздыгъсый). Адыги различали два вида сосны, обычная сосна и черная сосна (уздыгъсый фЮццэ). Предпочтение отдавали черной сосне, поскольку ее головешки горели более ярко и дольше. Зажженную головешку черной сосны у очага, обычно вставляли в так называемую «пхъакъуэкцэ» и ею освещали то помещение, где предстояло завершить срочную работу.

Угасание огня в очаге считалось дурным предзнаменованием. Свидетельством тому являются сохранившиеся в народе такие слова-проклятия, как: «Зи жьэгур ужьыхьжын» (букв: чтобы в вашем очаге погас огонь), «зи мафЮащхэр сэхьжын» (букв в смысле: чтобы ваш огонь погас, да вымрет весь дом твой), «зи жьэгум псы ирагъэжыхьжын» (букв: чтобы ваш очаг облили (ополоснули) водой). Аналогичные проклятия бытовали и у абхазов.⁹

С очажным огнем адыги обращались с предельной осторожностью. Горящие угли поправляли в очаге специальными щипцами (пэрыцэбэ). На огонь не разрешали плевать, выливать грязную воду, а в случае крайней необходимости гасили его только чистой водой малыми дозами. Из очага золу также выгребали совком осторожно, что свидетельствовало о почитании остатков сгоревшего топлива, наряду с огнем. Кроме того, золу нельзя было выбрасывать где попало. Ее, как правило, высыпали в одно и то же место. Поэтому обязательной принадлежностью общего пейзажа адыгских дореволюционных усадеб являлись небольшие возвышения, возникшие в результате многолетних скоплений золы на определенном месте. В народе такие возвышения были известны под названием «яжьэ Гушхъэ» (букв: зольный бугор).

Золу повсеместно применяли в качестве магического действия против детских заболеваний. Древесным углем мазали лоб ребенку, чтобы «не сглазили», лечили при запорах и т. п.

С огнем они связывали не только благополучие семьи, но через него по их понятиям можно было «нанести» и определенный вред своему недоброжелателю. Для этого прибегали к помощи знахарей. С этой целью последние сжигали на огне

ногти и волосы того человека, против которого был направлен данный обряд. Огонь применяли также для «наказания» воров-рецидивистов: сжигали на нем высушенную на солнце жилу волка. По их представлению после совершения этого обряда, у воров должны были стянуться сухожилия наподобие жилы волка при сгорании.

Адыги, весьма почитая огонь, в то же время строго требовали от детей и подростков обращаться с ним осторожно, но им все же разрешали разжигать огонь и поддерживать его горение на приусадебных участках во время наступления теплых осенних и весенних дней. Вместе с тем при активном участии детей и взрослых каждое лето исполняли обряд «очищения» путем перепрыгивания через горящие костры на приусадебных участках. «У горцев, — отмечал Л. Люлье, — существует еще обычай прыгать через огонь, как у русских на Ивана Купала. Это бывает летом. Прыгающие через огонь просят Марием о прощении грехов, и после этого почитают себя уже очищенными от них»¹⁰ Марием считалась покровительницей пчеловодства. Культ Марием носил земледельческий характер и в ее честь ежегодно устраивали праздник после завершения уборки урожая.¹¹

Обряд очищения в прошлом существовал у абхазцев, грузин, лакцев, армян и у других народов Кавказа. «Очищение перепрыгиванием через огонь — один из самых распространенных обычаев не только на Кавказе, но и во многих странах Европы и Азии», — отмечал в свое время известный кавказовед Г. Ф. Чурсин.¹²

Как говорилось выше, по определенным дням адыги не давали огонь своим соседям и этот запрет распространялся на всю фамилию рода. Однако встречались отдельные двory, которые вообще не могли давать огонь соседям, поскольку у них когда-то произошел пожар, но и они в свою очередь, не могли себе позволить брать огня у своих соседей¹². Этот обычай вновь начал стихийно возрождаться в аулах в тяжелые годы Великой Отечественной войны, но вскоре же исчез из быта большинства населения в процессе улучшения материального благосостояния народа в первые годы послевоенных пятилеток.

Огонь и очаг предки адыгов рассматривали как единое целое. Поэтому все предметы домашнего обихода, которые были непосредственно связаны с огнем и очагом они воспринимали через призму почитания. В силу этого в жилом комплексе священной частью считали ту комнату, в которой рас-

полагался очаг с плетеным дымарем. «У всех горцев Кавказа, — отмечал М. Ковалевский, — очаг и связанные с ним предметы, как то: котел и цепь, к которой он привешен, в большей и меньшей степени считались предметами священными и символически выражают собою семейное единство».¹⁴

Очаг в доме настолько почитался адыгами, что они давали клятву именем очага и этому строению жилого помещения ежегодно приносили жертву — «жъэгупащхъэ тыхъ» (букв: жертва в честь очага), Клятвы состояли из следующих выражений: «Тхъагуэ мыр зи жъэгупащхъэу нэху!» (букв: бог ты мой, именем этого светящегося очага!); «Тхъэгуэ мыр зи къан лъахъш!» (букв: бог ты мой, именем надочажной цепи!). По старым обычаям к очажным предметам не все могли прикасаться. «Никто, — писала А. Кунина, — кроме хозяйки дома, не имел права вешать котел на очажную цепь и приготавливать пищу. Когда сын женился и невестку вводили в дом, она получала право дотрагиваться до очаговой цепи только после совершения известных обрядовых церемоний. Когда старуха-хозяйка не в состоянии была больше справляться с домашней работой, она ее передавала жене старшего сына, которая после этого одна могла вешать котел на цепь и готовить пищу».¹⁵

Очаг считался символом единства как больших, так и малых семей. При разделе имущества между братьями большой патриархальной семьи, предметы очажной принадлежности не входили в число вещей, подлежащих разделу. Они как правило оставались в доме основателя рода и тем самым подчеркивалась общность и неприкосновенность старого семейного очага. «Дом, где не было надочажной цепи, называли «хэ-кужъ», т. е. бесследно исчезнувший»¹⁶. Оскорбление родового очага и надочажной цепи могли привести к кровавой мести.

Почитание очажных предметов настолько было велико в обществе, что даже вещи, которые оказывались до предела изношенными, и то не подлежали уничтожению. Их обычно хранили как семейную реликвию.

Становление семьи и семейных отношений в прошлом непосредственно было связано с основным и священным местом жилого дома — очагом. От очага человек начинал познавать окружающий мир, историю своего рода и народа, семейные обряды и духовную культуру. В прежних адыгских жилищах очаг служил лишь для приготовления пищи и сколько бы комнат в них не числилось, по традиции полагалось иметь

только один очаг для всей семьи. Жилища имели продолговатую форму и они обычно состояли из двух и более комнат. Такое жилище условно делилось на две части. В одной — большой комнате (унэшхуэ) жили родители и их дети, в другой (лэгьунэ) — новобрачные или взрослые дети. Каждая комната имела отдельный выход.

В жилом комплексе, состоявшем из трех и четырех комнат, наибольшим почетом пользовалась унэшхуэ, в которой размещался очаг. Она в доме всегда занимала правую сторону и к ней не разрешали пристривать новое помещение. Дом можно было увеличить только путем пристройки с его левой стороны, если в этом была крайняя необходимость. Унашхуэ по сравнению с остальными комнатами была значительно больше по площади, отчего, по-видимому, она и получила такое название (большой дом). В этой половине дома проводил день глава семьи, его супруга, их дети и внуки. Здесь готовилась пища над открытым очагом и члены семьи поочередно ели за обеденным столом.

В конце XIX в. с проникновением капиталистических отношений старая традиционная планировка жилищ стала изменяться. В этот период адыги начинают увеличивать площадь жилого дома путем пристройки помещения и с правой стороны. Однако, по-прежнему продолжали почитать унэшхуэ с его очагом. Огонь разводили на глинобитном полу. Плетеный дымарь (уэижакъ) обычно возводили одновременно со стенами дома. Широкий дымарь, не доходивший до пола на 80 см, сверху постепенно сужался и возвышался над крышей на 60—70 см. Крепился дымарь на потолочной балке, внутри и снаружи обмазывали глиной. Посередине дымаря делали перекладину, на которую подвешивали на цепи котел. Позже стали делать дощатые дымари четырехугольной формы, также расширяющиеся книзу и сужающиеся в верхней части. В некоторых домах для сидения у очага устраивали небольшое глинобитное возвышение вдоль стен.

В конце XIX— начале XX вв. под влиянием русского населения богатые адыги стали строить деревянные дома на каменном фундаменте, крытые черепицей или железом. В домах появились большие застекленные окна, потолки, одностворчатые двери на железных петлях, застекленные веранды, русские кирпичные печи и даже деревянные полы. Однако адыгский очаг с дымарем стойко продолжал бытовать в домостроительной архитектуре до 50-х годов XX века. Накануне революции печи начали ставить в комнатах для молодого

женов, но не в унашхуэ. Интересно отметить, что печи первоначально служили только для отопления, а пищу продолжали готовить в унэшхуэ, где старики.

В жилищах, построенных в предвоенные годы, обязательно устраивались потолок и печи, а очаг с открытым дымарем постепенно переместился в помещение, предназначенное под летнюю кухню (пцафланшэ).

А в первые послевоенные годы в адыгских селах постепенно исчезают дымари и вместо их в кухнях начинают ставить печи с плитами.

На протяжении XX в. в процессе радикальной перепланировки жилого дома и отопительной системы менялся взгляд адыгов на старый традиционный очаг с его сопутствующими предметами, которые в конечном итоге привели к забвению обрядов, связанных с почитанием очага и огня.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Нарты. Адыгский героический эпос. Главная редакция восточной литературы. М., 1974, с. 19.

² Адыгэ IуэрыIуатэхэр. Къэбэрдей-Балккэр тхыль тедзапэ. Налшык, 1963, с. 84.

³ Адыгэ IуэрыIуатэхэр, с. 97, 98.

⁴ А. Кунина. Семейные обычаи и обряды шапсугов. «Религиозные пережитки у черкесов-шапсугов». Материалы шапсуговской экспедиции 1939 г. М., 1940, с. 8.

⁵ Н. Джанашия. Абхазский культ и быт. «Христианский Восток», т. IV. М., 1917, с. 174.

⁶ Г. Ф. Чурсин. Материалы по этнографии Абхазии. Абхазское государственное издательство. Сухуми, 1956, с. 65.

⁷ М. А. Меретуков. Культ очага у адыгов. Ученые записки Адыгейского НИИ, т. VIII (этнография). Майкоп, 1968, с. 305.

⁸ Адыгэ IуэрыIуатэхэр, с. 84—85.

⁹ Г. Ф. Чурсин. Указ. соч., с. 64.

¹⁰ Л. Я. Люлье. Черкесия. Историко-этнографические статьи. Краснодар, 1927, с. 32.

¹¹ Л. И. Лавров. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев. Труды института этнографии. Новая серия, г. II, «Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований». М., 1959, с. 221.

¹² Г. Ф. Чурсин. Указ. соч., с. 66.

¹³ А. Кунина. Указ. соч., с. 8.

¹⁴ М. Ковалевский. Законы и обычаи на Кавказе, т. I. М., 1980, с. 38.

¹⁵ А. Кунина. Указ. соч., с. 9.

¹⁶ М. А. Меретуков. Указ. соч., с. 305.

ИЗ НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЫ АБАЗИН

В настоящее время проводится систематическое этнографическое изучение абазин. Однако, остаются вне поля зрения вопросы, посвященные изучению народной медицины. Несмотря на перестройку, которая происходила после установления Советской власти, у абазин долгое время сохранялось многое из дореволюционного быта. Особую устойчивость обнаруживало знахарство, задачей которого было определение болезни и способы лечения.

Отдавая отчет о том, что для всестороннего освещения вопроса по народной медицине необходимо привлечение материала по т. н. лечебной магии, мы в настоящей статье главный упор делаем на лечение болезней гомеопатическими народными средствами. Опыт народной медицины — фитотерапия, т. е. лечение растениями привлекает в настоящее время пристальное внимание ученых-медиков. Несмотря на появление в арсенале лечебных средств современного врача многих антибиотических и синтетических веществ, интерес к лекарственным растениям не исчез. Современными медиками лечение растениями рассматривается как древнейшая и перспективная терапия, вполне соответствующая требованиям медицины¹

На лекарственные растения, прорастающие на территории Карачаево-Черкесии в последнее время обратили внимание некоторые исследователи. Так, в 1963 г. вышла книга «Лекарственные растения Карачаево-Черкесии»². В книге дается обзор лекарственных растений, приводятся материалы по районированию и т. д. В 1975 г. вышел «Словарь названий растений» (на черкесском языке)³. В «Словаре» около 1000 названий растений, которым дается перевод на русском »

латинском языках, их краткое описание с иллюстрацией отдельных видов, характеристика хозяйственного значения. Автор не ставил своей задачей исследование растений с точки зрения их применения для медицины и потому ограничивался лишь констатацией факта, что те или иные растения находили применение в медицине.

В основу данной статьи положены полевые материалы, собранные нами в течение 1970—79 гг. в абазинских селениях Карачаево-Черкесии⁴.

В народной медицине абазии нашло отражение многовековой опыт лечения и предупреждения различных заболеваний. К сожалению, нам не удалось восстановить названия многих целебных растений, из которых готовились лекарства. В народной памяти названия этих растений то ли не сохранились вовсе, то ли, как сообщают информаторы, они были безымянными: целебные свойства их определялись по чисто внешним признакам. В данной статье мы приводим описание таких растений с их практическим применением в том виде, в каком записаны от информатора. Русские названия многих безымянных лекарственных растений нами восстановлены демонстрационным путем. Там, где это можно, мы приводим параллельные названия лекарственных растений на абазинском и русском языках.

Сырьё, из которых готовилось лекарство, можно разделить на следующие группы: дикорастущие травянистые растения; огородные культуры; плоды и ягоды дикорастущих деревьев и кустарников.

Лекарства из дикорастущих травянистых растений

Народ широко использовал травы для лечения различных заболеваний, употребляя их в качестве настоек, отваров, внутрь и наружно, в качестве мазей в сочетании с медом, маслом, воском, яичным желтком, мылом и пр., ими окуривали больных и помещения, в которых они лежали.

Отвары из целебных трав были испытанным средством при простудных заболеваниях. Больных клали на распаренное сено, разложенное в жарконатопленной комнате, сверху укутывали теплыми одеялами, бурками и давали пить горячий отвар, приготовленный из 3-х трав: полыни горькой (хвынгьатла), клевера и мать-и-мачехи. Настойку из сухих

листьев мать-мачехи применяли также при лечении парывов, ею промывали раны. Отвар полыни горькой применяли при желтухе (гважъзгІва), малярии (техІагІва), против попоса (мгвагІвра), а также при наличии глистов (марква). Ножные ванны с полынью горькой (свежесорванный куст обваривали крутым кипятком) использовали как обезболивающее средство при заболевании суставов ног. Высушенная трава чабреца (архъагъын) применялась внутрь в виде водного настоя при бронхитах и воспалении легких как отхаркивающее. Отвар травы чабреца использовали и в качестве ванны при золотухе (пхтра) и других кожных сыпях.

С лечебными целями корень одуванчика (къараба) давали в виде отвара при кашле как отхаркивающее. Измельченный высушенный корень одуванчика заваривали как чай, после остывания процеживали через чистую тряпочку и пили по 1 ложке 3—4 раза в день. Эту же настойку давали внутрь при фурункулах, разных сыпях.

Целебная сила ромашки полевой была давно известна народным лекарям. Для лечебных целей собирали всю наземную часть растения. Её отвары применялись против воспаления желудочно-кишечного тракта и как потогонно-ветрогонное при простудах. Применялась ромашка и для полосканий горла, примочек, припарок. В качестве отвара давали пить внутрь. Дневная доза ромашкового отвара готовилась из стакана свежего молока, стакана воды и одной щепотки ромашки. Все это вместе кипятили, процеживали, после остывания пили как чай. В тех же целях использовали и ромашку придорожную или, как в народе называли, ромашку горькую.

Известную славу как целительное средство приобрел подорожник (тшыргІвбгъ). Настойку из высушенных листьев подорожника рекомендовалось применять при воспалительных процессах кишечника, а также как отхаркивающее средство. Свежесорванный лист подорожника употребляли как кровоостанавливающее средство при порезах, его прикладывали к ранам, язвам, ожогам и ушибам.

Для лечения ран на теле, парывов, язв, ожогов народные лекари готовили мазь, которая называлась «хъвшв къашц», т. е. красное лекарство. Готовили мазь из красного корня удлиненной формы, отчего и получила свое название. В посуду со сливочным маслом бросали кусок корня и ставили на медленный огонь и кипятили. Когда вся кипящая

масса приобретала одинаковый с корнем цвет, считалось что мазь готова. Горячую жидкость разливали в приготовленную чистую посуду или банку, давали остыть, затем плотно закрывали крышечкой или завязывали чистой тряпочкой и хранили в прохладном месте.

Ранней весной в лесу, особенно в местах, где растут дубы, можно было встретить целые заросли низких белых цветочков. В народной медицине отвар и настойку из этих цветов употребляли от золотухи, ревматизма, зубной боли. Порошком из сухих цветков и листьев в смеси с медом в одинаковой пропорции выводили паршу на голове.

Целебными свойствами обладало другое травянистое растение с невысоким ростом, ярко-розовыми цветками и слабо-развитой корневой системой (абазинское название отсутствует). Встречалось оно главным образом в галечниках. С лечебной целью собирали всю надземную часть растения в период его бурного цветения. Отвар и настойку из свежих и сухих трав применяли при расстройствах пищеварения, вздутии кишечника, поносах и как очень активное глистогонное средство. Отвар этого растения добавляли в воду, в которой купали больного золотухой.

В середине мая можно было заметить, что мелководье рек, а также места где имеются лужицы затягиваются сплошным ковром золотистых цветков (абаз. название отсутствует). Цветки мелкие, ярко золотистые, глянцевые, каждый величиной с ноготь, листья средние, формой напоминают неправильный овал. Свежие листья этих цветов раньше прикладывали к ожогам и ранам, возникших на обожженном месте.

Название еще одного растения, которое находило применение в народной медицине абазин, нам удалось восстановить чисто демонстрационным путем. Это чистотел-шайтан-кыкыа. Сок чистотела использовали для выведения бородавок, лечения язв, гноящихся ран и некоторых кожных заболеваний. Отвары и настойки травы применяли как мочегонное, послабляющее средство, для лечения водянки. Отвары и настойки готовили только из свежих трав, так как в процессе сушки резко ухудшались целебные свойства.

Водные настойки ландыша (лагывдж) применяли в качестве примочек при глазных заболеваниях (при покраснении глаз, при скоплении гноя в уголках глаз).

Отвар травы пастушьей сумки (къандзидза) применяли при воспалении мочевого пузыря, ревматизме.

Для интенсивного лечения ревматических и других болезней в суставах, а также лечения радикулита применяли смесь, которая готовилась из одной части свежих листьев белены (дахъатхапа) и одной части свежего сливочного масла. Смесь наносили на больное место и затем фиксировали теплой повязкой. Народным лекарям хорошо были известны ядовитые свойства белены и потому обращались с ним крайне осторожно, старались избегать попадания в пищу. В тех же целях хранили засушенное сырье.

С лечебной целью применялись листья и плоды паразитирующего на плодовых и дикорастущих деревьях вечнозеленого растения круглой формы-омелы (аццла псаз). Листья и ягоды омелы в виде отвара применяли в качестве болеутоляющего средства при самых различных болях, как кровоостанавливающее при легочных, маточных кровотечениях. Отвар готовили как из свежих листьев и ягод, так и из высушенных.

Общезвестное многолетнее растение, покрытое жгучими волосками-крапива (хъваца), встречается у жилья, изгородей, повсеместно. В народной медицине крапиву использовали в качестве кожнораздражающей при радикулитах, мышечных и суставных болях. Больное место оголяли и стегали свежесорванными стеблями крапивы, отчего происходило интенсивное кровообращение. Из высушенных листьев крапивы готовили настойку, которую применяли в качестве кровоостанавливающего и мочегонного. Смесь из высушенных листьев крапивы, измельченного корня крапивы и топленого масла давали при хронических кашлях. Другое растение встречается среди картофельных грядок, а также около дорог. Внешне оно похоже на крапиву, но оно в отличие от нее не жжется, стебли ее достаточно мягки и податливы, но оно обладает очень тяжелым дурным запахом, во время цветения у подножья листьев появляются мелкие белые цветочки. К сожалению нам не удалось установить названия данного растения, известно только то, что ни одно животное не поедает его и только гуси в период цветения с жадностью общипывают цветочки. Порошок из высушенных листьев данного растения добавляли в чай тяжелобольным в результате чего те приходили в состояние какого-то опьянения. Видимо в листьях растения содержится морфин, который способствовал притуплению боли на определенное время.

Лекарства из огородных культур

С лечебной целью абазинами использовались и растения, находившиеся непосредственно около дома. Это огородные культуры тыква (къяб), лук (джьымшы), кукуруза (партыхв) чеснок (джыш) а также многолетнее цветочное растение календула (народное название поготки) — (циссамх) Помимо прямого пищевого значения, эти культуры имели еще и лечебное значение. Так, например, семена тыквы в сыром виде давали в качестве противоглистного средства, а сырую мякоть плода давали в качестве мочегонного и послабляющего средства.

Водный настой из кукурузных рылец применяли в качестве кровоостанавливающего и мочегонного средства. Сырье собирали во время выбрасывания рыльца (партыхв хъабра), сушили в прохладном затемненном месте и хранили в плотно закупоренной посуде. Небольшое количество рылец заваривали кипятком, после остывания процеживали и давали внутрь по 1 ложке несколько раз в день. В луке и чесноке, как известно, содержатся особые летучие вещества, которые губительно действуют на многие микробы. В практике народной медицины лук находил широкое применение. Кашицу или сок из репчатого лука клали на раны, язвы, ожоги для их дезинфекции и более быстрого заживания. Печеный лук прикладывали к нарывам для скорейшего их созревания. Соком из лука выводили родимые пятна на теле, смазывали кожу при различных зудях. При кашле и бронхите давали смесь сока лука и меда в одинаковой пропорции. Настойку чеснока давали пить несколько раз в день при вздутии кишечника, при запорах.

Лекарственное применение нашли у абазин в более позднее время также петрушка и укроп. С лечебной целью использовали как листья, корень, так и семена. Настойку и отвар из семян, листьев и корней петрушки применяли как мочегонное средство, против вздутия кишечника. Настойку из семян укропа давали при болях в желудке, как слабительное и мочегонное средство. Ложку истолченных семян укропа заваривали 1 — 2 стаканами кипятка, давали остыть, процеживали и давали пить несколько раз в день больному. Точно также приготавливали настойку из семян, листьев и корней петрушки.

Водные настои и отвары поготовков давали при болезнях мо-

чевого пузыря, при болезнях почек. Свежие листья ноготков прикладывали к нарывам, язвам и к опухолям суставов. В тех же целях сохраняли измельченные листья в течение года, которые заменялись в следующем году свежими припарками.

Лекарства из плодов дикорастущих деревьев, кустарников и ягод

Народным лекарям хорошо были известны также целебные свойства, которыми обладали некоторые плоды дикорастущих деревьев и кустарников, ягоды. Так, при сильных расстройствах желудка с острыми болями в животе давали отвар из сушеных плодов дикой или так называемой лесной груши (бна хла).

Из сухих листьев грецкого ореха (расаду, гырраса) готовили водные настои и отвары, которые давали внутрь большим рахитом, золотухой. Этот же отвар служил в качестве полосканий горла при ангине. Масляной настойкой из свеженарезанных листьев грецкого ореха лечили раны и язвы на теле. Свеженарезанные листья грецкого ореха заливали подсолнечным маслом так, чтобы вся масса была покрыта им и выдерживали в темном месте с течением 2—3 недель, после чего она бывала готова к применению. Свежие и высушенные плоды, а также корень барбариса — (кьат-гансолъыкьв) использовались при поносах. Отвар корня применяли при ревматических болезнях, туберкулезе.

Плоды дикорастущего кустарника шиповника (лагвырчывымычъ) применяли в качестве противодизентерийного мочегонного средства.

Настой сухих плодов и листьев дикорастущей земляники (архъа маракла, жвуми) заваренный как чай, использовался в качестве потогонного средства при простудных заболеваниях, а также как мочегонное.

Плоды дикорастущего кустарника шиповника (лагвырчывымыгъ) в настоях, отварах и чаях употребляли при самых разнообразных недомоганиях, при различных воспалительных заболеваниях, туберкулезе, маточных кровотечениях, в качестве полоскания полости рта при воспалении десен.

Заканчивая описание применения лекарственных трав в народной медицине, следует сказать несколько слов о технике сбора, сушке и хранении сырья, которых строго придерживались народные лекари и несоблюдение которых ска-

ывались на качестве лекарств. Так, в народе считалось что собирание лекарственных трав должно было происходить в период их бурного цветения, т. к. они приобретают в это время особую магическую силу и именно поэтому обладают лекарственными свойствами. Заготовку лекарственных трав производили сразу же после сбора. При этом каждый вид растения раскладывали отдельно или связывали отдельными пучками. Чаще всего сушку производили под различными навесами, в хорошо продуваемых помещениях, на чердаках. Собирание трав происходило в несколько необычной обстановке и сопровождалось рядом магических действий. Травы собирались тайно в силу укоренившегося убеждения, что от постороннего глаза теряются их целебные свойства. Лучшим днем приготовления лекарства считался вечер с четверга на пятницу (хвашауахъ). Здесь налицо прямое влияние мусульманской религии (пятница — мусульманский праздник — божий день). Конечно, эти магические действия прежде всего были рассчитаны на разновидности отпугивающих средств, отвечающим самым конкретным и примитивным представлениям о свойстве, и складывание такого рода магических действий не могло быть объяснено свойствами используемых растений.

В лечебной практике абазин кроме вышеописанных лекарственных трав широко применялись специальная диета, различные растения, кровопускание. Так, при бронхите, заболевании легких, туберкулезе больному давали пить козье молоко (джьма хшы), козье молоко могло быть заменено коровьим с добавлением в него козьего жира (джьма шша). Больному также смазывали грудь и спину растопленным козьим жиром и он должен был сидеть (лежать) у жаркого очага, поворачиваясь попеременно, то грудью, то спиной. Затем больного укладывали в постель, укутав его очень тепло. При туберкулезе легких больному давали съесть барсучье (гIащыц жбы) мясо в жаренном или варенном виде. Последнее больной должен был запить горячим бульоном.

При сильных головных болях (по словам информаторов то, что теперь называется в народе «давлена» т. е. гипертония) практиковалось кровопускание. Были специалисты, которые ловким, безошибочным движением специального ножица рассекали кожу на темени головы или на переносице и выпускали определенное количество т. н. «дурной» крови (щажвымха). Затем нажимом большого пальца

в определенном месте виска останавливали дальнейшее кровотечение. При кровопускании других лекарств внутрь больному не давали.

Большого мастерства достигли народные лекари в области лечения вывихов, переломов кости, растяжений жил. Старожилы не помнят случая, чтобы в результате неправильно выравненного вывиха или несросшегося перелома когда-нибудь приходилось прибегать к ампутации конечностей. Если же к таковому и прибегали, то это делали в самом начале лечения, как к единственному оперативному методу спасения жизни больного, но никогда не являлось результатом неудавшегося лечения. При растяжениях сухожилий, вывихах, переломах кости применялись фиксирующие повязки, своего рода гипсование. Для этого брали земляничное туалетное мыло, яичный белок и сбивали все в пенообразную массу. Больное место начисто обмывали теплой водой с мылом, вытирали насухо и интенсивно массажировали, а затем плотно обматывали марлевой салфеткой (при растяжении, вывихе), или салфеткой из хлопчатобумажной ткани в 2—3 слоя (при переломе) пропитанной приготовленной пенообразной массой. Сверху накладывали теплую повязку. В такой повязке пораженное место фиксировалось без движения, что способствовало благополучному исходу лечения. Повязку оставляли до тех пор пока сама не отставала от тела.

На сложившуюся из многовекового опыта лечения и предупреждения различных болезней народными лекарями весьма отрицательно влияли представители духовенства, которые единственным правильным способом лечения больных признавали нашептывания (чххIвара), ношения талисманов с записями изречений из корана (дуа), ношения различного рода предметов, находящихся у почитавших в прошлом святых (например, кусочек камня якобы привезенного паломником из Мекки (хIаджь чпара йIгатыргаз ахIахъв) и множество других магических приемов, откровенно граничащих с шарлотанством.

В настоящее время в связи с общим подъёмом культурного уровня и с бесплатной медицинской помощью, очень редко можно встретить случаи знахарства. Редкое исключение могут составить лишь некоторые преклонные старики, придерживаются убеждения, что не все болезни могут быть излечимы врачами. В наши дни организация медицин-

ского обслуживания во всех абазинских селениях стоит на достаточно высоком уровне. На изживание вредных пережитков прошлого способствует дальнейшее развитие медицинской науки, пропаганда основ медицинских знаний среди населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Н. Г. Ковалева. Лечение растениями. Изд-во «Медицина», М., 1972.

² Т. Н. Кадаев. Лекарственные растения Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1963.

³ Б. Ю. Хакунов. Словарь названий растений. Черкесск, 1975 (на черкесском языке).

⁴ Все приводимые в статье рецепты из народной медицины записаны нами в а.а. Псыж, Эльбургац, Инджикчукуп, Старокувилск, Апсуа. Далее в статье не будем делать частных ссылок.

ТЕРМИНОЛОГИЯ РОДСТВА У НОГАЙЦЕВ

Одной из особенностей обычаев ногайцев, как и у многих народов, является поддержание прочных родственных связей. Они распространяются по отцовской и материнской линиям вплоть до седьмого их поколения. Родственниками считаются и лица, принадлежащие к одной фамилии, например, доьрмоьл, къарас, къатаган и другие. В связи с этим существует фамильная экзогамия. Но она может нарушиться, если однофамильцы имеют разные родовые тамги (знаки). Свойственные отношения поддерживают родственники мужа и жены.

Родственные и свойственные отношения у ногайцев хорошо отразились на терминологии, объясняющей их. Но она не стала еще предметом внимания этнографов. Некоторые термины встречаются в работах Г. Ананьева¹, С. В. Фарфоровского², фрагментарные данные имеются в исследовании С. Ш. Гаджиевой³, в статьях автора⁴.

Настоящее исследование — первая попытка описания терминологии родства ногайцев, язык которых вместе с каракалпакским и казахским образует кыпчакско-ногайскую подгруппу тюркских языков⁵. В этой связи аналогичные ногайским терминам родства и свойства термины встречаем и в других тюркских языках. Но и богатая терминология родства и свойства у тюркских народов в основном пристально и систематически начала изучаться в годы Советской власти. В 1927 году Н. П. Дыренкова, тщательно изучив обильный материал, опубликовала статью «Брак, термины родства и психические запреты у киргизов»⁶. Приведенный в статье обширный сопоставительный материал по нескольким тюркским народам позволил автору сделать

важные выводы, составить номенклатуру родства, две таблицы родственных названий по линии отца и матери, две таблицы терминов свойства для зятя и невестки.

Вниманию к изучению терминологии родства у тюркских народов у советских ученых не ослабевает и в настоящее время. Приоритет в этом, пожалуй, принадлежит тюркским народам средней Азии, Казахстана и Поволжья⁷. По тюркским народам Кавказа некоторые сведения можно почерпнуть из работ С. Ш. Гаджиевой⁸, А. Муеукаева⁹, монографии коллектива авторов «Народы Кавказа»¹⁰, «Карачаевцы»¹¹. Сопоставление терминов родства тюркоязычных народов отмеченных регионов само по себе представляет большой научный интерес, а также выявляет многие общие черты с аналогичной терминологией у погайцев, подтверждая единство различных этнических сторон жизни этих народов.

В задачи статьи входит реконструкция существовавшей у погайцев терминологии родства, фиксация ее бытования в наши дни и в связи с этим показ остаточных явлений института избегания, с которым несомненно связана часть терминов. Изучение терминов, связанных с институтом избегания имеет как научное, так и практическое значение. Хотя устои института избегания в погайской семье сильно поколеблены, он все еще продолжает оказывать определенное давление на взаимоотношения членов семьи. Поэтому и ныне существуют термины, употребляемые при избегании. Разумеется, современная семья погайцев давно переросла те стадии, которые были причиной возникновения терминов, заменявших имена людей. Развивая мысль Л. Г. Моргана о том, что система родства пассивна, Ф. Энгельс писал: «в то время как семья продолжает развиваться, система родства окостеневает, а пока последняя продолжает существовать в силу привычки, семья перерастает ее рамки»¹². Однако для полного изживания пережитков прошлого необходимо их изучение, что в свою очередь позволит выработать практические рекомендации для развития современных семейно-родственных взаимоотношений.

Статья написана на основе полевого этнографического материала, собранного нами в 1974 — 1978 г. г. в погайских аулах Дагестанской АССР, Ставропольского края, Карачаево-Черкесской автономной области. Данный материал главным образом отражает систему родства, бытовавшую во второй половине XIX — начале XX века. Многие термины

характеризовали большую патриархальную семью, но с окончательным переходом к малой форме семьи, терминология упростилась, а некоторые существуют эпизодически. Например, термины, «немере», «тул» «шопшке» и другие встречаются не повсеместно.

В системе родства, следовательно и во всей терминологии, нашли отражение древние традиции брачных и родственных отношений. Появление многих терминов было связано с заключением брака. Среди древних форм брака, существовавших у ногайцев был обычай люлечного обручения в младенческом возрасте «бесик кьуда» (букв. колыбельные сваты). С. М. Абрамзон, исследовавший формы брака у киргизов, относит люлечное обручение к пережиткам ранних форм и пишет, что имеются все основания рассматривать эту форму как дериват древнейших форм брака — кузенных браков¹³. У ногайцев существовали и другие древние формы брака. Среди них была «бел кьуда», выражавшаяся в обручении детей до их рождения. Если рождались мальчики, они становились названными братьями. Существовали формы заключения брака — левират и сорорат. Левират назывался «кайынларына барув» (букв. — выходить замуж за родных мужа), а сорорат назывался «балдызына уйленуэв» (жениться на свояченице)). Как форма покупного брака существовал «уйь кнеу» (домашний зять).

Терминология родства имеет стройную систему по отношению к родственникам отца и матери, мужа и жены. Здесь прослеживаются следы древних форм брака. В системе родства присутствуют термины, которые четко обозначают отца, мать, сына, дочь, родных братьев и сестер. Основываясь на работу Л. Г. Моргана «Древнее общество», где прослежена система родства у ирокезов, Ф. Энгельс писал, что «обозначения: отец, ребенок, брат, сестра — не какие-то лишь почетные звания, они влекут за собой вполне определенные, весьма серьезные взаимные обязательства, совокупность которых составляет существенную часть общественного строя этих народов»¹⁴.

Специальными терминами по отношению к говорящему обозначаются братья и сестры различных степеней родства. Они свидетельствуют о принадлежности этих лиц к старшей или младшей группе. Значение термина интерпретируется в зависимости от возраста говорящего (старше или младше) и пола (говорит мужчина или женщина). В то же вре-

многие термины могут употребляться не только по отношению к близким родственникам, но и вообще к другим незнакомым лицам, например, акъай, агъай, агъа, аьптей, къардаш, иним, къарындас, кеде, яс, кыз, бала, сабий.

Одну и ту же родственную категорию, в зависимости от возраста говорящего (— ей)), ногайцы обозначают различными терминами: агъа — старший брат, иним — младший брат, аьпте — старшая сестра, синъли — младшая сестра.

В системе родства прослеживаются термины, которыми обозначаются родные братья и родные сестры, двоюродные братья и двоюродные сестры, братья и сестры по отцовской и по материнской линии. Касаясь подобной категории родства Ф. Энгельс писал: «И это — не просто не имеющие значения названия, а выражения фактически существующих взглядов на близость и дальность, одинаковость и неодинаковость кровного родства, которая в состоянии выразить несколько сот различных родственных отношений отдельно-го индивида»¹⁵.

Некоторыми терминами называют только старших или только младших. Термин ака употребляется младшим по отношению к тем старшим родственникам, которые находятся в различных степенях родства по отношению к его отцу: старшего брата отца, младшего брата отца (старше говорящего (ей), сына брата отца (старше говорящего (ей)).

Все родственники и родственницы по линии матери обозначаются термином нагаш. Он приставляется к тем терминам, которые обозначают родство по материнской линии, например, нагаш акъа, нагаш аье, нагаш аьпте. В совокупности все родственники по материнской линии обозначаются термином нагашлар. Термин нагаш приставляется к терминам обозначающим: братьев бабушки (братья матери матери), братья матери, сестры бабушки (сестры матери матери), сестры матери. Такая классификация системы родства в этнографии считается древнейшей, и она отражает формы брака и семьи, которые корнями уходят к групповому браку.

Существуют термины, показывающие, что дети, родившиеся от одного отца и от одной матери считаются родными по крови — аданас, а дети двоюродных братьев — аркъалдас. Термин аданас можно этимологизировать как ата + ана = отец + мать, а аркъалдас — аркъа — (букв. спина, иначе поколение), дас, дос — друг, поколенный друг.

Также имеются термины, четко обозначающие детей родных сестер — боьле; детей двоюродных сестер — боьлешер, детей троюродных сестер — туьвеншер.

В номенклатуре родства присутствует термин — оьгей, означающий неродный. Он приставляется к другому термину, например, оьгей — ата — неродный отец, оьгей — ана — неродная мать, оьгей ул — неродный сын, оьгей кыз — неродная дочь. Термином оьксиз обозначался сирота, то есть лицо, не имеющее отца и мать, а иногда этот термин применялся в широком смысле — не имеющий родственников. По исследованию А. А. Покровской ОГ в древнетюркском языке обозначал «мать»¹⁶.

Крепкие родственные связи устанавливались между молочными братьями и сестрами — суьтлеслер. Это родство устанавливалось, если кормящая мать вскормила своей грудью только что родившегося ребенка. Этот и её ребенок становились молочными родственниками. Они не имели права вступать в брак между собой, а семьи их держали связи экономического и идеологического порядка.

Близость и дальность кровных родственников определялись поколенностью этих отношений. Близкими родственниками считались дети до третьего поколения: первое — тувганлар, второе — тувдыклар, третье — туньышлар. В прошлом эти поколения, находясь в одной семейной общине, жили компактно в одном дворе, но в разных домах или же составляли квартал. Близкие родственники до третьего поколения, а иногда и дальше, назывались «бир къазан уьлесиц шыкканлар» (вышедшие, разделив один котел). Близость родственных отношений распространялась до седьмого поколения. В то же время существовал обычай жениться на девушке из одного рода, если их родственные связи были уже за пределами седьмого поколения, когда уже считалось, что прямое родство по отцу потеряно.

Существует стройная система определения родства по прямой нисходящей линии от отца вплоть до его шестого поколения по линии сыновей: ата (отец) — ул (сын) — немере (внук) — тоьбере (правнук) — шоьбере (праправнук) — шоьпшеке (правоправнук); а по линии дочери удалось зафиксировать следующие термины: кыз (дочь) — йиен (внук-чки), правнук (-чка) — йиеншер (праправнук-чка).

Из терминов родства по прямой нисходящей линии от отца, некоторые термины определяют близость или даль-

ность родственных отношений. Ул — термин для сына. Немере — термин для внука. Можно полагать, что от термина немере вниз и другие уже показывают дальность и постепенное свертывание родственных отношений. И в настоящее время сохранилась поговорка «Немере несин берер, этин ерде, сугеги берер» (Немере что даст? Мясо сам съесть, а кость преподнесет). Этой поговоркой подчеркивается недоверчивость к внуку. Данный термин встречается у казахов, киргизов, каракалпаков в значении уже дальних родственников по нисходящей линии. Например, у каракалпаков родственники «после трех поколений (в 4, 5, 6 и далее) считались дальними, их называли немере — шюьбере (так же как правнуков)»¹⁷. Интересен термин тоьбере, образованный от слова тоьбе — верх, макушка. Думается, что правнук занимал у деда какое-то отличное от других потомков место, которое, может быть, влекло даже какие-то обязанности по отношению к друг другу. Термины шюьбере и шюьшке показывали уже дальность родства. Шюьп — в переводе высохшая веточка дерева. Повидимому, аналогично высохшей веточке было положение праправнука и праправнука к своему главному предку. Такое отношение родственников означало дальность от главного прародителя и тенденцию ответвления от рода и утери близких родственных связей. Поэтому, как мы выше говорили, за пределами седьмого поколения разрешается брак потомков одного прародителя. Исходя из этого можно заключить, что терминология родства относительно семипоколенности родственных отношений связана с фамильным экзогамным браком.

Родные по матери её сына, как выше отмечено, обозначались термином пагаш, пагашлар. Сын матери для ее родных обозначался термином йнен. Между дядей по матери и племянником устанавливались определенные народным обычаем «аьдет» обязанности. Например, при женитьбе племянник поселял свою невесту в доме дяди. Дядя и его жена в отношении к невестке несли определенные материальные затраты, и они же уже невесткой назывались не иначе как ата, — отец, ана — мать. После рождения у племянника ребенка дядя обязан был по истечении 2—4 лет побрить ему голову. Для проведения этой процедуры он приходил с товарищами, им хозяин устраивал угощение. Затем дядя мог побрить голову ребенка или же попросту выстричь клочок волос. Дядя делал подарки ребенку. Разумеется, они зави-

сели от его состоятельности. Ребенок племянника по отношению к дяде по матери назывался «йиеншер». А в целом термином родства по женской линии является йиен (племянник, внук, внучка) и образованный от него при помощи суффикса — лик, термин йиенлик обозначает родственные отношения по женской линии. Аналогичный термин существует у многих тюркских народов, например, алтайцев — дьеен, башкиров — ейен, казахов, каракалпаков — жиен, киргизов — жеен. Надо отметить, что у ногайцев встречаются две формы: йиен и жиен.

По составленной терминологии родства у ногайцев (см. таблицу) можно судить о принадлежности тех или иных лиц к определенной группе родства, охватывающей круг лиц по отцовской, по материнской линиям, лиц по браку. Они могут быть дальними или близкими родственниками. Лица, находящиеся в близком родстве, к говорящему по отцовской линии называются термином атай — дедушка, прадедушка. Термином ата обозначается отец, но при обращении к нему сын или дочь не пользовались им. Согласно обычая, если семья жила с родителями отца, при них дети отца не называли термином ата, заменяя его другим, порой даже собственным его именем. Термины агъа, акъа употреблялись при обращении к родичам отца: старших и младших его братьев. Термины агъа, акъа употребляются и при обращении младшего к старшему, независимо от родственных отношений. Термины ата-бабалар обозначают предков. Термин бабай обозначал иногда деда. Известный тюрколог Э. В. Севортян допускает, что «более ранним значением ба-ба было отец (а также дед) матери, а у ата — отец (а также дед) отца»¹⁸. Он же пишет, что «термин баба связан, вероятно, с семейно-родовым, патриархальным укладом»¹⁹.

Широкую смысловую нагрузку несет термин ини. Он обозначает родного младшего брата, сына старшего брата (младше говорящего), Как и термин ата его могут употреблять и в отношении к любому незнакомому человеку младше говорящего.

Женский термин родства ана употребляется по отношению к матери. Также в этом значении встречается термин ава. Но они редко применяются говорящим на практике именно как термин обращения, его заменяют другими, например, таьвкей, тетей, эвей. Термин авай употребляется при обращении к бабушке, прабабушке, а также к старухам, не име-

ющим родственных отношений к говорящему (-ей). В этом же значении может употребляться термин аьем.

Особый интерес представляют термины, возникшие, видимо, в результате существования института избегания. Отец и мать мужа по отношению к отцу и матери жены обозначались соответственно терминами кьуда, кьудагьый. Мужская линия родства по мужу в отношении к мужской и женской линии родства жены называлось термином кьудалар, а женская — кьудашалар. Обе линии родства стороны жены назывались теми же терминами. Родственные отношения между мужчинами сторон мужа и жены выражаются термином кьудалыкъ, а между женщинами — кьудагьый-лыкь.

Строгое распределение мест в семейной и родственной иерархической лестнице влияло на быт и общественные отношения народа. Связанные крепкими родственными отношениями, корни которых уходят к родовому строю, ногайцы соблюдали обычаи и обряды, способствующие сохранению патриархальных устоев в семье. Об этом красноречиво говорят и термины свойства, сохранившиеся вплоть до наших дней. Они употребляются зятем — киеу и невесткой — келин. Муж называл жену хатын, бише (бий-ше княжна), он не имел права называть жену по имени; её отца — кайната, родственников старше жены — кайнага, а родственниц — кайнбийке, младших родственников жены — кайним, а родственниц — балдыз, а они все называли его киеу. Если родственники жены были сверстниками, они могли называть зятя по имени. Для невестки употреблялся термин келиншек (укороченная форма — кеншек).

Полнее сохранилась терминология, употребляемая невесткой по отношению к родственникам мужа. Это можно объяснить более консервативным отношением общества к обычаям, касающимся поведения невестки в кругу семьи и вне ее. Отца и мать мужа невестка называла соответственно: кайната, кайнана, а мужа — байым (мой богач) хотя существует термин, обозначающий мужа — эр. Но эр употребляется и в значении мужчины. Родственников свекра и старших братьев и родственников мужа невестка называла кайнага; для младших братьев мужа невестка также придумывала различные названия: мырзам (мой мурза), уьйкен яс (старший, орта бала (средний), кишкей яс (младший), яс кеде, шекайдик. Аналогичная терминология существовала по от-

ношению к старшим и младшим сестрам мужа: старшие — кайнбийке, младшие — кайсинъли. Как в отношении к младшим братьям, так и в отношении к младшим сестрам мужа, невестка придумывала различные ласкательные имена: уйкен кыз (старшая девочка), ортаншым (моя средняя), кишкейим (моя младшая), эркем (моя баловница), кыз-бала (моя девочка — ребенок), кыз (девочка), алтыншаш (златоволосая) и др.

Невестка в отличие от зятя, в отношении детей старших братьев и сестер мужа должна была придумать различные прозвища. Сыновей старших братьев мужа она называла: мырзам (мой мурза), яс (парень), шекайдик; дочерей их: балкыз (медовая девочка), балапан (дитя). Существовали термины и для детей старшей сестры мужа: сыновья — йиен, йиен бала; дочери — йиен кыз, йиен. По обычному праву детей младших братьев и сестер мужа невестка могла называть по имени.

В терминологии свойства несколько широкое значение придавалось термину еньге, хотя в основном он употреблялся в двух случаях: еньге — старшая невестка, жена старшего брата или дяди (в этом случае по значению противопоставлялся термину келин — обозначающего уже младшую невестку); еньге — лицо, сопровождающее невесту в день привода её в дом жениха и присутствующая при ней до конца свадьбы (она является наставницей невесты в первую брачную ночь, укладывает брачное ложе молодоженов). Прибавлением аффикса — й, уже в уважительной звательной форме — еньгей, применяется при обращении к старшей женщине.

Видимо в результате существовавшего в прошлом института избегания появился термин куьндес (этимологизируемый куьн — день + дос — друг, товарищ). Он применялся женами одного мужчины в отношении к друг другу.

Существуют термины для обозначения неженатого мужчины — бойдакь, вдовы и вдовца — тул. С некоторой осторожностью можно сказать, что от последнего термина образовался тулланув выражающий печальный, траурный. В этом значении он близок с таким же термином в киргизском языке, справедливо относимой Л. А. Покровской к древности²⁰.

Терминология родства у ногайцев включает термины, находящие аналогию в древнетюркских памятниках. Су-

существует сочетание аьптели-синъли, в значении сестры, где аьпте — обозначает старшую сестру, а синъли — младшую сестру. По свидетельству С. Е. Малова в орхонских памятниках- *siniJ* обозначает младшую сестру²¹. В отличие от термина аьпте, который может употребляться младшим братом и сестрой по отношению к старшей сестре, синъли употреблялся лишь старшей сестрой по отношению к младшей. А старший брат к младшей сестре обращался при помощи термина карындас. Карындас в ногайском языке имеет значения: родная, двоюродная сестры, просто как обращение к лицам моложе говорящего. Для обозначения родственных отношений применялся термин кардаш. В корне оба термина этимологизируются следующим образом: карын — утроба, дос — друг, товарищ, т. е. утробный друг, товарищ. Исследуя термины родства у тюркских народов, Л. А. Покровская пришла к мнению, что «термин карындаш-кардаш в тюркских языках является термином классификационной системы родства и что конкретные его значения «брат», «сестра» развились из общего значения «кровный младший родственник из класса братьев и сестер»²².

Жена одного брата по отношению к жене другого брата или родственника обозначался термином абысын. Его Л. А. Покровская считает морфологическим и семантическим развитием термина абыз³².

В номенклатуре родства и свойства особое место занимает термин тоьркин. В древнетюркских языках тоьркин имел значения: род, племя, дом кровных родственников. По этому случаю можно привести слово тоьр, означающее на ногайском языке самое почетное место во время пиршества, место отдыха главы семьи, а также вообще почетное место на собраниях. В ногайском языке тоьркин до недавнего времени применялся в значении — родня замужней женщины, а в настоящее время в большинстве как её второй дом.

Заключая данные о терминологии родства у ногайцев, надо сказать, что они отражают бытование крепких семейных и родственных связей, несомненно влиявших на различные стороны жизни народа. Многие термины являются плодом существования родового строя, института избегания, различных норм и форм брака. Будучи элементами патриархально-феодального строя, многие обычаи избегания в советское время забылись, вместе с ними и сопутствующие

им термины. Однако часть терминов бытует и в настоящее время, иллюстрируя негативные моменты в семейно-брачных отношениях.

Родство у ногайцев обозначается следующими терминами:

атай — дед;
карт атай — старый дед — прадед,
ата — отец,
ана — мать,
тетей — мать,
суьт ана — молочная мать,
анай — бабушка,
карт анай (авай) — (старая бабушка) — прабабушка,
акай — дядя старше отца, дядя моложе отца, невестка может назвать этим термином свекра, его брата,
агай — дядя моложе отца,
ага — старше говорящего,
ини — младший родной, 2-родный, 3-родный брат; сын брата,
аьнте — сестра отца говорящего, старшая сестра, родная и 2-ю, 3-ю родные старшие сестры называющего (ей),
синьли — младшая родная сестра по отношению к говорящей; 2-ю, 3-ю родная сестра,
карындас — (мужской термин) для младшей сестры, сестры, сестра отца моложе племянника, дочь брата,
бала — (ребенок) сын дочери,
ул — (мальчик, сын, парень) — сын,
кыз — (девочка, девушка) — дечь, младшая золовка, дочь деверя,
немере — (рабский термин) внук, внучатый племянник,
баламнынъ баласы — (ребенок моего ребенка) — употребляется по отношению к детям вместо термина немере, заменяя его во всех случаях,
нагаш атай — дед, прадед моей матери,
нагаш акай — дядя старше матери,
нагаш анай — бабушка (мать матери),
йиен — внук, правнук, внучатый племянник по женской линии,
йиен кыз — внучка, правнучка, внучатая племянница, племянница по линии матери,
йиеншер — внук, внучка дочери,

боьле — термин, обозначающий сыновей и дочерей родных сестер,
боьлешер — термин, обозначающий сыновей и дочерей двоюродных, сестер,
кайната — свекор, тесть,
канапа — свекровь, теща,
кайнага — братья свекра, деверь, старше мужа, старше жены,
кайнини — младший деверь, его сыновья, сыновья брата жены,
кайнбийке — сестра свекра, свекрови, старшие родные, 2-ю родные сестры, племянницы мужа,
кайни синъли — младшие родные, 2-ю, 3-ю родные сестры племянниц мужа,
енъгей — жена дяди по отцовской и материнской линии,
енъге — жена старшего брата по отношению говорящего и говорящей,
келин — (невестка) этим термином называют невестку ее свекровь, свекор, их отец, мать, старшие родственники и родственницы мужа,
балдыз — младшие сестры, племянницы (дочери брата) жены,
киеу — муж дочери, племянницы, младшей сестры, младшей золовки.

Май ш	Кого называют	Говорящий называет его (ее)	Он (она) называют говорящего
1.	Прадеда (отца отца)	атай, карт атай, уыйкен ата	улым, балам, балам
2.	Прабабушку (мать отца отца)	авай, карт авай, уыйкен ана, аье	улым, балам, баламнынъ баласы
3.	Деда (отца отца)	атай, карт атай	улым, балам, баламнынъ баласы
4.	Бабушку (мать отца)	авай, карт авай, аье	улым, балам, баламнынъ баласы
5.	Старшего брата деда	акай, карт акай, уыйкен акай	улым, балам
6.	Младшего брата деда	акай	улым, балам
7.	Старшую сестру по отцу	авай	улым, балам
8.	Младшую сестру деда по отцу	авай, эвей	улым, балам
9.	Жену старшего брата деда по отцу	аьптей, уыйкен енгьей	балам
10.	Жену младшего брата деда по отцу	аьптей, кишкей енгьей	балам
11.	Мужа старшей сестры деда по отцу	йезде, уыйкен йезде, уыйкен киеу, уыйкен аьптейдинъ киеу	кайним, иним
12.	Мужа младшей сестры деда по отцу	йезде, кишкей йезде, кишкей йез-дединъ киеуи	кайним, иним
13.	Сына брата деда по отцу	ака, ата	иним
14.	Жену сына брата деда по отцу	енъей	мырзам
15.	Дочь брата деда по отцу	аьпте, аьптейлер	кардашым
16.	Мужа дочери брата деда по отцу	киеу	кайним
17.	Сына сестры деда по отцу	йисен	кардашым
18.	Жену сына сестры деда по отцу	енъеге	кайним, мырзам
19.	Дочь сестры деда по отцу	йисен	кардашым
20.	Мужа дочери сестры деда по отцу	киеу	кайним
21.	Брата бабушки по матери отца	нагаш, нагаш ака	йисен
22.	Жену брата бабушки по матери отца	нагаш, нагаш енгьемиз	йисен бала

1	2	3	4
23.	Сестру бабушки по матери отца	нагаш авай, авай	ийен улымыз
24.	Мужа сестры бабушки по матери отца	ийезде	кайним
25.	Отца	ата	ул
26.	Старшего брата отца	аксай, агай	ул
27.	Жену старшего брата отца	енъгей	мыраам, кайним
28.	Младшего брата отца	ака, ага	кардашым, иним
29.	Жену младшего брата отца	кишкей енъге	мыраам, кайним
30.	Сына брата отца	кардаш (по отношению друг к другу «адамас»)	жусуйкей, кардеш
31.	Жену брата отца	енъге	кайним, кайнагам,
32.	Дочь брата отца (старше говорящего)	алте	ортаншы, аруувъ яс
33.	Мужа дочери брата отца (старше говорящего)	кнеу	кайним
34.	Дочь брата отца (младше говорящего)	карындас	кардаш
35.	Муж дочери брата отца (младше говорящего)	кнеу	кайнагам
36.	Сына брата отца	кардашым, агам, иним	кардаш
37.	Жену сына брата отца	келин, келиншек	кардашым, иним, агам
38.	Сына сестры отца	ийен	кайнагамыз, кайнимыз, мыраам
39.	Жену сына сестры отца	енъге	нагаш ака
40.	Дочь сестры отца	ийен	кайнагам, кайним
41.	Мужа дочери сестры отца	кнеу	нагаш ака
42.	Сына сына сестры отца	ийеншер	нагаш ака
43.	Дочь сына сестры отца	ийеншер	нагаш ака
44.	Сына дочери сестры отца	ийеншер	нагаш ака
45.	Дочь дочери сестры отца	алтей (старше говорящего), кайнимыз (младше говорящего)	нагаш ака, кардаш
46.	Дочь сына брата отца		

47. Мужа дочери сына брата отца	кычу	кайнага (старше) кайнис (младше)
48. Сына дочери брата отца	йиен	нагаш ага
49. Дочь дочери брата отца	йиен	нагаш ака
50. Сестру отца	аьпте	кардаш
51. Мужа сестры отца	кычу	кайним
52. Брата матери отца	нагаш ака	йиен
53. Жену брата матери отца	нагаш снье	йиен бата (не)
54. Сестру матери отца	нагаш авай	йиен, йиен улым
55. Мужа сестры матери отца	кычу	кайним
56. Сына дочери матери отца	болье	болье
57. Дочь дочери матери отца	болье	болье
58. Сына сына брата матери сестры отца	нагаш ака	йиен
59. Сына брата матери отца	нагаш ака	йиен
60. Дочь брата матери отца	нагаш (старше говорящего) ага	ини
61. Сына сына брата	ини (младше говорящего)	ака
62. Жену сына сына брата	келни, келишек	кайнага
63. Дочь сына брата	аьпте (старше говорящего) кычу	кардаш
64. Мужа дочери сына брата	кычу	кайнага (если говорящий старше) —
65. Сына дочери брата	йиен	кайним (если говорящий младше)
66. Дочь дочери брата	йиен	нагаш ака
67. Старшего брата	ага, уьйкен ага	нагаш ака
68. Младшего брата	ини	ини
69. Жене старшего брата	снье	ага, уьйкен ага
70. Жену младшего брата	келни, келишек	кайним
71. Старшую сестру	аьпте, уьйкен аьпте	кардашым
72. Младшую сестру	кычу	кардашым, аьпте
73. Мужа старшей сестры	кычу	кайним

1	2	3	4
74. Мужа младшей сестры	кйеу	хатыным, пишем	кайнага
75. Сына старшей сестры	йнен	улым, балам	нагаш, нагаш ака
76. Дочь старшей сестры	йнен	кызым	нагаш, нагаш ака
77. Сына младшей сестры	йнен	кызым, кызалагым, йненним	нагаш, нагаш ака
78. Дочь младшей сестры	йнен	кызым, кызалагым, йненним	нагаш, нагаш ака
79. Жену	кызым	келиним, келиншегим	эриу, байым, бала атасы
80. Сына	кызым	кисвим	ата
81. Дочь	кызым	кисвим	ата
82. Сына сына	кызым	кызым, кызалагым, йненним	атай
83. Дочь сына	кызым	кызым, кызалагым, йненним	атай
84. Дочь дочери	кызым	кызым, кызалагым, йненним	атай
85. Сына дочери	кызым	кызым, кызалагым, йненним	атай
86. Жену сына	кызым	кызым, кызалагым, йненним	атай
87. Мужа дочери	кызым	кызым, кызалагым, йненним	кайнага
88. Жену сына сына	кызым	кызым, кызалагым, йненним	кайнага
89. Мужа дочери дочери	кызым	кызым, кызалагым, йненним	атай
90. Мужа внучка сына	кызым	кызым, кызалагым, йненним	атай
91. Мужа внучки сына	кызым	кызым, кызалагым, йненним	атай
92. Жену внучка дочери	кызым	кызым, кызалагым, йненним	атай
93. Мужа внучки дочери	кызым	кызым, кызалагым, йненним	атай
94. Мужа дочери сестры	кызым	кызым, кызалагым, йненним	атай
95. Жену сына сестры	кызым	кызым, кызалагым, йненним	атай
96. Сына сына сестры	кызым	кызым, кызалагым, йненним	атай
97. Дочь сына сестры	кызым	кызым, кызалагым, йненним	атай
98. Сына старшего брата	кызым	кызым, кызалагым, йненним	атай
99. Сына младшего брата	кызым	кызым, кызалагым, йненним	атай
100. Дочь старшего брата	кызым	кызым, кызалагым, йненним	атай
101. Жену сына брата	кызым	кызым, кызалагым, йненним	атай
		улькен кайнагам	улькен кайнагам
		улькен кайнагам	улькен кайнагам
		нагаш ака	нагаш ака
		агам, иним	агам, иним
		кайнага (если я старше мужа),	кайнага (если я старше мужа),
		кайным мырзам, (если мташе,	кайным мырзам, (если мташе,
		мужа)	мужа)

102. Мужа дочери брата

киевим

кайнага (если старше дочери брата), кайним (если младше дочери брата)

103. Отца отца матери

атай

улым

104. Мать матери

агай

улым

105. Отца матери

атай

улым

106. Мать матери

авай

улым
йнен улым

107. Старшую сестру бабушки по матери

уыйкен авай, нагаш авай

108. Младшую сестру бабушки по матери

авай

йнен улым

109. Мужа старшей сестры бабушки по матери

кнеу акай (или по имени)

йнен кайним

110. Мужа младшей сестры бабушки по матери

акай, нагаш акай

йненим

111. Старшего брата бабушки

нагаш акай

йненим

112. Младшего брата бабушки

нагаш келин (енъгс)

йненим

113. Жену старшего брата бабушки по матери

нагаш келин (енъге)

йнен

114. Жену младшего брата бабушки по матери

енъге

йнен кайнага (если говорящий старше ее мужа),—йнен кайним (если наоборот)

115. Смена брата бабушки по матери

нагаш ака

йнен

116. Жену сына брата бабушки по матери

нагаш келин

йнен

117. Дочь брата бабушки по матери

кнеу

кайним

118. Мужа дочери брата бабушки по матери

большечер

кардаш

Б ПО МАТЕРИНСКОЙ ЛИНИИ

1	2	3	4
119.	Сына сестры бабушки по матери	енъге (если она старше говорящего)	майшым
120.	Жену сына сестры бабушки по матери	келли	кайнага
121.	Дочь сестры бабушки по матери	боь-лешер	боь-лешер
122.	Мужа дочери сестры бабушки по матери	кису	йнен
123.	Брата бабушки по матери	пагаш ака	яс
124.	Жену брата бабушки по матери	уьйкен енъге, келин (младше говорящего)	йнен бала, кайнага
124.	Сестру бабушки по матери	нагаш авай	яс
125.	Мужа сестры бабушки по матери	акай	ушым, балам, ясым
126.	Мать	аид, тетей	балам
127.	Старшую сестру матери	ачай	йнен бала
128.	Мужа старшей сестры матери	кису	кайнага, кайшым
129.	Младшую сестру матери	авътей	йнен
130.	Мужа младшей сестры матери	кису?	каин бала
131.	Сына брата матери	пагаш	йнен
132.	Жену сына брата матери	па аш енъге	йнен яс
133.	Дочь брата матери	на аш	йнен
134.	Мужа дочери брата матери	кису	кайнага
135.	Сына сына брата матери	нагаш	йнен
136.	Жену сына сына брата матери	па аш енъге	йнен яс
137.	Сына сестры матери	бала	боьле
138.	Жену сына сестры матери	енъге (если ее муж старше говорящего) келин (если ее муж младше говорящего)	кайшым, мырзам
139.	Дочь сестры матери	боьле	боьле
140.	Мужа дочери сестры матери	кису	кайнага
141.	Сына сына сестры матери	боь-лешер	боьле?
142.	Дочь сына сестры матери	боь-лешер	боьле?

1	2	3	4
143.	Сына дочери сестры матери	больтешер	больтешер
144.	Дочь дочери сестры матери	больтешер	больтешер
145.	Дочь сына брата матери	нагаш	инен
146.	Мужа дочери сына брата матери	кнеу	инен
147.	Сына дочери брата по матери	нагаш	инен
148.	Дочь дочери брата по матери	нагаш	инен
149.	Брата матери	нагаш ака	инен ас
150.	Жену брата матери	нагаш енгъе	инен
151.	Брата отца матери	нагаш акай	инен
152.	Жену брата отца матери	нагаш енгъем (если ее муж стар- ше говорящего)	инен ас
153.	Сестру отца матери	нагаш келиним (если ее муж младше говорящего)	ясым
154.	Мужа сестры отца матери	нагаш акай	кайним
155.	Сына сестры отца матери	нагаш кнеу	больтешер
156.	Дочь сестры отца матери	больтешер	больтешер
157.	Сына брата отца матери	нагаш	инен
158.	Сына сына матери матери	нагаш	инен
159.	Дочь брата отца матери	нагаш	инен
В ПО БРАКУ			
160.	Жену	хатыи, пише (по имени не назы- вают), уьйдеги	бай, эр, хожлии (по имени не называют)
161.	Тестя (отца жены)	кайната	кнеу
162.	Брата отца жены	кайнага	кнеу
163.	Сестру отца жены	кайнбийке	кнеу
164.	Сына брата отца жены	кайнага (если он старше жены) кайним (если он старше жены) кайнбийке (если она старше жены)	кнеу

1	2	3	4
165.	Дочь брата отца жены	балдыз (если он младше жены) кнеу йнеп кайнагамыз (если он старше жены)	кнеу
166.	Сына сестры отца жены	йнен кайнмиз (если он младше кнеу жены)	кнеу
167.	Дочь сестры мужа	йнеп кайнбийке (если она старше кнеу жены)	кнеу
168.	Тещу (мать жены)	йниа кайнсинъли (если она младше жены)	кнеу
169.	Сестру матери жены	кайнага кайнбийке	кнеу
170.	Брата матери жены	кайнага	кнеу
171.	Сына сестры матери жены	кайнага (если он старше жены) кайним (если он младше жены)	кнеу
172.	Дочь сестры матери жены	кайнбийке (если она старше же- ны), балдыз (если она младше жены)	кнеу
173.	Дочь брата матери жены	кайнбийке (если она старше же- ны), балдыз (если она младше жены)	кнеу
174.	Жену брата матери жены	епъгэй (если она старше жены), кнеу кезип (если она младше жены)	кнеу
175.	Сына брата матери жены	кайнага (если он старше жены), кайним (если он младше жены)	кнеу
176.	Старшего брата жены	кайнага	кнеу
177.	Младшего брата жены	кайним, яс, кишкеймина	кнеу
178.	Старшую сестру жены	кайнбийке	кнеу
179.	Младшую сестру жены	балдыз, кишлей кыз	кнеу
180.	Жену брата жены	кудаша	кнеу
181.	Мужа сестры жены	байжа	кнеу
182.	Сына брата жены	кайним	байжа

1	2	3	4
183.	Дочь брата жены	балдыз	кнеу
184.	Сына сестры жены	шнен яс, шнен бала	кнеу
185.	Дочь сестры жены	шнен кыз	кнеу
186.	Посаженного отца	оькыл ата	оькыл улым

ПРИМЕЧАНИЕ

- ¹ Г. Ананьев. Караюгайцы, их быт и образ жизни. Ставрополь, 1908.
- ² С. В. Фарфоровский. Ногайцы Ставропольской губернии. Тифлис, 1909.
- ³ С. Ш. Гаджиева. Очерки истории семьи и брака у ногайцев (XIX — начало XX в.). Изд-во «Наука», М., 1979.
- ⁴ Р. Х. Керейтов. Большая семья у кубанских ногайцев во второй половине XIX века. Сб. «Проблемы истории СССР». Изд-во МГУ, 1973; Новые черты в свадебном обряде кубанских ногайцев. СЭ, 1973, № 3.
- ⁵ И. А. Баскаков. Тюркские языки. М., 1960, с. 165.
- ⁶ И. П. Дырленкова. Брак, термины родства и психические запреты у киргизов. «Сборник этнографических материалов», № 2. Л., 1927.
- ⁷ Л. П. Потанов. Материалы по семейно-родовому строю у узбеков-кушгравов. Научная мысль. Самарканд—Ташкент, 1930, № 1; А. Джумагулов. Семья и брак у киргизов Чуйской долины. Фрунзе, 1960; К. Шапиев. Узбеки-карлуки. Ташкент, 1965; Л. А. Покровская. Термины родства в тюркских языках. Сб. «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961; Р. Г. Мухамедова. Татары-мишари. М., 1972; Х. А. Аргыпчаев. Казак халкындагы семья мен неке. Алматы, 1973; А. Т. Бекмуратова. Терминология родства у каракалпаков. Сб. «Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана». М., 1978.
- ⁸ С. Ш. Гаджиева. Кумики. М., 1962.
- ⁹ А. Мусукаев. Из прошлого позабытого. Пальчик, 1975.
- ¹⁰ «Народы Кавказа», ч. II, из серии «Народы мира». Изд-во АН СССР. М., 1962, с. 131—139.
- ¹¹ «Карачаевцы». Черкесск, 1978.
- ¹² К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 36.
- ¹³ С. М. Абрамзон. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971, с. 226.
- ¹⁴ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1973, с. 29.
- ¹⁵ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1973, с. 29.
- ¹⁶ Л. А. Покровская. Указ. соч., с. 55.
- ¹⁷ А. Т. Бекмуратова. Указ. соч., с. 29.
- ¹⁸ Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. Изд-во «Наука». М., 1978, с. 12.
- ¹⁹ Э. В. Севортян. Указ. соч., с. 12.
- ²⁰ Л. А. Покровская. Термины родства в тюркских языках. Сб. «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961, с. 42.
- ²¹ С. Е. Маслов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, с. 421.
- ²² Л. А. Покровская. Указ. соч., с. 40.
- ²³ Там же, с. 40.

Р. Х. КЕРЕЙТОВ

**О КНИГЕ С. Ш. ГАДЖИЕВОЙ «ОЧЕРКИ СЕМЬИ
И БРАКА У НОГАЙЦЕВ (XIX — НАЧАЛО XX В.)», М. 1979**

Известно, что семья является той микросредой, в которой отражаются изменения, происходящие в обществе. Поэтому, изучая общество, нельзя пройти мимо тех отношений, порядков, которые существуют или формируются в семье и наоборот. Согласно К. Марксу, семья «представляет собой продукт общественной системы»¹.

В прошлом, а особенно теперь, семья у различных народов изучается философами, социологами, демографами, этнографами. Исследования показывают, что семья у каждого народа имеет свои особенности, возникшие в разные эпохи её развития. И с этой точки зрения представляет научную и познавательную ценность книга профессора С. Ш. Гаджиевой.

Исследование предваряют теоретические выводы о семье, о ее роли в обществе. Хорошо прослежена дореволюционная и советская этнографическая литература о ногайской семье, которая еще в целом, но справедливому мнению автора, не стала объектом конкретного исследования. В дореволюционной литературе некоторые данные о семье можно почерпнуть из работ С. Г. Гмелина, И. Бентковского, А. П. Архипова и других, которые приведены в книге. В годы советской власти семья у ногайцев в целом также не изучалась, кроме кандидатской диссертации о кубанских ногайцах. Таким образом, предлагаемая книга — это первая публикация о семье ногайцев.

Монография написана в основном на полевых этнографических материалах, непосредственно собранных автором в процессе экспедиционных работ (1968 — 1972 гг.) в райо-

нах расселения погайцев на Северном Кавказе, преимущественно в пределах Дагестанской АССР. Кроме того, использованы историко-этнографическая литература, данные фольклора, памятники обычного права и архивные материалы. Однако, как указывает автор, (с. 8) неполнота этнографической литературы и исторических источников значительно затрудняли задачу освещения ранних форм семьи и брака. Многие семейно-бытовые явления дореволюционного

прошлого не только совершенно исчезли из повседневной жизни народа, но и не сохранились даже в памяти предстателей старшего поколения. Социалистическая перестройка социально-экономического и семейно-бытового укладов погайцев изменили коренным образом тот традиционный быт погайского народа, который наблюдали авторы еще в начале XX в. Хронологически данное исследование семейного быта погайцев не углубляется далее середины XIX в. С поставленной задачей: «в возможно полной и всесторонней характеристике формы семьи и семейного быта погайцев Северного Кавказа, главным образом Дагестана, во второй половине XIX — начале XX в.», — автор справился. В работе нашли отражение и социалистические преобразования в семейно-брачных отношениях за годы Советской власти.

Книга состоит из введения, трех глав и заключения.

Во введении дана краткая характеристика истории погайцев, выделившихся в XIV в. в самостоятельную Ногайскую Орду, имевшую дипломатические отношения с Русским государством, Византией и другими европейскими и восточными государствами. Территория Ногайской Орды простиралась от Днепра и Иртыша, доходила до Дуная, а также до Аральского моря и гор Северного Кавказа.

В первой главе «Большая и малая семья» изучен состав большой семьи, имущественно-правовые отношения, организация труда и формы управления в ней, анализируется малая семья. Рассматривая отмеченные проблемы в процессе исторического развития ногайского общества С. Ш. Гаджиева приходит к выводу, что во второй половине XIX века господствующей формой была малая семья, хотя большая патриархальная семья сохранилась вплоть до начала XX века.

Исследуя структуру большой семьи и веками складывавшихся в ней взаимоотношения, автор отмечает, что они ба-

зировались на нормах народных обычаев (аьдет) и легализованных царскими властями религиозных правил (шарнат). Главой большой семьи чаще всего был отец или старший брат. Приводятся полевые данные, что главой была и женщина — мать женатых братьев. Аргументированно раскрыта причина сохранения большой семьи. Структурно она состояла из нескольких малых семей. Это иллюстрируется рядом примеров. Убедительным звучит вывод автора, что «сохранению у ногайцев больших неразделенных семей способствовали стойко удерживающиеся пережитки патриархально-родовых отношений». (с. 23).

Значительную роль играли имущественно-правовые отношения, рассмотренные в зависимости от социальных факторов, исходя из классового содержания ногайского общества, в котором была четкая классовая дифференциация. В ногайском обществе существовал наемный труд, батрачество. По словам автора, богатые ногайцы нередко имели по четыре-шесть юрт, в том числе одну главную, служившую гостиницей и столовой («уыйкен терме», или «казан терме»), затем юрты отдельно для каждой жены хозяина, для каждого женатого сына и т. д. Жилище же большой семьи рядового кочевника нередко состояло из одной разборной кибитки — терме, «уый», «ожак» (с. 24, 26).

Жилище большой семьи рядового кочевника в большинстве случаев — это одна кибитка. С. Ш. Гаджиева приводит слова Н. Семенова о ногайцах Терско-Сулакской низменности, что у бедняков в одной кибитке «зачастую одновременно помещается и неоправившаяся после родов женщина с новорожденным, и какой-нибудь другой больной член семьи, и старая хозяйка дома со своим треногим очагом, с котлами, кувшинами, тазами со всеми молочными продуктами, тут же подвергаемыми соответствующей переработке» (с. 27).

Описано жилище большой семьи у кубанских ногайцев, которое представляло длинный дом из нескольких комнат, его убранство.

На основании многих примеров, подтвержденных архивными документами и полевыми материалами автор правмерно отмечает, что «общинно-семейная форма собственности, основанная на коллективном труде всех членов семьи и кровных связях, вызывала сохранение общинного потребления» (с. 30).

Богатый материал подобран для освещения вопросов организации труда и форм управления в большой семье, где почти всю работу выполняли её члены. Хорошее знание хозяйственной деятельности ногайцев (особенно степных) позволило автору детально рассмотреть каким образом в семье распределялась рабочая сила, кто за что отвечал, из чего складывался бюджет семьи. Дифференцированный подход к раскрытию хозяйственной деятельности кочевых и оседлых ногайцев позволило автору осветить различные виды работ, которые выполнялись членами большой семьи, кому из них при этом какая роль отводилась. Описан и наемный труд, к которому прибегали в богатых семьях.

Развитие капиталистических отношений в России прогрессивно повлияло и на ногайское общество: увеличилось число отходников, их которых часть, оседая в городах, вливалась в состав рабочего класса; участвовали на перевозке различных грузов (за год ногайцы предоставляли государству до 115 тысяч арб). Все это в совокупности ускоряло распад больших семей.

Значительные сведения имеются об управлении большой семьей. Главным лицом здесь выступал глава семьи, чей авторитет был непоколебим. Он следил за всей деятельностью членов семьи, был ответственным лицом за обязанности семьи перед государством. В семье существовало половозрастное разделение труда: мужчины отвечали за полевые работы, уход за скотом, вывозили излишки продуктов на базар; женщины управлялись с домашними делами — приготовлением и подачей пищи, обработкой мясных и молочных продуктов, шитьем одежды, уборкой помещений и т. д. В том же разделе затронуты некоторые вопросы семейного этикета. Раскрыта тяжелая доля женщины, беспрекословно подчинявшейся всем старшим родственникам мужа, строго выполнявшей обычай избегания. Однако автор признает и то, что «с возрастом положение женщины постепенно изменялось... Часто после смерти главы дома его жене переходили его права». (стр. 41).

Подытоживая раздел, автор делает правомерный вывод, что «начавшийся в более ранний период процесс распада больших семей особенно усиливается и в основном завершается во второй половине XIX в», (стр. 41), т. е. в период, когда ногайцы, как и многие другие народы Северного Кав-

каза, все больше вовлекались в орбиту капиталистических отношений.

Результатом распада патриархальных больших семей явилось образование малой формы семьи «Разложение натурального хозяйства — пишет автор, — проникновение в погайский аул капиталистических отношений приводили к постепенному распаду большой семьи, к изменению как численного состава семьи, так и характера внутрисемейных отношений» (стр. 44).

Положение о выделе малой семьи подкрепляется обилием примеров. Рассматриваются правовые положения во время выдела из большой семьи малой. «Выделение обычно происходило мирно, конфликты были редки, и сыновья, соблюдая волю отцов, старались к помощи аульной администрации не прибегать», — пишет автор (стр. 45). Подчеркивается, что образование малой семьи не искоренило патриархальных порядков. Но характеризуя эволюцию большой семьи, следовало хотя бы кратко подчеркнуть существование у степных погайцев в прошлом (не забыт он и нынче) такого элемента в семейных отношениях как энши.

Энши — это доля отцовского имущества, которую каждый из сыновей мог получить после женитьбы при выделе. Исследование энши дало бы возможность глубже проникнуть во внутрисемейные взаимоотношения, выявить ранее неизвестные законы в обычном праве. Б. Х. Кармышева и Н. П. Лобачева в рецензии на работу Х. А. Аргынбаева («Казак халкындагы семья мен неке», Алматы, 1973) отметили именно эту сторону в обычном праве казахов и пишут, что вывод автора «о господстве малой индивидуальной семьи у казахов подкреплен здесь обильным фактическим материалом. Особенно убедительным аргументом в пользу этого положения является существование энши — доли отцовского имущества, которую каждый из сыновей мог получить, согласно обычному праву, при выделе из отцовского хозяйства (что обычно происходило после женитьбы)².

С раздела «Заключение брака» начинается глава «Семейная обрядность». Рассмотрены брачный возраст, сватовство, нормы брака. Брак был экзогамным. Экзогамия распространялась на определенный круг. Возраст вступающих в брак был ранним. Заключение брака было обусловлено разными признаками: социальное положение, богатство стояли на пер-

вом месте, дальше шли красота девушки, умение шить и вышивать.

Для вступления в брак важно было наличие калыма — классического атрибута брака путем купли — продажи. Его размер зависел от богатства и знатности вступающих в брак. Эти вопросы автор рассмотрела на довольно обширном материале. Разграничено при каких обстоятельствах кому, то и когда раздавал калымный скот. В связи с уплатой калыма упоминается шариатское установление об уплате денег или имущества «кебин акы». «Мекер» — на случай вдовства жены. Но в то же время автор правильно отмечает, что в среде ногайцев этот обычай не играл большой роли, он изменялся крайне редко и сумма денег была небольшой.

Как у многих народов, у ногайцев невеста всегда имела приданое «муьлк», куда входили постельные принадлежности, мебель, ковры, кошмы, посуда, утварь и т. д. Разумеется качество и количество приданого зависело от знатности и богатства родителей невесты. В состав приданого входили свадебная арба «куьйме», кибитка «отав». Богатые невесты имели как приданое верблюдов, коров, лошадей, дорогую одежду из парчи, меха, золотые и серебряные изделия. Некоторые бедные невесты вообще не имели приданого.

В день привода невесты в дом жениха привозили подарки родным мужа «кийит»: шубы из различного меха, украшения и т. д. Вызывает сожаление, что автор не предприняла попытки раскрыть истоки «кийит». Как свидетельствуют многочисленные источники, да и само слово, этимологизируемое как кийимэт (одежду сделай), в корне обычай предусматривал изготовление невестой одежды для свекра и свекрови, чем невеста показывала свое мастерство в рукоделии.

С. Ш. Гаджиева описала существовавшие формы брака, среди которых помолвка в колыбели, сорорат, левират, обменный брак. Но они освещены не полно. Например, автор остановилась лишь на форме брака «оьтелик» (стр.68) (правильно «оьтелес»). Не даны названия колыбельной помолвки до рождения детей «белкьуда», приемчества «уьй киеу» (букв, домашний зять) и др. желательно было подкрепить примером вывод автора, что «ногаец свободно (даже предпочтительно) мог жениться на дочери своего материн-

ского дяди (кроскузенные браки) на том основании, что вступающие в брак принадлежат к разным патриархальным родам (тамги разные)» (стр. 61).

В разделе «Свадебный цикл» автор с полным основанием отмечает, «что цикл свадебных обрядов представляет сложное переплетение пережитков древних дислокальных и матриликальных форм брачного поселения с поздними уже почти безраздельно господствовавшими патрилокальными формами» (стр. 74).

В свадебном цикле наблюдалась стройность и последовательность действий: сватовство, помолвка, малая свадьба, знакомство невестки с родными мужа. Автор приводит обильный материал, характеризующий зависимость молодых людей в решении вопросов брака. Невесту для сына выбирали его родители, они же посылали сватов к её родителям. Описаны обручение, сопутствующие этому действия, церемония передачи калыма. Увлекательно показаны малая и большая свадьбы, сопутствующие и различные действия, обряды. Большое внимание уделено такому вопросу, как участие на свадьбе родственников брачащихся, соседей, аульчан. Это участие выражалось в материальной помощи и моральной поддержке. У кочевых групп ногайцев для молодых выделялась отдельная, нарядно убранная юрта «отав», справленная невесте отцом. Свадьба сопровождалась различными играми, соревнованием музыкантов, певцов, сказителей. В разделе хорошо описан свадебный костюм жениха и невесты, его локальные особенности у разных групп ногайцев, процесс смены элементов одежды девушки на элементы одежды женщины.

Свадьба сопровождалась многими театрализованными и магическими действиями в различные этапы цикла. Исполнители действия знали свои обязанности. Особый интерес представляла сцена вывода невесты из родительского дома, где родные ставят искусственные преграды и стараются не выпускать её, требуют выкуп, а полномочные представители жениха во что бы то ни было обязаны дешево откупиться и забрать невесту, привезти в дом жениха, завести в комнату и оставить на попечении сопроводительницы «енъге». Невеста помещалась за ширмой «шымылдык». Обрядовые шуточные игры устраивались и во время ввода жениха в отчий дом, в комнату невестки. Эти и другие об-

рядовые магические действия нашли в работе хорошее отражение.

Главным обрядовым действием для невестки являлось открывание ее лица «бет ашар», проводившееся на второй или третий (иногда через 10—15 дней) день пребывания в доме мужа. Во время церемонии присутствовали старшие свойственницы. Открыв лицо невестки, мать и тетья мужа, а в большинстве мальчик, давали ей отведать меду. На следующий день ее, уже с открытым лицом, вводили в эту же комнату, знакомили с родственниками мужа (этот обряд назывался «бет йылытув» — (буквально согревание лица).

Приобщение невестки к дому мужа закапчивалось выходом за водой. Родительский дом молодая женщина посещала у степных ногайцев через 20 дней, у кубанских — через 3—6 месяцев, чуть позже по приглашению приходил зять.

Известно, что в семейных отношениях многих народов значительное отрицательное место занимает институт избегания. Он присутствовал (к сожалению не отжил полностью и в настоящее время) и у ногайцев. В разделе, посвященном этому вопросу, рассмотрены взаимоотношения между молодыми супругами, между молодой женщиной и родственниками мужа, зятем и родственниками жены. Знание материала по исследуемой теме, различных сторон института избегания, истоков их, обрядов, после которых можно было видеться и разговаривать, позволило автору полно раскрыть поставленные проблемы. В этом же разделе приведены многие термины родства.

Описанию родильных обрядов, воспитанию детей, их играм, песням, развлечениям посвящен отдельный раздел. Родильные обряды сопровождались различными религиозно-магическими приемами, выполнявшимися роженицами и бабками-повитухами. Описан обряд укладывания ребенка в люльку, называние именем, воспитание.

Определенное внимание уделено существовавшим в прошлом формам искуственного родства, главным образом, атальчеству, лобратимству. Атальчество у ногайцев имеет древние корни, автор иллюстрирует это источниками, уходящими к XIII—XV вв. Описан процесс передачи на воспитание, возвращение воспитанника родителям. С. Ш. Гаджиева к виду атальчества относит и то, когда уже молодой человек называл определенное лицо своим

атайком. В погайской действительности такие случаи были довольно часты. Но здесь автор не отметила, что к подобному искусственному родству прибегали молодые люди, рано оставшиеся без отца и процесс усыновления пазывался «ул окынув». С подобным родством перекликаются и другие формы родства «кардаш окынув» (заиметь брата), когда не имевшая братьев девушка, просила молодого человека стать пазванным братом, а молодой человек, не имевший сестру, просил девушку стать пазванной сестрой «карындас окынган». Они потом считались братом и сестрой, брак между ними запрещался. Последние виды побратимства автором частично отмечены.

Знание материала позволило автору достаточно подробно описать погребальные обряды и обычаи. Они были такими же, как и у всех народов, исповадовавших ислам. Как пожелание можно отметить, что раздел памного выиграл бы, если были бы охарактеризованы хоть частично донсламские верования погайцев.

Значительно внимание уделено кровной мести, ее мотивам, обряду примирения.

Хотя работа посвящена семейным и брачным отношениям, существовавшим у погайцев в XIX — начале XX вв., в книге есть отдельная глава «Современная семья и семейный быт погайцев». И это правомерно. В процессе социального строительства и революционного преобразования быта, у погайцев сформировалась новая советская семья: женщина получила равные права с мужчиной, что позволило раскрыться её талантам; молодые люди в отличие от прошлого свободны в решении всех вопросов заключения брака; современные свадебные обряды, выбрав из традиционных лучшие, внесли в них новое содержание; созданы новые обряды, связанные с рождением ребенка; определенные сдвиги есть в погребальных обрядах.

Монография написана на высоком научно-теоритическом уровне, легко читается и хорошо иллюстрирована. Укращеннем книги, безусловно, являются народные обрядовые песни, часть которых, как с благодарностью отмечает автор, любезно представил погайский фольклорист А. И.-М. Сикалиев.

Исследование написано на основе полевых материалов, собранных в районах расселения погайцев в Дагестанской АССР, на что указывает автор во введении книги. Примеры

из жизни других групп даются эпизодически. Мало ссылок на ногайцев кубанских и кумских, а о ногайцах, живших на Северном Причерноморье и Приазовье, на Нижнем Поволжье данные вообще отсутствуют. Поскольку книга называется «Очерки истории семьи и брака у ногайцев» (т. е. о всех), хотелось бы во втором издании восполнения исследования и об остальных ногайцах.

Имеются мелкие, легко устранимые упущения. Например, автор не приводит данные о ритуальной пище на свадьбе, а она была: «кувырдак», «бауырсак», «катлама». По тексту автора выходит, что имя ребенку давали женщины (стр 112)), а материалы убеждают, что эту миссию выполняли старики. Согласно утверждению автора у мужчин не было траурной одежды, но дореволюционные авторы пишут, что у ногайцев «мужчины, родственники покойного, в знак своей скорби и печали надевают на голову траурную шапку особого покроя. Эта шапка снимается по истечение года»³. Полевые материалы также свидетельствуют, что траурной служила поношенная одежда.

Монография С. Ш Гаджиевой раскрывает историю семьи и брака у ногайцев, различные обряды и обычаи. Исследование восполняет пробел в этнографии ногайского народа, оно окажется весьма полезным специалистам, широкому кругу читателей, интересующимся историей и этнографией не только ногайцев, но и всех тюркских народов, с которыми их связывают древние этногенетические и этнокультурные контакты. Книга написана хорошим языком, что позволит сделать её доступной широкому кругу читателей.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. IX, М. 1941, с. 37.

² См. СЭ, 1976, № 2, с. 174.

³ См. сб. «Народы России», вып. 3, СПб., 1880, с. 278.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия
АЭС КБНИИ	— Археолого-этнографический сборник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института
АЭС ЧИНИИ	— Археолого-этнографический сборник Чечено-Ингушского научно-исследовательского института
ГИМ	— Государственный исторический музей
ВДИ	— Вестник древней истории
ВССА	— Вопросы скифо-сарматской археологии
ИА	— Институт археологии АН СССР
ИАК	— Известия Археологической комиссии
ИИЯЛ	— Институт истории, языка, литературы
ИОЛИКО	— Известия общества любителей изучения Кубанской области
ИРГО	— Императорское Русское географическое общество
КБНИИ	— Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КЧАО	— Карачаево-Черкесская автономная область
КЧНИИ	— Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт
КЧОМК	— Карачаево-Черкесский областной музей краеведения
КЭС	— Кавказский этнографический сборник
ЛОИА	— Ленинградское отделение института археологии
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МИСК	— Материалы по изучению Ставропольского края
МПИЧН	— Материалы по изучению черкесского народа
ОАК	— Отчет Археологической комиссии
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
ССИКБ	— Сборник статей по изучению Кабардино-Балкарии

СМАА	— Сборник материалов по археологии Адыгеи
ССКГ	— Сборник сведений о кавказских горах
СТАА	— Сборник статей по археологии Адыгеи
СЭ	— Советская этнография
ТВДАЭ	— Труды Волго-Донской археологической экспедиции
ТКЧНИИ	— Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института
Уз. Даг. ФАН	— Ученые записки Дагестанского филиала Академии наук СССР
УЗ ЛГУ	— Ученые записки Ленинградского государственного Университета

